ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общая тетрадь

Москва 2012

Общественно-политическое издание
Выходит раз в квартал
Наш электронный адрес:
e-mail: msps@msps.su
http: //www.msps.su

Редакционный совет:
А.Н. Архангельский
Е.В. Барабанов
Р. Брейтвейт (Великобритания)
И.М. Бусыгина
С.А. Васильев
Н.В. Злобин
М. Мертес (ФРГ)
С.В. Мошкин
Е.М. Немировская
Д. Пинто (Франция)
Б. Рубл (США)
В.А. Рыжков
Ю.П. Сенокосов
А.Ю. Согомонов
А. Хиль-Роблес (Испания)
Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*
Ответственный секретарь: *С.А. Максимов*
Художественный редактор: *Людмила Иванова*
Верстка: *Валерия Козак*
Фото: *О. Начинкин*

Издание этого номера журнала осуществлено при поддержке Института «Открытое общество» (HESP), Фонда Ч.С. Мотта, Шведского агентства международного сотрудничества для развития (SIDA), группы компаний «Рольф».

Содержание

№ 2–3 (59) 2012

К читателю

Об истоках феномена демократии и прав человека 5
Владимир Лукин

Семинар

Желательные параметры российского государства 9
Михаил Краснов

Дискуссия 18

Адвокатура в системе судопроизводства в России 28
Вадим Клювгант

Дискуссия 34

Тема номера

Социальная дифференциация российского пространства 47
Наталья Зубаревич

Дискуссия 55

Демократия «на местах»: точки и пределы роста 63
Виктор Панкращенко

Вызовы и угрозы

Анатомия российской коррупции 2012 75
Елена Панфилова

Дискуссия 82

Спасение человечества – дело рук самого человечества 86
Александр Волков

Точка зрения

«Цветные революции» в постсоветском мире: причины и последствия 93
Михаил Минаков

О социальной структуре общества и политическом развитии страны 112
Сергей Васильев

Гражданское общество

Гражданское образование в истории западной философии
Александр Согомонов 120

Местное самоуправление

НКО и развитие социальной активности населения
Лилия Храмцова 133

Жизнь в профессии

Адвокат Юрий Маркович Шмидт
Тамара Морщакова 139

Горизонты понимания

Дефицит будущего
Иван Крастев 144

Наш анонс

Интеллектуалы и свобода
Дмитрий Горин 158

Книги

Первая мировая как российская авантюра?
Андрей Захаров 163

Региональное книжное обозрение
Элина Печонова 165

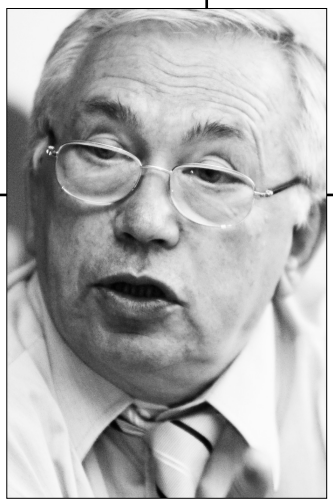
Контрапункт
Владимир Рыжков 167

Nota bene

Откуда берутся гении
Владимир Солониченко 176

В оформлении номера использованы работы авторов из Великобритании, Германии, Израиля, Италии, Польши, США, ЮАР.

*Об истоках феномена демократии и прав человека**



Владимир Лукин, уполномоченный по правам человека в РФ

Вопрос о том, является ли представление о демократии и правах человека специфическим западным феноменом или же оно имеет некие универсальные, общечеловеческие характеристики, возник как частная проблема многовекового спора об универсальности и релятивизме человеческой культуры и, соответственно, о многообразии и универсальности норм взаимоотношений индивидуума и социума, индивидуума и государства. На протяжении веков человечество пыталось отыскать баланс между очевидным многообразием культур и этических представлений и не менее очевидными универсальными качествами, присущими нам всем в силу нашей принадлежности к человеческому роду. Казалось, культурное разнообразие не оставляло никаких шансов на поиск общечеловеческих качеств и норм. «Если бы предоставить всем народам на свете выбирать самые лучшие из всех обычаи и нравы, то каждый народ, внимательно рассмотрев их, выбрал бы свои собственные», — отметил Геродот две с половиной тысячи лет тому назад. Много веков спустя Редьярд Киплинг категорично заметил: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись». Но настолько ли глубока пропасть разделяющих нас культурных традиций? В отличие от сторонников идеи непреодолимых различий между представителями различных культур, сторонники гуманистической традиции всегда подчеркивали общность человеческого рода и тех законов, на основе которых существует каждый человек. Так, в своей знаменитой работе «Об общественном договоре» Руссо писал: «...поскольку всякий человек рождается свободным и хозяином самому себе, никто не может ни под каким предлогом подчинить его без его согласия. Постановить, что сын рабыни рождается рабом, это значит постановить, что он не рождается человеком». Эта истина была убеди-

** Выступление на первом Всемирном форуме за демократию в Совете Европы, 8 октября 2012 г.*

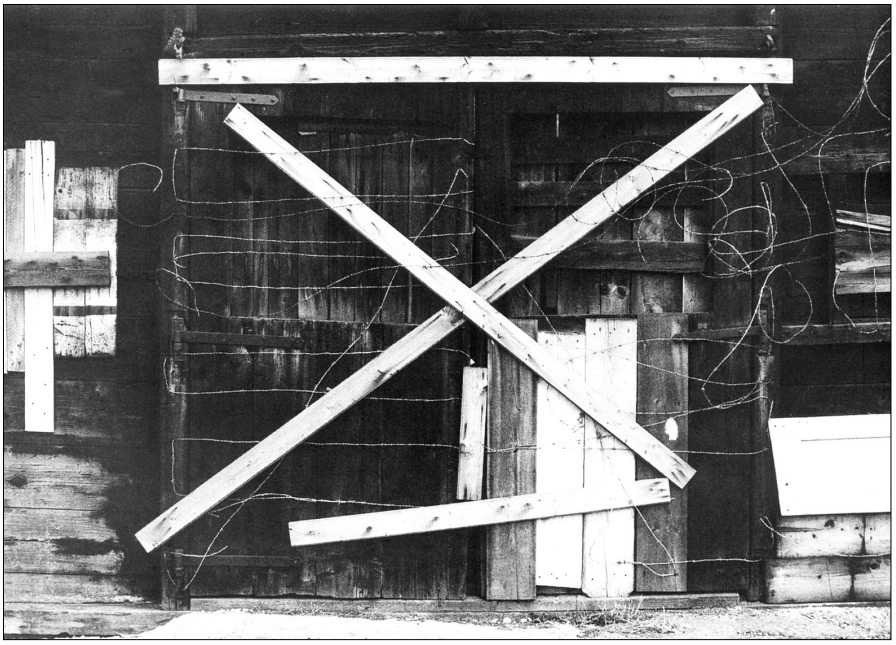
тельно подтверждена в середине XIX века, когда в таких различных в культурном отношении странах, как Россия и Америка, практически одновременно (в 1861 и в 1865 г.) было ликвидировано рабство.

Немецкий философ Кант, размышляя об общности судьбы всего человечества в статье «К вечному миру», отмечал: «Более или менее тесное общение между народами земли, всюду взявшее перевес, развилось настолько, что нарушение права в одном месте чувствуется во всех других. Из этого видно, что идея права всемирного гражданства есть не фантастическое и преувеличенное представление о праве, но необходимое дополнение неписаного кодекса как государственного, так и международного права к nубличному праву человечества вообще и, таким образом, к вечному миру». Думаю что Кант не ошибся. Он просто значительно опередил свое время.

Важным представляется тот факт, что мысли Геродота, Руссо, Канта и многих других, как релятивистов, так и универсалистов, оказались не просто абстрактными соображениями. Эти идеи явились интеллектуальной основой для формирования мощных мировых идеологий XX века, которые, захватывая умы, воплощались в конкретной политике, непосредственно влияя на жизни миллионов людей. Таким парадоксальным образом само противоборство между принципами универсализма и релятивизма со временем приобрело глобальные, универсалистские качества.

Недавние политические события в мире очередной раз заставляют рассматривать давний спор о культурном и этическом релятивизме, а в нашем случае спор о наличии или отсутствии универсалистских истоков феномена демократии и прав человека, через призму конкретных политических практик и их последствий. Думаю, что наиболее реалистическим подходом при анализе универсалистских и релятивистских качеств является не отрицание одного из двух, а поиск верной иерархической зависимости между двумя этими концепциями. Никто не может отрицать очевидного культурного разнообразия, которое через сложную систему норм, традиций, обычаев и ритуалов легло в основу многообразных этических систем и, как следствие, различных представлений о формах взаимодействия индивидуума и общества, индивидуума и власти. Более того, именно всплеск интереса к культурному и этическому релятивизму, именно понимание существования многообразия форм культуры явилось важнейшим шагом к утверждению принципа толерантности как инструмента просвещенных взаимоотношений между представителями различных культур.

В то же время существование различных независимых культурных систем и этических представлений не исключает того факта, что, во-первых, эти системы и их нормы пересекаются друг с другом. Во-вторых, эти, казалось бы, независимые этические системы существуют в динамике, все более и более конвергируя друг с другом. Не сомневаюсь, что этот процесс будет ускоряться в связи с появлением сети Интернет с ее глобальной, мировой информационной системой —



Гарри Сенгерс. Без названия. 1985

основы для массовой конвергенции этических принципов и ослабления регионального культурного релятивизма. Все это указывает на то, что региональные культурные, этические и политические различия являются вторичными, эволюционирующими качествами, стремящимися к общему знаменателю мировых норм, правил и практик. С этой точки зрения представляются в корне ошибочными любые жесткие релятивистские предопределенности политического курса или практики в области прав человека любой страны.

К примеру, говоря о России, кажутся довольно плоскими, а потому несправедливыми рассуждения о «заведомо тоталитарной судьбе России». Ее некоторые западные исследователи пытаются обосновать историческими или, скорее, псевдоисторическими экскурсами в русскую историю. Россия, безусловно, европейская по своей цивилизационной принадлежности страна, которая, однако, в силу ряда исторических особенностей своего развития, обладает некоторыми авторитарными политическими инстинктами, имеющими в своей основе довольно укорененные представления о приоритете коллектива над индивидуальными правами отдельной личности. Мы в своих ежегодных докладах не стыдимся говорить о том, что Россия является развивающейся демократией, которой необходимо время, для того чтобы изжить эти авторитарные инстинкты, или, точнее, необходимо время для конвергенции части норм с общемировой системой этических представлений и правил. Возможно, каннибализм тоже когда-то был «культурной спецификой». Сейчас, на нынешнем этапе человеческой цивилизации это явление выведено за пределы приемлемого поведе-

ния homo sapiens'a. Очередь — за необузданным тираническим властолюбием. Но скажите, какой стране не требовалось время (иногда очень значительное) для решения подобных задач? Давайте вспомним путь Британии к прочным демократическим устоям: от *Magna Carta* до наделения женщин избирательными правами прошло семь веков. Россия развивается значительно быстрее. Нельзя бежать вперед от действительности (у нас уже есть печальный исторический опыт подобных попыток). Тем более нельзя прикрывать разговорами о стабильности застой и гниение. Это не менее верный путь к смуте и хаосу, чем желание обогнать время.

Таким образом, демократия и соответствующие этой политической системе нормы прав человека — это, как показывает опыт разных стран, континентов и культур, универсальный феномен, дороги к которому идут через сонм частных культурных особенностей. В этой связи неубедительно выглядит и релятивистский аргумент опыта Китая, добившегося экономических успехов в рамках недемократических политических процедур. Представляется, что очевидные успехи Китая объясняются не наличием авторитарной системы политического управления, а как раз наоборот — постепенной диверсификацией (пока на преимущественно экономическом уровне) прежнего постреволюционного единообразия. В этом плане Китай периода «культурной революции» и современный Китай — две разные страны. А мы знаем, именно диверсификация экономической и общественной жизни, наличие выбора является одной из черт демократического уклада.

Парадоксальным образом, универсальное значение демократии и ее институтов осознают многие современные политики, чьи практические действия не всегда совпадают с представлениями о демократических принципах и процедурах. Именно поэтому мы наблюдаем феномен поиска эвфемизмов, маскирующих «недодемократические» национальные политические реалии. С нашей точки зрения, не существует неких подвидов демократии — *особенной, суверенной, народной* или какой-либо еще. Если в определении демократии присутствует дополнение, то возникает стойкое ощущение, что вас как минимум хотят ввести в заблуждение, укрывшись за спиной «культурной специфики».

Таким образом, путь развития России это не изоляционизм, милитаризация и упорное нежелание следовать общемировому тренду политической демократизации. России, как никогда прежде, необходима эффективная демократическая система ротации политической элиты, что, помимо прочего, гарантирует упрочение демократических институтов страны и более пристальное государственное внимание к проблемам соблюдения прав человека. Этот путь необратим. Но движение по нему, расписание демократического поезда определяется в самой России и ее гражданами.

*Желательные параметры российского государства**

Михаил Краснов, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Высшей школы экономики

Судя по социологическим наблюдениям, большинство людей в России не мыслят государство без персонализации «верховной власти» — царя, генсека, президента. И власть такого «персонализатора» они либо боготворят, либо, наоборот, ненавидят, возлагая на него ответственность за все происходящее, да и не происходящее тоже. Ясно, что это свидетельствует об отсутствии демократии. Впрочем, и без социологических замеров легко понять это. Например, если публичным событием в стране становится день рождения или, того пуще, юбилей «главного начальника», можно точно сказать: этот режим не демократический. Равно, как индикатором отсутствия демократии в той или иной стране является апелляция к чувствам граждан, которые те испытывают или должны испытывать к «лидеру». При демократии никто в здравом уме не будет рассуждать о чувствах к политикам**. И социологи в опросах не будут подобные вопросы задавать. И публицисты — писать.

Однако и сами «правители», сознательно или инстинктивно, склонны исповедовать тот же стиль. «Я отвечаю за все» — как-то сказал В. Путин. И он, думаю, искренне так считает, хотя конституция формально не отводит ему такую роль — роль самодержца. Тем не менее и общество, и элиты именно так воспринимают устройство власти. Этот тип госу-

** Выступление на семинаре Школы в Голицыно 14 июня 2012 г.*

*** Во время подготовки этого выступления к печати я прочитал интервью Е. Масюк с известным политтехнологом Г. Павловским, в котором он занимается чуть ли не психоанализом личности Путина (см.: Новая газета. № 121 от 24 октября 2012 г.). И это как нельзя более ярко подтверждает мой тезис об авторитарности существующего политического режима в России. Ведь авторитарность – не обязательно равна жесткой репрессивности, хотя, как правило, рано или поздно востребует и ее.*

дарственности иногда называют потестарным (от лат. potestas — власть), противопоставляя его правовому типу. Государство потестарного типа сопровождает почти всю историю России. И даже сегодня, несмотря на вроде бы современную конституцию, этот тип вновь торжествует. В чем же причина? Одни считают, что все дело в «наших мозгах», традициях. Другие объясняют необходимость авторитарности суровым климатом и огромными пространствами. Что ж, эти факторы в том или ином объеме существуют. Но из этого нельзя делать вывод (а некоторые его делают, и сегодня все активнее) о том, что Россия находится в некоей традиционалистской «матрице», что ее судьба предопределена «архетипом», «культурным кодом» и т. п. Я категорически не разделяю такое убеждение. И дело даже не в оскорбительности такого детерминизма, а в том, что Россия — отнюдь не единственное государство, где большую роль играют социокультурные факторы, которые способны лишь затруднить переход к правовому типу властвования, но не предопределить его невозможность. Другое дело, что на них удобно спекулировать. Вот и мы то и дело слышим: «Ну, не созрел наш народ для демократии». В таком случае я спрашиваю: а благодаря чему будет идти «созревание»?

Конечно, гражданское созревание может происходить и в неправовой среде. И оно идет. Но, во-первых, это занимает довольно много времени, к тому же этот процесс нелинейный, не восходящий. Неслучайно в обществе сейчас сильны ожидания некоего реакционного реванша. А во-вторых, этот процесс охватывает поначалу только сравнительно небольшую часть общества.

У многих сегодня можно заметить нотки отчаяния, безвыходности. Причем все чаще публицисты, блогеры склонны винить народ в его покорности, гражданской пассивности, привычке мириться с беззаконием и произволом. Я не собираюсь ни оправдывать наше общество, ни обвинять его. Только хочу сказать, что обвинения не только непродуктивны, но и весьма поверхностны, ибо совершенно не учитывают того, что во всех обществах из альтернативы: «восстание против тирании» или «адаптация» — большинство чаще всего выбирает адаптацию.

Таким образом, я подхожу к основной мысли своего выступления: не меняя институциональные условия, в которых находятся власть и ее «персонализатор», мы мало чего сможем добиться. Необходимо изменить субъект адаптации. Таким субъектом должна стать в первую очередь сама власть. Собственно, это и есть главная задача нормальной конституции: создать пусть «золотую», но «клетку для власти». А действующая российская конституция такую «клетку» не создает.

Эта мысль, однако, не находит пока многочисленных сторонников. Ведь как обычно рассуждают, в том числе и многие демократически настроенные политики. Если в обществе распространены жлобство, а не благородство, хамство, нетерпимость к иному мнению, неуважение достоинства другого человека, то никакая перестройка институтов не поможет. Но это — глубокое заблуждение. Конечно, культура неизбежно сказывается на качестве институтов. Но ведь и культура не есть нечто застывшее. Между прочим, всего за несколько десятилетий советская власть фактически вывела «новый сорт» массового человека. Поэтому наша сегодняшняя едва ли не самая актуальная и при этом вполне решаемая задача — повлиять институтами на

саму культуру. Конечно, она будет сопротивляться, да уже сопротивляется. Но тут многое зависит от качества институтов и от решимости идти к цели.

Прежде всего, речь идет о таком дизайне институтов, при котором постепенно будет исчезать «царецентристский» стереотип — и в головах элит, и в головах населения. На это возражают: такие изменения возможны лишь с приходом президента, преданного идеалам свободы и демократии. Конечно, роль личности в истории огромна. Но, во-первых, недопустимо «подвешивать» страну под ожидание прихода президента-конституционалиста. Во-вторых, при том положении, которое по нашей конституции занимает президент, нет гарантии, что он вновь не ощутит себя «царем» и не начнет подавлять чуждые ему позиции и ценности вместе с их носителями. Наконец, в-третьих, найдется ли сегодня кандидат в президенты, готовый пойти наперекор распространенным в обществе взглядам? Ведь даже возможные представители будущей российской элиты, оказывается, имеют вполне патриархальный образ мышления. Например, исследование В.А. Касамары и А.А. Сорокиной «Идеальный президент глазами российских и французских студентов» («Общественные науки и современность», 2012, № 1) показало, как пишут его авторы, что «мифологема о том, что президент — это "отец нации", вездесущий правитель, защищающий граждан от беззакония, помогающий социально незащищенным слоям населения, поддерживающий порядок в стране, не так ярко, как среди среднестатистических россиян, но все-таки прослеживалась во взглядах опрошенных нами студентов. Благодаря традиционному, во многом патриархальному и иррациональному восприятию высокого должностного лица, понятие "*президент*" подменялось понятием "*правитель*", тяготеющим к "*батюшке царю*", который вместо того, чтобы "*отстаивать национальный интерес*", в первую очередь "*думает о народе*", "*держа страну в ежовых рукавицах*"». Наделение президента сверхвозможностями супергероя, на наш взгляд, связано с высокой политической мифологизированностью массового сознания россиян, которое, в свою очередь, оказывает влияние на их общественные представления и взгляды».

Россия – отнюдь не единственное государство, где большую роль играют социокультурные факторы, которые способны лишь затруднить переход к правовому типу властвования, но не предопределить его невозможность

Прав был Карл Поппер, говоривший, что неверно ставить вопрос: «Кто должен править?». Необходимо ставить вопрос иначе: «Как нам следует организовать политические учреждения, чтобы плохие или некомпетентные правители *не нанесли слишком большого урона?*». Это вообще совершенно иной принцип развития государственности — негативное предположение. Он означает, что при всех нововведениях мы должны оценивать не столько заманчивые перспективы новшества, сколько его возможные негативные последствия. Как верно заметил современный французский философ Андре Глюксман, «в обществе должно существовать согласие относительно того, *чего обязательно следует избегать*».

Луиза Буржуа. Страхи. 1992

Итак, прежде чем переходить к внедрению принципов публичной жизни, построенных на идее благородства и ценности человеческого достоинства, необходимо думать о такой системе власти, при которой эти идеи были бы институционально обеспечены. Поэтому мы с Лилией Шевцовой и Игорем Клямкиным в декабре прошлого года опубликовали статью в «Новой газете» о том, зачем нужно вносить изменения в конституцию.

Конституция у нас устроена персоналистски. Почему? Как метко подметил венгерский конституционалист Андраш Шайо (он представляет сейчас Венгрию в Европейском суде по правам человека), любая конституция отражает наши былые страхи. Другими словами, то, что непосредственно предшествовало ее принятию, отражается, как правило, в ее тексте. То, что происходило у нас в 1992–1993 годах, действительно повлияло на текст Конституции РФ. А происходила жесткая борьба, подогреваемая и направляемая руководством Верховного Совета, между депутатским корпусом и президентом. При этом тогдашняя конструкция власти была такова, что Съезд народных депутатов не мог выразить недоверие правительству, которое целиком подчинялось президенту (он мог только президента отрешить от должности в порядке «импичмента», но на это у съезда не хватало голосов). Со своей стороны, и президент ничего не мог сделать со Съездом народных депутатов и Верховным Советом. Образовался клинч, закончившийся драматическими событиями сентября — октября 1993 года.

Так вот, следы этой борьбы и отразились в Конституции 1993 года в виде слабой власти парламента и несоразмерно сильной власти главы государства. Причем сильной — не по объему полномочий. Их, собственно говоря, не так уж и много. Я не случайно сказал о *несоразмерно* сильной президентской власти, поскольку драма состоит в том, что, если внимательно приглядеться к конституции, мы увидим в ней практически отсутствие *реальных* сдержек и противовесов президентской власти.

Но это — с одной стороны. С другой стороны, персонализм власти обусловлен тем, что российский президент призван одновременно к двум разнонаправленным ролям: политически нейтрального института и в то же время института сугубо партийного, в смысле политически ангажированного. Первая роль отражена в таких его функциях (задачах), как гарантирование конституции (ее принципов, основ конституционного строя России) и прав человека и гражданина, охрана суверенитета России, ее независимости и государственной целостности. Но одновременно президент определяет основные направления внутренней и внешней политики страны. Какое тут разделение властей, если один институт определяет, куда будет двигаться страна? Вы можете сказать, что это вовсе не означает, что другие институты должны его слушаться? Но в том-то и дело, что, говоря о публично-властном институте, мы обязаны оценивать его системно. При таком взгляде у главы государства вроде немного конституционных полномочий, но их хватает на то, чтобы его *именно слушались*. Впрочем, тут и Конституционный суд постарался: принял решения, согласно которым основные направления президентской политики *обязательны для всех* иных органов власти.

В первую очередь этому курсу обязано следовать правительство, хотя напрямую конституция этого не требует, да и не может требовать, поскольку правительство формально является само-

стоятельным институтом. Но пусть оно попробует ослушаться президента. Объясню, в чем тут дело.

Именно президент назначает премьера. Причем вправе назначить такого, какой нужен именно ему. И никто не в состоянии помешать этому. Сегодня у нас премьер (Д. Медведев) — председатель правительства, и он же руководитель партии, имеющей большинство в Думе. Но разве это правительство парламентского большинства? Да ничего подобного! Вовсе не партия «Единая Россия» предложила и тем более отстояла в политических переговорах свою кандидатуру, а В. Путин заранее объявил, что назначит Медведева премьером, и заодно поручил ему возглавить партию.

Но почему Дума соглашается с президентской кандидатурой? Да потому опять-таки, что такова конституционная конструкция. В конституции сказано, что если Госдума трижды отклонит представляемые президентом кандидатуры председателя правительства, то она распускается. Причем в середине 90-х решением Конституционного суда РФ эта норма еще более ужесточилась. Суд постановил, что президент вправе представлять все три раза одну и ту же кандидатуру. Неудивительно, что даже во времена Б. Ельцина ни разу дело не доходило до роспуска Думы, которая была отнюдь не такой сервильной, как сегодня.

Дальше. Вместе с роспуском Думы президент сам назначает на должность председателя правительства. Конституция как бы говорит депутатам: президент обойдется и без вашего согласия, а в наказание вам снова придется идти на выборы.

Наша конституция знает и другое президентское полномочие, которое позволяет держать правительство в узде, но которое несовместимо со смешанной формой правления. Президент может отправить правительство в отставку в любой момент, когда главе государства этого захочется, и при этом он даже не обязан объявлять причины своего решения. Напротив, президент не обязан отправлять кабинет в отставку, если депутаты вынесут правительству вотум недоверия или откажут в доверии (это две разные процедуры). В этих случаях конституция дает президенту право выбирать вариант: отправлять ли правительство в отставку или... распустить Государственную думу. Ну разве не естественно ему следовать по второму пути? Ведь кабинет-то полностью ему подвластен. Так что даже если бы президент согласился формировать правительство на основе результатов парламентских выборов и назначал председателя правительства, его заместителей, министров по предложениям победившей партии (или коалиции партий), то и в этом случае такой кабинет не мог бы проводить курс победившей политической силы, а обязан был бы следовать исключительно политическому курсу главы государства.

Иногда наше «своеобразие» оправдывают тем, что в любом государстве есть свои особенности конструкции власти. Обычно при этом нашу конструкцию сравнивают с французской, в которой, как известно, также закреплен институт очень сильной президентской власти. Действительно, в 1958 году популярный тогда де Голль инициировал принятие новой конституции (Пятой республики) и, естественно, предложил модель власти, имея в виду прежде всего себя как президента. Казалось бы, французский президент должен быть посильнее российского. Но почему-то во Франции персоналистский режим не формируется. Дело тут не во французских «мозгах», а в институтах. Недаром говорят, что «дьявол кроется в деталях». Во Франции глава государства, например,

назначает премьер-министра *без всякого согласия* Национального собрания — нижней палаты парламента. Но тогда неужели неслыханное благородство президента-социалиста Ф. Миттерана побудило его назначить премьер-министром своего политического противника из правой партии? А правому президенту Ж. Шираку, наоборот, назначить социалиста (это было в начале его президентства)? Нет, дело не в благородстве, а в тех самых конституционных «правилах игры». И одно из этих правил гласит, что если Национальное собрание выражает недоверие правительству, то президент уже не рассуждает, а *обязан* отправить кабинет в отставку. Поэтому никакой французский президент не рискнет формировать Совет министров без учета итогов парламентского расклада сил.

Все сказанное, надеюсь, убеждает в том, что без изменения «правил политической игры» наш режим так и будет оставаться персоналистским, главный порок которого в том, что в нем не может быть политической конкуренции, а без нее по-прежнему партии будут деградировать, поскольку система не допускает их до реальных властных рычагов и, соответственно, не приучает нести политическую ответственность перед обществом. Без политической конкуренции страной начинает править публично не ответственная бюрократия. Соответственно, определяемые ею приоритеты далеко не всегда совпадают с истинными национальными интересами. Правление бесконтрольной бюрократии, естественно, не позволяет снизить и масштабы коррупции. Наконец, самым опасным я считаю, что при таком правлении разлагаются все государственные институты и, что самое ужасное, институты, предназначенные для защиты права, — полиция, прокуратура и суды.

Без политической конкуренции страной начинает править публично не ответственная бюрократия. Соответственно, определяемые ею приоритеты далеко не всегда совпадают с истинными национальными интересами. Правление бесконтрольной бюрократии, естественно, не позволяет снизить и масштабы коррупции

Что же именно нужно изменить в конституции? Подчеркну, изменить в действующей конституции, а не принимать новую. Кстати, я не понимаю, почему в конце президентского срока Д. Медведева появилась информация о поручении разработать законопроект о Конституционном собрании. Ведь Конституционное собрание нужно для того, чтобы изменить основы конституционного строя, главу о правах человека или главу об изменении самой конституции. А для того, чтобы изменить конструкцию власти, достаточно поправок. Собственно говоря, первые поправки уже внесены. Только вовсе не для того, чтобы появились условия для политической конкуренции.

Что же тогда нужно менять в главах об устройстве власти? Прежде всего, если не ликвидировать, то хотя бы минимизировать опасность сочетания двух ролей главы государства, о которых я уже говорил. Ведь сегодня он одновременно и «игрок», и «судья на поле».

Естественно, этот «игрок-судья» будет подыгрывать «своей команде», используя как свои обширные легальные средства, так и средства не вполне законные, поскольку у нас президент имеет дискретные возможности влиять практически на все властные институты, которые поэтому ориентируются на него, а не на общество.

Однако далеко не все, в том числе и демократически настроенные политики, видят причинно-следственную связь между тем, что власть фактически игнорирует те ценности, которые провозглашены российской конституцией, и тем, как устроена сама власть. Поэтому лозунг изменения конституции пока не очень популярен. Причем даже те, кто согласен, что многое зависит от конституции, спешат поменять отнюдь не то, что нужно менять в первую очередь. А менять нужно, повторю, прежде всего конституционный статус президента и те полномочия иных высших органов, которые могут составить систему сдержек и противовесов «первому лицу». То есть неверно понимать конституционную реформу как прямолинейное урезание президентских полномочий. Тут важно понимать, что именно делает его «некоронованным императором».

Многие политологи, политики, публицисты не совсем верно говорят об огромных полномочиях президента. У правительства тоже много полномочий, причем его конституционная компетенция описана весьма расплывчато. Но ведь вовсе не правительство у нас все предопределяет. Значит, дело не в объеме полномочий, а в том, может ли их реализация сдерживаться, ограничиваться другим институтом.

Если бы наше общество понимало, что такое контроль за властью, если бы уже существовали зрелые политические партии со своим ядерным электоратом, то президент вряд ли действовал бы так, как он действует. Но у нас нет еще этого сдерживающего фактора. При этом в институтах власти, в том числе судебных, находятся люди в основном еще с советским пониманием общественных отношений, с советским образом мысли, советской расположенностью к конформизму.

Как выходить из этого положения? Путем создания принципиально иной схемы власти, не отказываясь от существующей полупрезидентской системы, а только создавая в ней баланс властных прерогатив.

Мы со студентами разработали проект конституции и обсудили его в фонде «Либеральная миссия». Как раз вчера я получил корректуру брошюры, которая должна выйти, с объяснением, почему мы это сделали*. Нам с ребятами было просто интересно познакомить широкого читателя с неким иным видением развития страны, с некоторыми идеями, которые сегодня могут быть и не поняты большинством. В том, что мы представили проект новой конституции, а не только тех изменений, о которых я говорю, нет противоречия словам о нежелательности сегодня полностью менять конституцию. Дело в том, что текущие политические задачи — это одно, а академическая деятельность — другое. Конечно, они могут быть связаны, но одно вовсе не вытекает из другого.

И вот, в этом проекте мы обрисовываем президента России не как «английскую королеву», а как по-прежнему институ-

---

** Эта брошюра вышла в начале осени 2012 г. См.: Проект Конституции России / Отв. ред. М.А. Краснов. М.: Фонд «Либеральная миссия». 2012. Текст брошюры можно прочитать и скачать на сайте фонда «Либеральная миссия» // http://www.liberal.ru/articles/5810*

ционально сильный институт. Но при этом институт *политически нейтральный*. Мы попытались в виде норм сформулировать главную задачу, главную функцию, главную роль главы государства — *хранителя конституции, конституционного строя*. Другими словами, президента должно заботить *только* соблюдение всеми «правил игры». По большому счету его не должен заботить даже собственный рейтинг (кстати, именно поэтому мы предложили только один возможный срок президентства, правда, довольно большой — 7 лет). Президент, по нашей модели, не вмешивается в экономическую и социальную политику. Все это — зона ответственности победившей партии (блока партий), которая через правительство осуществляет свою предвыборную программу и несет за это ответственность. Его должно лишь волновать, насколько деятельность исполнительной, да и законодательной власти отвечает духу и букве конституции.

И последнее, что я хотел сказать. Мы заложили в наш проект не только новую конструкцию власти, но и идею, которая, не скрою, близка лично мне. Ее можно назвать так: *идея благородства*. У замечательного испанского философа Хосе Ортеги-и-Гассета есть такие строки: «Либерализм — и сегодня стоит об этом помнить — предел великодушия; это право, которое большинство уступает меньшинству, и это самый благородный клич, когда-либо прозвучавший на Земле. Он возвестил о решимости мириться с врагом, и — мало того — с врагом слабейшим. Трудно было ждать, что род человеческий решится на такой шаг, настолько красивый, настолько парадоксальный... настолько неестественный». Правда, первым этот «неестественный шаг» сделал Иисус Христос. Верующие вы или не верующие, но читать Евангелие может каждый. Так вот, Евангелие — это и есть гимн человеческому достоинству и высокому благородству.

Дискуссия

Марина Галибина, *специальный корреспондент издательского дома «Правда Севера», г. Архангельск:*
— Вопрос, может быть, немного не по теме, но мне кажется, что он связан с тем, о чем вы говорили. Сегодня гражданам Российской Федерации дано право писать письма президенту, когда они не могут ничего добиться от муниципальных и региональных властей. Я журналист, работаю по социальной и правовой тематике. И вижу, с каким бы вопросом человек ни обращался в газету, в его конверте будет обязательно приложено письмо президенту. А дальше работает «обратная связь»: письмо спускается губернатору, потом мэру, то есть как раз на тот уровень, где ему не помогли. Доходит до маразма, когда одна деревня не соединена мостиком через речку, которая отделяет ее от другой деревни, и человек пишет главе государства. Естественно, президент не обязан этим заниматься, письмо возвращается обратно. Как вы относитесь к этой системе, стоило ли ее вообще вводить?

Михаил Краснов:
— Если обществу неподконтрольна федеральная власть, то почему должна быть подконтрольной местная или региональная власть?
Кстати, в наш проект мы заложили идею, направленную как раз против безответственности «региональных баронов». Как я уже сказал, мы в проекте сохраняем полупрезидентскую систему. А вот в регионах предлагаем как раз парламентскую: губернатор не избирается напрямую, а выдвигается той партией или коалицией партий, которая наберет большее число голосов на выборах в законодательное собрание. Тем самым, с одной стороны, мы не позволяем проявиться недостаткам парламентской системы на федеральном уровне, ибо пока такая система опасна для России, где привыкли к фигуре «хозяина». С другой стороны, внедрение ее на региональном уровне станет хорошей школой демократии для людей и одновременно приучит политиков к необходимости нести политическую ответственность.
Насчет писем. Год или два назад в Интернете была информация о том, что одна девушка из НКО написала президенту, и ее письмо попало начальнику управления по работе с обращениями граждан. Но ей не ответили в течение положенного срока. Она это нарушение обжаловала в суде. И что сказала судья? Это просто за пределами моего пони-

мания как юриста. Судья в решении написала, что, поскольку президент Российской Федерации обладает неприкосновенностью, постольку и сотрудники его администрации обладают неприкосновенностью, то есть не могут отвечать по суду.

Вы скажете, что это как раз грубое нарушение конституции. Но почему это грубое нарушение стало возможным и, главное, никто не понес за это наказания? Да как раз потому, что власть в целом вообще неподконтрольна, бюрократия неподконтрольна обществу. Вот и суды попали под гнет всевластия бюрократии.

Что же касается потока писем главе государства, это означает, что не работают другие каналы, другие институты защиты прав граждан. Не работает местное самоуправление, где, казалось бы, местные власти целиком зависят от жителей. Не работает система правосудия.

Я мог бы вам отдельно рассказать, почему нет независимого правосудия. Опять-таки не только потому, что мозги у судей такие. Мозги не меняются, потому что, если вы посмотрите на законы, то увидите, что в этих законах выстроена четкая вертикаль. А у судов не может быть вертикали! Может быть только *процессуальная* вертикаль, действие судьи может быть обжаловано в вышестоящем суде. Судьи не должны подчиняться не только вышестоящему суду, но и председателю своего суда.

Однако законы — о судебной системе, о статусе судей и др. — нарушают не только этот принцип, но даже букву конституции, так как в конституции сказано, что президент представляет в Совет Федерации кандидатуры судей высших судов, а не руководителей этих судов. Закон же дает президенту полномочие представлять кандидатуры именно руководителей.

Президент Медведев в первый после своей инаугурации месяц собрал совещание о том, как нам обеспечить независимое правосудие. И ровно через год тот же президент внес проект закона о том, что кандидатуры председателей и заместителей председателей не только Верховного и Высшего арбитражного судов представляются президентом, но теперь такой порядок распространен и на Конституционный суд. А в этих условиях председатели судов выстраивают председательскую вертикаль, в свою очередь, зависимую от администрации президента.

Полина Андреева, *пресс-секретарь председателя комиссии по АПК Союза промышленников и предпринимателей, г. Тамбов:*

— Михаил Александрович, скажите, пожалуйста, у нашего сегодняшнего руководства страны есть служба получения неочищенной информации? Когда смотришь выступления президента или премьера, иногда думаешь, что они с какой-то другой планеты. Я имею в виду не только телемосты с населением или посещение регионов. Например, когда Путин последний раз приезжал в Тамбовскую область, накануне снег вывозился с центральных улиц во дворы, в тридцатиградусный мороз красились фасады и так далее.

Умберто Боччони. Неповторимые формы пространственной непрерывности. 1913

Михаил Краснов:
— Такой службы сейчас у президента нет, поскольку изменился статус его помощников, через которых президент мог получать, как вы говорите, неочищенную информацию. Сейчас помощники «через дефис» заместители руководителя администрации. Но это не значит, что у президента вообще нет неформальных каналов информации. Есть такая поговорка: «Ночная кукушка дневную всегда перекукует». Кто сегодня эта «ночная кукушка», я не знаю. Не знаю, какова у президента, так сказать, «референтная группа». Кому он больше доверяет. Может быть, президент больше доверят людям, которые, как вы говорите, приносят информацию с другой планеты. То есть препарируют информацию в своих интересах или выдают желаемое за действительное. Это для управления плохо.

Вадим Штепа, *главный редактор журнала «ИНАЧЕ», Республика Карелия:*
— Вы не находите, что «царецентризм» в России воспроизводится после отмены федеративного договора 1992 года? Ведь он фактически давал субъектам федерации все полномочия. Лишь часть полномочий они субсидиарно передавали на федеральный уровень. А Конституция 1993 года эту модель перевернула, и федерация стала формироваться сверху. Вы не находите, что к этому «царецентризму» мы пришли именно после того, как федерация перестала быть договорной.

Михаил Краснов:
— Нет, я так не думаю. Во-первых, федерация у нас никогда не была договорной. Мы не Соединенные Штаты, где изначально 13 штатов договорились и образовали единое федеративное государство. Нет, у нас сначала была единая унитарная Россия. Федерацию формально создали большевики. Но, подчеркиваю, формально. РСФСР, несмотря на букву «Ф», федерацией не была. Автономии были, но федерации не было.
Федеративный договор был ответом на «парад суверенитетов», не более того. Да, Центр тогда был слабый. Как везде слаба центральная власть сразу после революции. А тут еще в Москве институты власти стали выяснять отношения. И поскольку силенок у Центра не хватало, он пошел на подписание федеративного договора. Но этот договор во многом спас Россию, ее территориальное единство. Когда Ельцин сказал: «Берите суверенитета, сколько сможете переварить», это были слова настоящего политика, ибо политика — это искусство возможного.
Федеративный договор фактически вошел и в нынешнюю конституцию, но растворился в ней. При всем моем критическом взгляде на политику, которая сейчас проводится, считаю, что первые шаги Путина в федеративном устройстве были обоснованы. Он «привел в чувство» региональные элиты, дал им понять, что с Федерацией, с

Москвой нельзя говорить на языке ультиматумов и шантажа. Но государственная власть — это асфальтовый каток с огромной массой, остановить его очень сложно. И вот он докатился до того, что губернаторов стали назначать. Правда, теперь, хоть и с фильтрами, снова будут избирать. Но мало кто при этом обращает внимание, что ничего не изменилось в плане механизма снятия губернаторов с должности: за утрату доверия президент губернатора может отрешить от должности.
Отвечая на ваш вопрос: не думаю, что с федеративным договором связан так называемый царецентризм. Я бы сейчас не стал повторять слова Бердяева, объяснявшего царецентризм тем, что в России, с одной стороны, существует некая темная, невежественная масса, а с другой — тонкий слой интеллигенции. И между ними стоит царь, который не дает невежественной массе ликвидировать этот слой. Не думаю. Мне вообще такие словосочетания не очень нравятся: «народ и интеллигенция»...
Царецентризм — это постоянно возобновляющийся тип организации власти, когда все замыкается на одну фигуру. Но как только изменятся институциональные условия, уверяю вас, мозги будут меняться и адаптироваться к этим условиям. Но пока условия этого не позволяют.

Дарья Книгина, *шеф-редактор электронной версии газеты «Репортер», г. Саратов:*
— Вопрос по поводу изменений в конституции, о которых вы говорили. Играет ли какую-то роль количество сроков и их продолжительность для президента и для парламента?

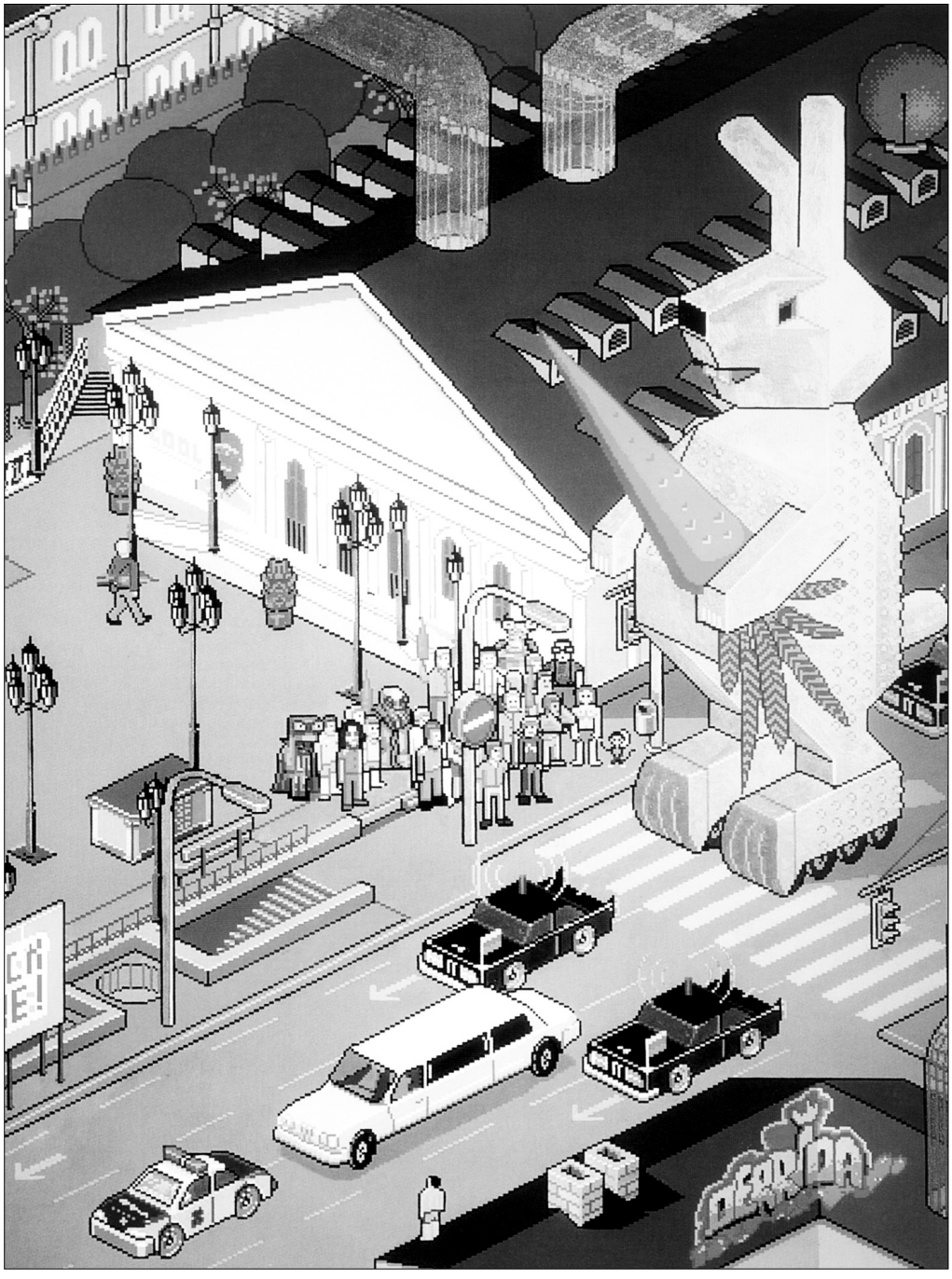
Михаил Краснов:
— Алексис де Токвиль (это было в 1830-е годы, когда он написал «Демократия в Америке») восторженно говорил об американской демократии. Но при этом он старался быть объективным и, в частности, критиковал возможность переизбрания президента. Он уже тогда говорил, что действующий президент, участвующий в новой президентской гонке, обязательно использует свое положение для победы. Поэтому нужен один срок, но большой.
А для парламента оптимальны четыре года. Институт коллективный и институт персональный — это разные вещи. В парламенте разные партии и люди друг друга сдерживают. А здесь некому сдерживать.

Константин Ершов, *депутат муниципального совета «Купчино», г. Санкт-Петербург:*
— Изменение законодательства, конечно, нужное действо, но нужно менять и гражданский кодекс, и уголовно-процессуальный, и много еще чего. Но я уверен, чтобы Россия стала правовым государством, необходимо принять закон о люстрации и закон о реституции имущества тем, у кого его отобрали незаконно в прежние времена. Как вы к этому относитесь?

Михаил Краснов:
— Могу сразу сказать, что я ваш союзник. Но, будучи реалистом, не очень верю в возможность этого. В свое время мы задавали этот вопрос, когда работали с Б.Н. Ельциным, да и многие задавали. Почему он не пошел на люстрацию и реституцию? Мне кажется, он трезво взвешивал возможности. На самом деле ограбили ведь (я имею в виду реституцию) не столько капиталистов, сколько массу мещан и крестьян, у которых была собственность, между прочим. Однако, не знаю, как у нас, но в Англии можно поднять архивы чуть ли не с XIII–XIV веков. А у нас, не уверен, что хотя бы архивы сохранились. То есть даже технически это очень сложно сделать.
Что же касается люстрации, то тут очень важно определить, в отношении кого она должна применяться. А то окажется, что у нас половина населения не будет допущена к госслужбе. Причем половина — довольно грамотных людей.

Авак Зурначян, *юридический консультант общественной организации «Объединение защиты прав потребителей», г. Магнитогорск:*
— Наш ныне действующий закон о принципах организации местного самоуправления, на мой взгляд, не предусматривает никакой ответственности выборных должностных лиц представительных органов. По сути, никакой ответственности перед населением нет, кроме процедуры отзыва депутата, которая, к сожалению, реально ни в одном муниципальном образовании не была осуществлена. Какой механизм ответственности можно предусмотреть? Может быть, есть какие-то идеи?

Михаил Краснов:
— Сошлюсь на наш проект. В нем сказано, что граждане *имеют право* на местное самоуправление. Мы в буквальном смысле истолковали это. Если имеете право, то подумайте, можете ли вы реально самостоятельно управлять или не можете. Граждане должны определиться: либо они соглашаются находиться под государственным управлением, либо берут ответственность на себя. И для этого мы заложили, естественно, ресурсную (финансовую) базу. Потому что в нищем поселке, в нищем городке о каком самоуправлении можно говорить всерьез? Там и к ответственности всерьез никто не относится, ни депутаты, ни жители.
Далее, мы предложили модель, при которой граждане сами определяют направление бюджета, они платят налоги целевым образом. Например, если нормально с правопорядком, но плохо с образованием, то граждане сами определяют, что деньги будут тратиться прежде всего на эту сферу. Там, где реальные деньги людей, они не дадут особо «баловаться с ними» ни мэру, ни депутатам.
Сегодня жители постарше не ответят на вопрос, чем отличается местный Совет хотя бы 80-х годов от нынешнего органа самоуправления. Да ничем! Как раньше плевать хотели на людей, так и сейчас плюют.



Наталья Стручкова. Из проекта Futurussia. 2002–2004

Дискредитируется сама идея самоуправления, поэтому мы решили ее подправить в нашем проекте. Пусть люди сначала подумают, могут ли они сами отвечать за место, где живут. Там еще разные другие идеи есть, но основное я назвал.

Михаил Калюта, *депутат городской думы, г. Киров, Калужская область:*
— В свое время вступил в силу 131-й Федеральный закон о местном самоуправлении, как для больших городов, так и для сельских поселений. И получилось нагромождение депутатского корпуса, районных депутатов, городских. Граждане долгое время путались: приходят в район, а район говорит, что это городские полномочия. А городские говорят, или денег нет, или что передали полномочия в район. Но люди не знают, что их передали, поэтому начинается путаница. Скажите, может быть, для малых городов, где меньше ста тысяч живет, нужно выработать какой-то другой подход, как выбирать депутатов, чтобы был один глава администрации?

Михаил Краснов:
— Если помните, или слышали, во время перестройки вышла статья Солженицына «Как нам обустроить Россию». В журнале «Общественные науки и современность» была не так давно напечатана моя статья «Солженицынская парадигма государственного строительства, или Двадцать лет спустя»*. Я полностью согласен с классиком, что начинать строить демократию нужно не сверху, а снизу. А мы с чего начали? С того, что стали перестраивать кремлевские дворцы. Это было как символ: начинаем с обновления знаков имперского блеска. Понимаете, у нас страна с советским наследием. У меня есть образ СССР: космический корабль, пролетающий над бараками. Так вот, строить государственность, конечно же, нужно снизу. Туда, на условия жизни для людей надо направлять основные средства, а не на имперские затеи, вроде зимней Олимпиады в субтропиках... А масса людей при этом по-прежнему живет в условиях, не достойных человека XXI века.
Поэтому, конечно же, местное самоуправление — это *основной* уровень, ибо там живут люди, там базовые потребности. Там мы живем, рожаем детей и так далее. А в нашем сознании мы можем прозябать, но зато гордимся неким величием империи. Как это изменить, не знаю. Я не экономист, но думаю, что люди, почувствовавшие, что к ним государство относится как к людям, обеспечили бы и невиданный экономический рывок страны. Но это мои рассуждения. Я в этом не эксперт.

Владимир Симонов, *депутат, член комитета по муниципальной собственности городского совета депутатов, г. Орел:*

** См.: Краснов М.А. Солженицынская парадигма государственного строительства, или Двадцать лет спустя // Общественные науки и современность. 2010. № 4. С. 37–49.*

— Как известно, два юриста — три мнения. Скажите, при разработке ваших проектов вы привлекаете специалистов от оппозиции, от партий каких-то?

Михаил Краснов:
— Дорогие коллеги, еще раз хочу сказать, что этот проект не политический, а академический, учебный. Мы отдавали себе отчет в том, что это не проект, который кто-то из политиков будет реально обсуждать. Мы работали над ним целый год. Это наше представление об оптимальном государстве. Замечу: оптимальном, а не идеальном.
А вот если бы мы или кто-то другой разрабатывали проект конституции, имея в виду, что он должен быть реализован, тут я с вами согласен, нужно приглашать представителей всех политических сил, ибо конституция хороша, устойчива только тогда, когда представляет собой консенсус — социальный, политический. Вот мы приняли существующую конституцию, но фактически это конституция победившей в 1993 году политической силы. И сейчас пожинаем плоды этого. Конституция должна приниматься с участием всех основных политических сил. Нам же не было надобности привлекать каких-то экспертов со стороны. Студенты учились юридически формулировать свои мысли, свои представления о мире, свои представления о должном и так далее.
А есть, например, «проект новой конституции Сулакшина». Так вот, мировоззренчески это совершенно другой проект. Проект холистского мировоззрения, то есть приоритета общего над частным, целого над единичным. А у нас наоборот — человек поставлен во главу угла. Это не гимн человеку как центру мироздания, это — необходимые условия для обеспечения человеческого достоинства. Мы исходили из этой идеи. А кто-то исходит из идеи «государство все — человек ничто». Слава богу, у нас еще статья 13 действует, где говорится, что гарантируется идеологическое многообразие.

Евгений Малышев, *журналист газеты «Улица Московская», г. Пенза:*
— Вы и другие эксперты говорили, что должно делать государство, президент, депутаты для того, чтобы государство приобрело желаемые параметры. А какие у народа должны быть качества, чтобы у российского государства появились желательные параметры, о которых вы говорите?

Михаил Краснов:
— Хороший вопрос. Я, правда, не говорил о том, что должны делать президент и депутаты. Я говорил о том, в каких условиях они должны существовать. Я не политик, поэтому могу предложить по какому пути пойти, но это не значит, что по этому пути и пойдут.
Итак, качества народа. Хороший вопрос, но я не могу на него ответить. Могу только сказать, что конституция не вправе предполагать

такие черты народа, которых и в помине нет. Поэтому все же отвечу кратко: параметры должны быть таковы, чтобы при данном народе конституция могла действовать, то есть, с одной стороны, возвышала, а с другой — была реалистичной.

Дмитрий Лебедев, *депутат муниципального совета «Черная речка», г. Санкт-Петербург:*
— Многие сегодня называют Совет Федерации пристанищем отставных губернаторов, которые штампуют законопроекты Госдумы. Что бы вы посоветовали для того, чтобы Совет Федерации играл не декоративную роль?

Михаил Краснов:
— Да, вы правы. Что называется, «Совет Федерации каждый обидеть может». Здесь особого мужества с моей стороны нет. Действительно, орган декоративный. В Конституции говорится, что Совет Федерации одобряет федеральные законы. Но неприлично с такой скоростью одобрять в угоду известно кому, скажем, поправки к федеральному закону о свободе митингов и собраний. Ну, неприлично! Ведь известно, какую бурю откликов вызвал этот скандальный закон, когда еще был проектом. Если люди называют себя сенаторами, то неприлично одобрять закон почти без всяких прений... Впрочем, и президенту, добавлю я, неприлично *досрочно* подписывать этот закон, потому что дается 14 дней на подписание. Это говорит о том, что все было заранее разыграно. И это иллюстрация, что страной правит не какая-то ответственная политическая сила, а бюрократия, скрывающаяся за несколькими десятками известных публичных лиц.
Совет Федерации — это представители регионов. Они не политические представители. Но сейчас действительно деградация. В нашем проекте предусмотрена процедура прямых выборов в Сенат (так в проекте названа верхняя палата) и система ротации: одна треть каждые два года меняется. Естественно, тогда и другая картина будет складываться. Во-первых, это ответственность перед своими избирателями, а во-вторых, это все-таки будет настоящий фильтр для законов, принимаемых в Думе. Понимаете, там, где появится политическая конкуренция, не будет управляемых палат. Потому что им будет наплевать на «заказы» из Кремля, им будет важно, как к ним избиратели будут относиться. Тут уже заработает понятие репутации. Но все это возможно только в системе. А просто взять один Совет Федерации и сделать из него авторитетный орган не получится.

Вадим Клювгант, адвокат

*Адвокатура в системе судопроизводства в России**

В истории нашей страны был один очень короткий период примерно в пятьдесят лет, когда Россия гордилась своей системой правосудия в широком смысле, куда, безусловно, органической и неотъемлемой частью входит, и тогда входила, адвокатура. Тогда это называлось присяжной адвокатурой. Этот период начался реформой Александра II 1861–1864 годов. Непосредственно судебная реформа приходится на 1864 год. Так вот, тогда и до событий 1917 года, когда все это было уничтожено как чуждое пролетарскому делу и духу, Россия прославила себя своими судами, своими судебными решениями, своими судебными деятелями. И до сих пор, беря в руки книгу любого из этих людей или о них, испытываешь что-то такое, близкое к благоговению.

Я не преувеличиваю. Меня как-то спросили в одном из интервью, что я больше всего люблю читать. Я ответил: речи адвокатов. И не только потому, что это профессионально, а потому что там жизнь раскрывается так, как мало кто из писателей может сделать. Там она и во всей своей красе, и в ужасе предстает. И, кроме того, знаете, что еще интересно? Этот период одновременно характеризуется и прекраснейшим русским языком.

Я к чему это говорю? У нас двадцать лет назад начали происходить события, несколько похожие на события времен реформ Александра II. Они оказались гораздо менее успешными, к сожалению, и гораздо более быстротечными, чем те. Тогда, во времена упомянутой реформы, появились проблески настоящего суда и, соответственно, судебные деятели, которые получили возможность раскрыться. Были они, конечно, и в советское время, но как исключение.

** Выступление на семинаре Школы в Голицыно 22 июля 2012 г.*

Назову лишь некоторых присяжных поверенных, то есть адвокатов, принесших присягу своему адвокатскому долгу, — Спасовича, Стасова, Карабчевского, Андреева, Плевако, Александрова и даже Керенского в качестве адвоката, а не политика. Это был золотой фонд нашей страны, наша гордость и наша слава. Что характерно, к 1917 году в стране было большое количество, реально большое, блестящих адвокатов. И ни один из них не стал большевиком. Меньшевиками были, эсерами были, кадетами были, большевиком не стал ни один. Те, кто стал, были далеко не блестящими адвокатами. О чем-то это нам должно говорить.

Судейская мантия является вершиной профессиональной карьеры в судопроизводстве, она должна венчать труд людей с опытом, знающих жизнь и умеющих отстаивать свои принципы и убеждения, обладающих высоким профессионализмом

Итак, сегодня у нас действует Конституция 1993 года, которую сейчас очень модно ругать. В принципе, наверное, есть за что. Но, как всегда, мы не можем без крайностей. Если начинаем ругать, то забываем все хорошее. Конституция Российской Федерации говорит о том, что каждый гражданин имеет право на государственную защиту своих прав, на судебную защиту и, в частности, на использование профессиональной юридической помощи и, как ее разновидности, защиту от обвинений, выдвигаемых государством. Вот эта конституционная, публичная миссия и возложена на институт адвокатуры. И 10 лет назад после тяжелой и долгой борьбы адвокатура не стала частью государственной системы. Считаю, что воздать должное, не побоюсь сказать, воздать хвалу за роль в этой борьбе мы должны прекраснейшему человеку и выдающемуся адвокату Генри Марковичу Резнику. Это его в значительной степени и его, конечно, союзников победа. Появление в 2002 году закона об адвокатской деятельности и адвокатуре, закрепило за ней как институтом функцию квалифицированной юридической помощи по любому делу, и в частности защиты граждан от уголовных обвинений. Это произошло впервые в постсоветское и советское время, когда вообще не было закона об адвокатуре. Была инструкция Минюста и все.

Закон, который сегодня действует и регулирует деятельность института адвокатуры, является, безусловно, одним из самых прогрессивных законов в мире. Он создал условия для того, чтобы адвокатура могла проявить себя в максимально возможной степени, которую позволяет процедура судопроизводства, закрепил особый статус адвоката.

Во-первых, не любой юрист может стать адвокатом. Сейчас в этой связи появилась дискуссионная тема: адвокатская монополия — хорошо это или плохо? Как бы то ни было, но появилась возможность поставить фильтр на пути людей, которых еще адвокат тех великих времен, о которых я говорил, Николай Платонович Карабчевский очень внятно называл «отрицательным типом, посвятившим себя исключительно наживе и делецкой юркости». Какой-то фильтр, не скажу, что стопроцентный, но все-таки был постав-

Рональд Блейден. Вечерняя церковь. 1971

лен этим законом, чтобы не кто попало мог быть причастен к защите человека, его прав.

Второе: гарантия адвокатской деятельности. Адвокат освобожден от ответственности за любые свои высказывания при осуществлении профессиональной деятельности, кроме преступных, разумеется. Настоящий адвокат — это такой легальный, узаконенный оппозиционер, если хотите. Подчеркиваю — настоящий — по закону и совести, тот, кто выполняет свой долг так, как должно. Лишить адвоката его статуса может только адвокатское сообщество, органы его самоуправления. Чиновный мир очень плохо воспринимает такой порядок и всячески пытается его изменить. Однако особый порядок привлечения к ответственности адвоката все-таки существует. Работает ли он на сто процентов? Конечно, нет. Помогает ли в работе тем, кто понимает, зачем он пришел в эту профессию? Безусловно, да.

На этом надо было бы остановиться и сказать: «Все хорошо, есть такой институт адвокатуры. Если с вами что-нибудь случится, приходите — защитим, поможем, добьемся справедливости в суде и в других ветвях власти». Увы! Отношение власти к адвокатуре (я уже чуть-чуть этого коснулся) всегда было настороженным как к дисси-

дентам, оппозиционерам, да еще и структурированным, организованным. Адвокатура всегда выступает в роли агента тех, кто страдает от власти, кто недоволен ее действиями. И власть вынуждена с этим мириться и делать вид, что она признает необходимость этой деятельности, потому что иначе эта власть становится людоедской. Это реальная система координат. Тот же Карабчевский говорил, что деятельность адвоката по определению оппозиционна уже потому, что он добивается исполнения существующих законов, не говоря уже о том, что адвокат пытается добиться их изменения. Это было сказано в конце XIX или, может быть, в начале XX века, не помню. Что-нибудь изменилось с тех пор? Мы можем найти ответ на этот вопрос и в высказываниях тех времен, и советских. Прошу прощения, но не могу обойтись без двух цитат, потому что лучше не скажешь.

Итак, цитата первая: «Недостаток мужества может быть неодолимым препятствием к исполнению своих обязанностей защитника. Незнакомые с делом уголовной защиты в действительности могут быть, пожалуй, удивлены, если мы скажем, что мужество, требуемое даже для самого обыкновенного защитника, выступающего не в особенно сенсационных, не в шумных процессах, далеко превышает то мужество, которое требуется в самых ответственных административных должностях. Защитник почти всегда одинок. У него нет в распоряжении ни подначальных, ни полиции, ни солдат. Один он стоит часто против страшной силы, которая может его уничтожить одним щелчком. И этому одинокому защитнику приходится иногда бороться, при общей свистопляске и криках дикого бешенства бесстрашно выполнять свою обязанность, твердо и неустанно. Недаром средневековые юристы называли его воином права. Сила духа его поддерживается главным образом тем, что всегда он просвещенный и убежденный общественный деятель, отстаивает великий принцип. Адвокат знает, что он защищает не преступление, а человека. “Защитник получает гонорар”, — скажет циничный в ответ на все сказанное. Да, получает, как и вы все получаете жалование и доходы. Часто без всякого труда, без всякого, даже малейшего, напряжения. Да, защитник получает гонорар, который получает, так как ему даром не дают ни квартиры, ни стола. Но разве гонорар мешает его идеалам, в которых он воспитывался, которыми он живет и поддерживает нравственное свое существование в этом обществе, прославляющем нравственное болото? Нужно обладать громадными ресурсами. Нужно быть в одно и то же время и художником, и философом, и юристом, и государственным человеком, и, наконец, вдохновенным проповедником». Это сказал сто лет назад, в 1911 году Леонид Исаакович Владимиров, заслуженный профессор, присяжный поверенный округа Московской судебной палаты.

И еще одна: «Некоторые из моих коллег, отказываясь от участия в политических делах, говорили, что отказываются не из страха. Они считали, что участие избранного подсудимым защитника создает иллюзию демократического справедливого суда, и не хотели участвовать в этой лжи. Я разделяла эту аргументацию. Но сама каждый раз принимала решение участвовать в деле. Я всегда знала, что буду приходить в отчаяние от своей беспомощности, от омерзения к этому циничному фарсу и от безотчетного стыда за него. Но я также всегда знала, что если бы я отказалась, то стыдилась бы значи-

тельно больше. И этот стыд был бы вполне обоснован. Адвокатура была моим местом в жизни, способом моего участия в ней. Как ни постыден был тот суд, в котором мне приходилось участвовать, я не считала для себя возможным устраниться от этого и тем самым снять с себя ответственность. У меня никогда не возникала мысль, что обреченность дела может позволить работать хуже, чем я умею, следовательно, обязана». Это Дина Исааковна Каминская. Это как раз тот человек, про которого Андропов писал, что его деятельность является антигосударственной. Это человек, который защищал огромное количество, большинство, пожалуй, диссидентов советского времени, 60–70-х годов. За это ее сначала отстранили от дел, а потом официально отстранили от адвокатуры и вынудили уехать из страны. Знаете, за какое преступление? За страшное преступление! Она, выступая по делу о распространении сведений, порочащих государственный строй (была такая замечательная статья 190-прим в советском уголовном кодексе), позволила себе поддержать позицию своего подзащитного, который не признавал вины. И она позволила себе доказывать советскому суду, что в его действиях (фактически ни ее подзащитный, ни она не отрицали действий) нет того состава преступления, который вменяется ему этой статьей Уголовного кодекса РСФСР. Это был диссидентский лозунг советского времени: «Власть, исполняй свои законы!» Вот за это, за то, что она, защитник, не осудила «антигосударственную деятельность» своего подзащитного, она была лишена профессии. Это сказано в ее книге, которая была написана уже в Америке, в вынужденной эмиграции, незадолго до ее смерти. И здесь нет ни слова лжи, потому что ее работа, ее дела подтверждают каждое слово, каждую букву, не побоюсь сказать, ее кровью. Вот что такое адвокатура на самом деле для тех, кто относится к ней по совести.

Это не единственная проблема, которая существует в современной адвокатуре. Есть и другие. Например, для России, особенно для ее регионов, характерна проблема малочисленности адвокатского сообщества. Чтобы было понятно, о чем речь: у нас официально зарегистрированы как практикующие в официальных адвокатских палатах 50–60 тысяч адвокатов. Из них примерно 15 тысяч в Москве и Московской области. У нас нет экстратерриториального принципа, мы можем работать в любом регионе. Таким образом, в России в среднем приходится один адвокат на две с лишним тысячи человек. В США один адвокат — на 300 жителей. В Италии — на 400. В Англии — примерно на 450 и так далее. А в Израиле, наверное, больше, чем в Америке.

Наряду с этим есть такая проблема, что большая часть адвокатов влачит нищенское или близкое к нищенскому существование. И не потому, что нет спроса на их услуги, а по двум другим причинам. Во-первых, люди не в состоянии платить за услуги защитника. А зарплату от государства адвокат не получает. Самозанятость — это основа независимости. Плевако, еще одна звезда присяжной адвокатуры, как-то сказал о своем времени: «Богатый уголовный клиент платит не за себя одного, а за тех, кого адвокаты защищают бесплатно».

Во-вторых, уровень правового общества, наших людей в XXI веке, к сожалению, таков, что многие из них не осознают, что такое правовая помощь, где и как ее можно получить.

Есть и ряд наших профессиональных проблем, которые сейчас активно обсуждаются. Однако они не могут рас-

сматриваться как сугубо профессиональные, потому что всегда так или иначе связаны с интересами и правами наших подзащитных, с тем, насколько эффективно мы можем эти права защищать. К ним относятся и нечистоплотность адвокатов, и их недобросовестность, порой, к сожалению, встречающиеся. К ним относится и профессиональная деградация, которая сегодня свойственна правовой системе во главе с двумя юристами на вершине пирамиды в нашей стране. Когда, так сказать, серость и психология троечников преобладает над всем. Когда диктатура закона то же самое, что и верховенство права. Причем люди искренне так думают, что особенно трагично и страшно.

Есть еще проблема адвокатской тайны. Или проблема коллизионной защиты, когда в деле несколько обвиняемых и их интересы противоречат друг другу. Как быть в этой ситуации защитнику, главный принцип которого — не навреди своему доверителю? И второй принцип, вытекающий из него, — защищая, не обвиняй.

Можно ли считать адвокатуру разновидностью бизнеса или она должна оставаться только в рамках публично-правовой функции? Или, вот, адвокатская монополия, о которой я уже упоминал. По-простому она заключается в том, у кого есть право выступать защитником в суде. Только у адвоката или у любого юриста? Тоже ведутся жаркие дискуссии, и тоже за каждой позицией свои аргументы. В общем, вопросов и проблем гораздо больше, чем ответов, поэтому предлагаю поискать их вместе.

Дискуссия

Александра Науменко, *собственный корреспондент по Северо-Кавказскому федеральному округу РАМИ «РИА Новости», Ставрополь*:
— Возросло ли, по вашему ощущению, сегодня число недопуска адвокатов по найму к подзащитному и назначения государственных адвокатов?
Когда можно ожидать в России, чтобы судьями становились не прокурорские сотрудники, а адвокаты?
Какого рода иски сегодня самые востребованные?

Вадим Клювгант:
— Вопрос о недопуске независимых адвокатов к участию в процессе. Раньше по определенным категориям дел существовала вполне официальная система допуска. То есть, например, к делам по преступлениям против государства допускались только те адвокаты, которые состояли в определенном реестре, догадайтесь какой организации. Я вот упоминал Дину Исааковну Каминскую. Она не единственная, кто очень сильно пострадал. И если вы думаете, что этот порядок закончился с окончанием советской эпохи, то вы сильно заблуждаетесь. Только в конце 90-х годов в результате титанических усилий, предпринятых моим уважаемым коллегой из Петербурга Юрием Марковичем Шмидтом, через Конституционный суд Российской Федерации эти пресловутые допуски были дезавуированы. Был еще один уровень допуска, неформальный, но сейчас, слава богу, такого нет. Нет географических и региональных препон.
Но есть одна нехорошая практика, которая, как и всякая другая, имеет две стороны. С одной стороны, следователи, прокуроры, судьи, причастные к правосудию и судопроизводству, конечно, заинтересованы в том, чтобы с адвокатами было поменьше проблем. Поэтому они ищут и находят (а находят только потому, что они сильная сторона) всякие лазейки для отстранения адвокатов путем их отвода под надуманными чаще всего предлогами, за которые хоть в малейшей степени можно зацепиться. Но даже и без такого основания адвокат иной раз отстраняется от процесса. Для чего это делается? Это делается для того, чтобы сделать процесс управляемым. Публично-правовая функция, в том числе закрепленная и в конституции, предполагает, что в определенных законом случаях защита может осуществляться бесплатно для клиента. Этим широко пользуются, и появляются адвокаты по назначению. В принципе, это работа благородная сама

по себе. Это реализация конституционной функции, призванной компенсировать недостаток материальных средств у части наших людей. Но дело в том, что функция эта извращается сплошь и рядом. При каждом следственном органе, при каждом суде есть неформальная группа так называемых своих адвокатов, которые используются для таких целей. Бывают заочные процессы. Человек может не знать даже, что его судят и в результате приговаривают к какому-то наказанию. А за процессом стоит такой вот адвокат по назначению. Это уже вопрос исключительно персональной ответственности самого адвоката и органов адвокатских самообразований, которые должны следить за тем, чтобы этот процесс был упорядоченным, чтобы эта функция выполнялась только тогда, когда это оправданно по закону, и только таким адвокатом, кто для этого предназначен, а не тем, кто входит в команду «своих». Стало таких случаев больше или меньше, затрудняюсь сказать, думаю, что здесь нет единой статистики. Знаю одно: подмена профессиональной защиты ее симулякром широко распространена, и это очень опасно.

Ваш вопрос о формировании судейского корпуса из адвокатской среды, как это происходит в цивилизованном мире. Судейская мантия является вершиной профессиональной карьеры в судопроизводстве, она должна венчать труд людей с опытом, знающих жизнь и умеющих отстаивать свои принципы и убеждения, обладающих высоким профессионализмом. Полагаю, что именно адвокатская практика способствует приобретению этих качеств в максимальной степени в сравнении с любыми другими видами юридической деятельности. Могу это утверждать со всей ответственностью, в том числе исходя из личного опыта, поскольку мне довелось заниматься и следственной работой, и правоприменительной, и правоисполнительной и правотворческой. Именно адвокатская практика формирует устойчивость к влияниям и независимость. Конечно, если это адвокат не по формальным признакам, а соответствующий своему высокому статусу профессионал. К сожалению, ситуация с судейским корпусом не изменилась в отрыве от всего, что происходит в нашем обществе и с нашей властью. Суды такие, какие они есть. На такие суды сегодня спрос. Это трагедия сегодняшней России, но ожидать, что вдруг случится чудо, вряд ли стоит, пока во власти преобладает такая ментальность и система приоритетов. Это вопрос перерождения всей судебной системы — ни больше, ни меньше.

Какие сейчас тенденции преобладают в судопроизводстве, помимо коммерческих споров? В публичной сфере, например, стали особенно заметны дела, связанные с защитой чести и достоинства граждан. Здесь показательно недавнее решение Госдумы о возвращении уголовной ответственности за клевету, спустя буквально полгода после того, как по инициативе президента Медведева ее из уголовного кодекса изъяли. Что вдруг случилось с честью и достоинством граждан за полгода, что нужно снова возвращать уголовную ответствен-

ность? Ну, и второй момент касается уголовного преследования. Поскольку у нас нет статей, которые были в советском уголовном кодексе, — 190-й (о распространении сведений, порочащих советский строй), 70-й (об антисоветской агитации и пропаганде) и так далее, — а есть статьи о госизмене, шпионаже и разглашении гостайны (вместо прежней, широко толковавшейся статьи 64 «измена родине»), то для неугодных людей есть другие — от педофилии до обвинения в хищении нефти самим владельцем путем ее покупки с прибылью для тех, у кого она похищена. Это из приговора Хамовнического суда по второму делу Ходорковского и Лебедева. То есть сейчас, если мы хотим понять, насколько обоснованно люди преследуются, нужно смотреть не столько, может быть, на суть дела, сколько на привходящие обстоятельства и на личность обвиняемого. Обвинение может быть совершенно любым, запредельно безумным, доказательства абсурдными, непрофессиональными. Итак, тенденции такие: это криминализация дел, связанных с защитой чести и достоинства, и уголовная репрессия в отсутствие реально совершенного преступления с целью либо изолирования неугодных, либо перераспределения собственности. Создана и отработана целая технология, машина работает. Это превратилось в крупный бизнес, за который будут драться до конца.

Юлия Счастливцева, *журналист газеты «Магнитогорский металл»:*
— Очень приятно видеть среди экспертов нашего земляка. На прошлой неделе в Магнитогорске Павел Крашенинников давал у нас пресс-конференцию. Мы у него спросили, почему он, полгода назад декриминализировав клевету, вернулся обратно, и можно ли в связи с этим назвать его непоследовательным, или это будет клевета и нужно готовить пять миллионов. Он сказал, что и тогда никто не хотел выводить клевету из уголовного кодекса, что уровень хамства в России зашкаливает и что элита нуждается в защите.

Вадим Клювгант:
— Ну, что же, давайте посочувствуем бедной элите. А вы не спросили у него хотя бы перечень категорий людей, если не фамилии, кого он относит к элите?

Юлия Счастливцева:
— Вы, наверное, знаете, что Павел Владимирович умеет уходить от вопросов. Вот мой вопрос, позвольте. Как вы оцениваете попытку либерализации уголовного кодекса, проведенную Дмитрием Медведевым, ощутили ли вы ее на себе как адвокат? Хоть что-то изменилось?

Вадим Клювгант:
— Хороший очень вопрос, спасибо. Скажу два слова про элиты. У нас сейчас элиты формируются путем самовыдвижения. То есть заслуг

никаких реальных не надо. А то, что элита — это лучшие, те, на кого равняться надо, у нас как-то подзабылось. Ну, ладно, чтобы они там все были здоровы.

О либерализации УК. Отвечая на этот вопрос всякий раз, когда его задают, я говорю одно и то же. Можно, конечно, пройтись по периферийным темам третьестепенной или десятистепенной важности, сделать это бессистемно, на том уровне юридической техники, которая потом даже не позволит применить что-то из того, о чем так много говорят, подразумевая либерализацию. Это с точки зрения публичного пиара, наверное, эффективно, особенно если власть нейтрализует все попытки профессионального и честного оппонирования. Перед выборами это классно. Либерализация, ура, свобода лучше, чем несвобода...

Моя личная выстраданная оценка состоит в том, что явление, которое давно уже в науке называется термином «уголовная политика» (он, может быть, не очень благозвучный), подразумевает стратегию государства в области уголовной репрессии. То есть фиксируется, какие преступления наиболее опасны, какие не требуют строгого реагирования, определяются приоритеты, соответственно выстраивается законодательство и правоприменительная практика, полностью этим приоритетам соответствующая и, естественно, законам, как букве, так и, обязательно, духу. Вот что называется уголовной политикой, если мы говорим об уголовном преследовании, об уголовном судопроизводстве. Так вот, сегодня уголовная политика, которая осуществляется государством, стала уголовной в прямом смысле этого слова. Потому что она ведет не только к деградации, она ведет к разрушению тех начал, робких ростков нашего будущего, которые появились за последние двадцать с небольшим лет. Вот что такое сегодняшняя политика государства в сфере уголовного законодательства и правоприменительной практики. Сами решайте, каков уровень либерализации за последние двадцать лет. Это моя точка зрения, мое оценочное суждение.

Мария Каневская, *директор АНО «Ресурсный правозащитный центр», г. Санкт-Петербург:*

— Мой вопрос касается бесплатной юридической помощи в России. Как вы знаете, был принят соответствующий федеральный закон, а в конце мая этого года был подписан закон президентом, который закрепил за Минюстом обязанность ведения реестра организаций, оказывающих бесплатную юридическую помощь в России, а также разработку стандартов оказания этой помощи. Разработкой стандартов занимается Ассоциация юристов России. И нам, правозащитникам, кажется, что эта бесплатная юридическая помощь как бы поглощается этой ассоциацией, и многие правозащитные приемные окажутся вне закона, потому что не подпадут под стандарты. Как вы считаете, что может сделать адвокатура, чтобы все-таки были разработаны нормальные стандарты оказания бесплатной юридиче-

Кен Фейнголд. Ощущение погружения. 2001

ской помощи? И хотелось бы узнать вашу точку зрения на будущее юридической профессии в России.

Вадим Клювгант:

— Я, если позволите, начну с второго вопроса, поскольку он затрагивает самые нежные струны моей души. Знаете, если и институт туризма, гостеприимства, кулинарного искусства заводит у себя юридический факультет, то, наверное, это не повышает престиж юридической профессии и должную защиту прав людей. Это должно делаться серьезно и профессионально. Наша профессия достойна того, чтобы юридическое образование было как минимум на той же высоте, что и медицинское.

Я учился в плохие застойные советские времена в Свердловском юридическом институте. Моими учителями были люди, которые потом долгое время, даже после смены строя, успешно создавали, реформировали очень многие институты юридической системы страны. Не учебные, а именно институты, как элементы системы права. Я имею в виду Сергея Сергеевича Алексеева, Вениамина Яковлева, еще целую плеяду прекрасных профессоров. Так вот, у Алексеева я учился с первого курса, ходил к нему в научный кружок. Это он, кстати, сказал, что право — это одно из главных достижений цивилизации, это цивилизационная ценность. Это никакая не система букв и слов. И так к ней нужно относиться. В 2009 году в своем интервью, опубликованном к 85-летию, для глянцевого журнала «Закон», Сергей Сергеевич Алексеев поставил диагноз нашей системе правосудия, сказав, что формулировка «правовой нигилизм» не кажется ему адекватно отражающей современные реалии в этой сфере. Он называл происходящее крушением права как цивилизационной ценности.

Так вот, это крушение происходит в том числе и потому, что у нас так юристов учат сегодня во многих местах. А учат их так потому, что есть спрос на таких юристов у фактических работодателей. Мне кажется, это тот случай, когда количество не отражает качество. И начинать надо с преподающих. Нужно добросовестно и профессионально разобраться, кто и чему у нас сегодня учит юристов. Люди могут искренне думать, что они действительно учат праву. А на самом деле они в праве мало что смыслят. Это их беда. Но еще большая беда в том, что они продуцируют своих клонов. А каждый следующий клон будет по определению хуже, чем предыдущий. Это что касается образования.

А что касается вашего первого вопроса, то ответ на него частично вытекает из второго. Сейчас велик спрос на симулякры, на имитацию, на витрину в ущерб содержанию. Для чего понадобились какие-то альтернативные бюро государственной защиты? Ну откройте, люди, конституцию, там же все написано! Кто осуществляет публично-правовую функцию по оказанию квалифицированной правовой помощи, в том числе и бесплатной? Для этого создан институт адвокатуры, там есть фильтры, есть статусы, есть система, когда адвокат, который не осуществляет правовую помощь бесплатно по назначе-

нию, обязан участвовать в материальном поддержании бесплатной защиты. Я, например, ежемесячно отчисляю определенную сумму от своих гонораров в этот фонд, в адвокатскую палату. Зачем нужна параллельная структура? А зачем нужна Генеральная прокуратура и еще одна какая-то параллельная структура, которая будет отвечать за предпринимательство? А кто будет контролировать этих контролеров? А потом тех, кто контролирует этих? Омбудсмен по делам предпринимателей. А его кто проконтролирует? Эта пирамида — старая, как мир, бюрократическая уловка. Под видом решения проблемы создается какая-то очередная контора, ей выделяется бюджет... Так и будет у нас. А ведь речь идет о людских бедах, о людях, которые по традиции патерналистской будут с доверием относиться к такой системе просто потому, что она исходит от государства. Такой эксперимент, в общем, неплохо кого-то материально укрепит из причастных.

Если вы просмотрите профессиональные адвокатские издания, сайты адвокатских палат, дискуссию в СМИ, то не увидите ни одного адвокатского комментария, ни одного, подчеркиваю, серьезного, во всяком случае, адвоката, который поддержал бы эту идею и уж тем более ее реализацию. Но адвокатура может то, что она может. Тем не менее сказать, что адвокатура, органы адвокатского самоуправления отмалчиваются, я не могу.

Владимир Алексеев, *депутат городской думы, г. Шелехов (Иркутская область):*

— Я ваш коллега, состою в реестре адвокатов Адвокатской палаты города Москвы. Поскольку вы рассказали здесь об адвокатах по назначению, я хотел бы вам задать вопрос. Часто бывает так, что наши коллеги, участвуя со своими подзащитными в первоначальных следственных действиях, забывают о своей роли на этой стадии, должным образом не осуществляют защиту, не разъясняют подзащитному его права. И эти первоначальные допросы происходят по сценарию следствия. А когда мы потом приходим по договору, становится ясно, что, исходя из ситуации, уже достаточно сложно исправить положение. Как вы считаете, какую позицию должно занять адвокатское сообщество в отношении таких адвокатов, которые работают не в интересах, по сути дела, своего клиента?

Вадим Клювгант:

— Очень правильный и очень нужный вопрос. Это действительно то явление, я уже отчасти его касался, когда отрицательный тип, называющий себя адвокатом, посвятил себя исключительно наживе и делецкой юркости. Это наши с вами коллеги. Им достаточно подружиться со следователем или судьей, а еще лучше со всем следственным отделом, и никаких проблем. Они будут получать пусть небольшие, но регулярные деньги. Но они ведь должны их отработать. Каким образом? Не создавать трудностей своим работодателям. Как это можно сделать? Только одним способом: по сути «сдавая» человека,

которого ты обязан защищать так же добросовестно, как если бы он тебе платил сам. Вот это — уродливое явление, крайне распространенное. Я убежден в том, что адвокатское сообщество должно занимать в отношении таких «защитников» совершенно непримиримую позицию. Это не адвокаты, это вредители. Они наносят ущерб интересам подзащитных и престижу нашего с вами сообщества. Публичного в том числе, потому что люди судят обо всем адвокатском сословии по тем, с кем имели дело в процессе, когда ситуация бывает уже необратимо испорчена. Хорошо, если можно что-то исправить, но бывает так, что уже нельзя ничего сделать. Полагаю, что такое поведение несовместимо с профессиональным статусом адвоката.

Я, кстати, вижу, что адвокатские палаты, по крайней мере те, в которых я имею доступ к информации, занимают подобную позицию в отношении недобросовестных коллег. Более того, они работают на упреждение. Однако адвокатская палата и квалификационная комиссия могут принимать меры, реагировать, разбираться и лишать статуса только на основании конкретного обращения заявителя. Они не могут это сделать в инициативном порядке. И это хорошо, это еще одна гарантия адвокатской независимости. Но люди не должны бояться обращаться в адвокатские палаты со своими проблемами.

Елена Немировская, *основатель Московской школы политических исследований:*

— Конечно, хорошо было бы задать этот вопрос в частном порядке, но я решила, что мы все делаем публично. За последнее время создается необыкновенное количество законов, и эти законы какие-то сплошь запретительные. Вместо того чтобы воспринимать жизнь во всей ее сложности и многообразии, предпочитают все упростить и запретить. Куда это ведет и как долго будет продолжаться?

Вадим Клювгант:

— Это похоже на какие-то судороги. Это настолько явно поверхностно, настолько непрофессионально, что можно говорить об отсутствии даже остатков какого-то планирования. Это уже даже не ручное управление, а просто какое-то дергание рычагами то от себя, то опять к себе, то влево, то вправо. А ведь внесение или изменение закона это разновидность управленческого решения. Законами управляется жизнь государства и общества. Значит, эффективность управления, менеджмента, если хотите, в этой сфере катастрофически снижается. Она снижается, во-первых, по моему мнению, опять же в силу безнадежной отсталости от реалий тех, кто задает систему координат. Их неспособности адекватно воспринимать проблемы, а значит с ними работать, неспособности воспринимать информацию, кроме той, которую хочется услышать. Не понимая толком происходящего, они испытывают перед ним страх на инстинктивном уровне. Соответственно, как часть системы или как часть общего явления это может продолжаться ровно столько, сколько будет нужно для исчерпания ресурса системы в целом.

Роберт Лоран. Пламя. 1917

Екатерина Стоякина, *ведущий консультант Липецкого областного суда:*
— Анализируя различные социологические опросы, мы знаем, что значительная часть населения негативно относится как к судебной системе в целом, так и к адвокатуре в частности. Ситуацию усугубляют средства массовой информации, поведение некоторых членов адвокатуры, в том числе, может быть, в неслужебное время, и те проблемы, о которых вы нам сегодня рассказали, как, например, нечистоплотность, недобросовестность и многое другое. Поэтому мне хотелось бы задать вопрос, как вернуть это время расцвета судебной системы, как повысить имидж современного адвоката? И второй вопрос, непосредственно лично к вам. Естественно, ваша работа адвоката очень стрессогенная, вы тратите много эмоциональных сил. Как вы снимаете напряжение, как восстанавливаете свое душевное спокойствие, ведь свободного времени у вас не так много.

Вадим Клювгант:
— Спасибо большое. Насчет стрессогенности я полностью согласен. Вы знаете, не единственный, но несомненный плюс, с моей точки зрения, адвокатской профессии в том, что эта профессия свободная. То есть когда мы говорим о свободном времени, мы должны понимать, что адвокат это такой бездельник, которому не нужно каждый день к 9.30 идти в присутственное место и сидеть там, изображая высокую занятость или действительно будучи занятым до 17.00 или 18.00. Мы хозяева своего времени в значительной степени. Конечно, когда есть судебный процесс, оно во многом диктуется его распорядком. Но вне таких обстоятельств мы свободны, в том числе распоряжаясь своим временем. Это значит, что, если у меня освобождается, например, неделя, я не должен идти ни к какому начальнику за разрешением на отпуск. Я сел и поехал путешествовать, далеко ли, близко ли — не важно. Или просто провожу время со своей любимой женщиной, которая после жены, с моей внучкой. И это такой антистресс, должен сказать, которому я не знаю аналогов. Значит, должны быть интересы. Это профессиональное требование, я считаю, к адвокату. Я даже из цитаты, если вы обратили внимание, не стал выбрасывать слова, что адвокат должен быть и художником, и философом, и т. д. Потому что без этого выполнение профессиональных обязанностей, по моему мнению, невозможно.
Теперь что касается первого вашего вопроса. Понимаете, не может быть адвокатуры в отрыве от той среды, в которой она функционирует. Вот вы работаете в суде, пусть даже в областном. Но, положа руку на сердце, вы часто видите в сегодняшних судах востребованность высокопрофессиональной адвокатской работы, грамотной русской речи, аргументированности адвокатского выступления? Ведь это все ушло в область преданий. У нас устное судопроизводство! У нас судоговорение. А тебя ставят в такую систему координат, что ты говорить вообще не должен: написал и не говори ничего, никого это все равно не волнует.

Второе. Я с вами поспорю, что журналисты и уважаемые средства массовой информации что-то там усугубляют. Естественно, есть халтурщики и недобросовестные люди везде, как среди судейских, так и среди адвокатов, так и среди журналистов. Но в целом сказал же нам Иван Андреевич Крылов: «Неча на зеркало пенять, коли рожа крива». Они молодцы, что говорят нам правду, те, кто порядочные, естественно. Если и они перестанут это делать, то мы деградируем, пребывая в полной уверенности, что лучше нас не бывает и дела наши так хороши, что дай бог каждому. Мне кажется, что сегодня в отечестве мы кое-кого из таких знаем. Нарциссизм, самовлюбленность — враг любого прогресса, любого развития. Задача журналистики, как я ее понимаю, всему этому профессионально противостоять и дальше.
При этом не хочу быть превратно понятым, что только внешние беды и болячки (такой суд, такое следствие и прочее) есть причина болячек адвокатских. Конечно, я постарался сказать об этом в самом начале, у нас есть очень много своих проблем. Адвокатура в сегодняшнем виде, как она формируется на основании действующего закона в течение всего десяти лет, не прилетела ни с какой планеты. Несмотря на то что тогда в этой серьезной борьбе победили силы здоровые, другие силы тоже никуда не делись. Многие из носителей этих других сил сегодня обладают адвокатским статусом и адвокатским удостоверением. И мы видим их каждый день, как видят их и люди, которые обращаются за помощью. Поэтому самооздоровление для адвокатуры — задача приоритетная наряду с участием в общей юридической работе по оздоровлению сферы правосудия. Честно скажу, что не помню, когда в последний раз мне приходилось за одним столом, но не в зале судебного заседания, сидеть с действующим судьей. Между нами нет диалога! Мы закрытые касты. И адвокатура этим грешит. Но адвокатура этим грешит в наименьшей степени из всего юридического сообщества. Адвокаты — это те люди из числа юристов, которые наиболее охотно идут на внешний контакт, чего нельзя, к сожалению, сказать о наших коллегах из публичного правового государственного сектора.
Поэтому, резюмируя, я полагаю, что любое самоочищение, любое очищение начинается с одного простого условия: надо прекращать врать, надо начинать говорить правду и быть честными с самим собой и друг с другом.

Алексей Сокольский, *первый заместитель директора компании «Региональный инновационный центр», г. Красноярск:*
— Вадим Владимирович, хотелось все-таки услышать, что вы сделали бы, если бы вам дали возможность все поменять? То есть последовательность ваших действий по реформированию ситуации в судебной области.

Вадим Клювгант:
— Если бы директором был я, то, конечно, открыл бы первым делом шлюзы для широкой и честной дискуссии по проблемам в нашей

сфере, потому что когда есть мнение мое, а все другие неправильные, то это не годится.

Что касается суда. Я считаю, что суд — это та точка, в которой все сходится. Пока у нас нет Суда с большой буквы, который «Ваша Честь» с заглавных букв, у нас ничего не будет. Потому что у нас нет честного и справедливого арбитра. Суд должен стать, как ему предписано, властью самостоятельной. Это не вопрос его реформирования для сегодняшней России, это вопрос, я еще раз повторю, его возрождения. Нужно заново вплоть до элементов люстрации пересмотреть персональный состав судейского корпуса. Нужно принципиальнейшим образом поменять источники его формирования. Нужно принципиальнейшим образом изменить роль и место суда присяжных. Нужно свести до минимума полномочия председателей судов в отношении судей. Иначе, в нынешней системе координат, будет воспроизводиться чиновничья структура. Суду это противопоказано. Нужно пересмотреть отношение к судебной ошибке. Нужно сделать так, чтобы для судьи его честная работа не была каждодневным подвигом, а просто работой. Если судья честно слушал дело, но все-таки допустил какую-то ошибку и его поправил более квалифицированный вышестоящий суд или появились какие-то действительно новые обстоятельства, это не должно быть поводом для разбирательства с этим судьей.

Что это за показатели такие — стабильность судебных решений? Это же бред! Все это перекочевало из советской практики, а мы, не вдумываясь, продолжаем ей следовать. У нас один из главных критериев оценки работы судьи — количество его отмененных решений. А может быть, у него дела такой категории, где по определению очень спорная ситуация. Как это может говорить о качестве работы судьи? Да никак! Другое дело — почему это происходит. Но это должен быть честный профессиональный разговор, обязательно в форме диалога. Если я работаю в каком-то суде как адвокат, если там работает честный прокурор, дела не решаются за взятки и не выполняется пресловутый план по посадке обвиняемых на определенное количество лет, значит, мы все выполнили свой долг. Когда дело слушается, действует процессуальный формат. Но судья должен отвечать головой, в переносном смысле, конечно, за то, что он является гарантом реализации прав всех сторон процесса. Вот здесь спрос с него должен быть по полной программе.

Это, конечно, очень сегментированный, в самых общих чертах, взгляд на то, что выстрадано, что мне видится как главное, когда мы говорим о суде. Еще раз настаиваю на том, с чего начал: суд должен стать властью, почувствовать в полной мере свою роль и ответственность. Когда судья ссылается на мнение «начальства», то какой же это судья? Он не судья, он чиновник.

Магомед Оздоев, *PR-менеджер регионального фонда «Возрождение», Республика Ингушетия:*

— Северный Кавказ — особый регион, и здесь профессия адвоката очень опасна, вплоть до физической угрозы. Поэтому единицы местных адвокатов решаются хоть как-то защищать людей по резонансным делам. Существует ли какая-то система взаимопомощи — информационная, профессиональная — между адвокатами, например, московскими и региональными. Если нет, то есть ли в ней необходимость?

Вадим Клювгант:

— Вы знаете, если совсем коротко на ваш вопрос ответить, то такую взаимопомощь я оценил бы неоднозначно. Что я имею в виду? Действительно, в работе адвоката существует элемент риска не только на Кавказе, хотя там, конечно, в большей степени в силу общей ситуации. Но адвокаты гибнут в связи с профессиональной деятельностью и в Москве, и в других регионах страны, и во все времена; к сожалению, это так. Профессиональная взаимопомощь, несомненно, должна быть. И здесь есть два уровня. Первый уровень, на котором она более или менее работает, это уровень просто человеческих отношений между коллегами. У каждого из нас есть свой круг общения, свой круг доверия, обмена опытом, информацией и так далее. Иногда это очень помогает, иногда этого недостаточно. Поэтому обязательно должен быть второй уровень. В принципе, это органы самоуправления адвокатского сообщества, адвокатских палат, советов и так далее. В Москве, например, есть комиссия по защите профессиональных и социальных прав адвоката. Как только адвокат чувствует, что ему угрожает какая-либо опасность, будь то угроза от криминала или наезд власти под предлогом налоговой проверки, вызова на допрос, мало ли еще чего, он должен немедленно обращаться в структуры самоуправления. И очень важно, какие там люди. Потому что все органы адвокатского самоуправления состоят исключительно из адвокатов. Если там сидит адвокат-чиновник — все, беда. Если это адвокат-профессионал, а значит, и человек соответствующих качеств, будет помощь.

Я могу сказать по своей практике здесь, в Москве, что мне пришлось, причем совсем недавно, обратиться в комиссию при адвокатской палате города Москвы. Это было связано не с криминалом, а с людьми, скажем так, специальными, чтоб они там были здоровы и счастливы на долгие годы. Я сразу почувствовал в комиссии профессиональное, человеческое, заинтересованное участие. Люди встали рядом и сказали: давай будем разбираться с этим вместе. Все окончилось хорошо, поэтому о деталях распространяться не буду. Это именно адвокатское самоуправление, принцип, на котором вообще все адвокатское сообщество стоит, и организация, название которой должно писаться тоже с большой буквы.

*Социальная дифференциация российского пространства**

Наталья Зубаревич,
директор региональной программы
Независимого института социальной политики

Речь пойдет о пространстве России — социальном, экономическом и даже политическом, хотя я не политолог. Попытаюсь объяснить, почему такая древняя дисциплина, как география, оказывается применимой в качестве методологии для исследования современной российской действительности. Мы привыкли смотреть на Россию чаще всего как на нечто целое, таких экспертных оценок очень много. Реже — как на сумму регионов; но и такой ракурс далеко не все объясняет. Предлагаю взгляд на Россию как на сумму укладов, которые имеют пространственную проекцию. При таком подходе оказывается, что Россия не одна, их и не 83 — по числу субъектов, а три или четыре, хотя четвертую нельзя механически включить в общую схему: у нее есть своя особенность.

Пока остановимся на первых трех, назвав их условно Россия-1, Россия-2 и Россия-3.

Россия-1 — это страна больших городов. Их немного: из 1090 городов 14 — города-миллионники, полумиллионников 37. Но только в городах с населением свыше миллиона человек живет каждый пятый россиянин. Если же добавить жителей городов полумиллионников, то получается, что почти треть российского населения живет в полусотне городов. А если учесть 9 процентов населения, живущего в городах двухсотпятидесятитысячниках, то больше 40 процентов жителей страны сосредоточено в крупных городах. Но корректно все-таки к России-1 относить города с населением полмиллиона и более, потому что в двухсотпятидесятитысячниках недостаточно активны модернизационные процессы. Граница 250 тысяч жителей — это граница устойчивости развития, такие города были более устойчи-

** Выступление на семинаре Школы в Голицыно 26 июля 2012 г.*

Джонатан Боровски. Идущие в небеса. 2004

выми в кризис 1990-х. Модернизация идет быстрее в городах с населением свыше полумиллиона жителей.

На другом полюсе — Россия-3. Это российское село (более четверти населения), поселки городского типа (еще 5 процентов) и малые города, меньше 50 тысяч жителей, суммарно получается чуть больше трети населения страны.

Выходит подобие коромысла. На одном его конце сельская, поселковая и мелкогородская Россия, пока еще очень традиционалистская. На другом — крупногородская Россия, в которой модернизация образа жизни и системы ценностей идет быстрее. А между ними очень сложная, мозаичная картина России-2, которая включает и индустриальные города, и города — местные центры с населением больше 50 тысяч, но меньше 200–250 тысяч жителей. Эта Россия неоднородна, развивается под влиянием многих факторов. Попробуем разобраться в специфике каждого типа.

Среди городов свыше 500 тысяч жителей безраздельно доминирует Москва. Потом идет Питер. Границу других самых крупных городов можно провести по Краснодару. Остальные меньше, разница между ними небольшая.

Что это за города? Скажу прежде всего о Москве и Питере, потому что это лицо России-1. Именно здесь концентрируется потенциал модернизации нашей страны. Суммарно в Москве и Питере живет 11 процентов россиян. А если добавить еще Московскую область как часть столичной агломерации, которая довольно быстро трансформируется вслед за столицей, то получается 16 процентов. Это очень много!

Почему именно в Москве и в меньшей степени в Санкт-Петербурге так явно и быстро происходят трансформации? Здесь концентрируются финансовые ресурсы, это очень важно. Это значительный вес экономики, это доходы людей. В Москве валовый региональный продукт по паритету покупательной способности составляет около 50 тысяч долларов на человека. В Питере — 22–24 тысячи. Но только высоких доходов недостаточно, в Ханты-Мансийском округе душевой ВРП еще выше, но картина иная.

Вторая важнейшая особенность Москвы и Санкт-Петербурга — это суперконцентрация образованного населения. Почти половина взрослых москвичей старше 15 лет имеет высшее образование, в Питере немногим меньше (44%). В среднем по России — 24%. Почувствуйте разницу! И это очень важная дифференциация. Человек, получивший высшее образование, при всех оговорках о его качестве, имеет иную социализацию и более широкий кругозор. Доход и образование — это очень важные характеристики, определяющие трансформационный тренд.

Третья характеристика: насколько люди экономически самостоятельны. В Москве почти каждый третий (26–29 процентов) работает в малом бизнесе. И в Питере эта пропорция примерно такая же. Это означает, что этим людям приходится принимать экономические решения. Они независимы и одновременно испытывают пресс институциональных условий. Эти люди быстрее созревают и взрослеют, лучше понимают жизнь. Кроме того, в мегаполисах нет зависимости от одного работодателя, выбор рабочих мест намного шире.

Эти три фактора — экономическая самостоятельность, финансовые ресурсы и уровень образования — в очень большой степени определяют облик обеих столиц и их модернизационный потенциал. Вместе с тем в столицах усиливается эффект старения. В Санкт-Петербурге каждый чет-

вертый житель — пенсионного возраста. Многие работают, но, получая пенсию, зависят от государства. В Москве эта доля чуть меньше. Не забудем и многочисленных бюджетников. Поэтому в федеральных городах наряду с трансформационными факторами действуют весьма сильно и консервативные.

Как по возрастной структуре жителей выглядят другие города России-1? Доля пожилых в городах свыше пятисот тысяч жителей невысока в городах Северного Кавказа и в сибирских нефтегазовых городах и очень существенна в центральной России (24–25%). По доле детей младше 15 лет пропорция обратная. Это означает, что в большинстве городов России-1 подрастает небольшое по численности молодое поколение. А ведь именно молодежь более активна, в том числе политически.

Еще один фактор — образовательный. К сожалению, статистика не дает информации об уровне образования населения городов. Есть данные только по всему городскому населению того или иного субъекта Российской Федерации. Но они весьма показательны и важны для понимания политических процессов.

В большинстве городов, где проживает свыше пятисот тысяч жителей, преобладает население со средним специальным образованием. Это люди, получившие чаще всего индустриальную подготовку. Их учили узким техническим навыкам, а не широкому гуманитарному взгляду на мир. В очень многих городах, включая немалую часть миллионников, образованного населения пока, к сожалению, недостаточно для продвижения серьезных модернизационных проектов.

Если оценивать ситуацию в ядре России-1, городах-миллионниках, важно обратить внимание на структуру их экономики. После кризиса 90-х годов почти во всех крупнейших городах, которые специализировались на машиностроении, индустриальная функция заметно ослабела. Однако города с высокой концентрацией экспортных производств (это нефтеперерабатывающие заводы и металлургические комбинаты) остались в значительной степени индустриальными. Соответственно здесь преобладает индустриальный образ жизни, индустриальная ментальность.

По степени индустриализации города миллионники можно разделить на две группы. В первой сохранился высокий объем промышленного производства — это Уфа, Пермь, Омск, Челябинск и Волгоград. Во второй оказались города, пережившие тяжелую трансформацию, массовый отток людей из промышленности в торговлю, сервис, в малый бизнес и пр. В итоге они превратились в города рыночных услуг. «Сервисные» города — это Новосибирск, Екатеринбург, Ростов-на-Дону, Казань, Самара. Их трансформация повлияла и на образ жизни населения.

Что еще препятствует модернизации России-1? Это низкие инвестиции в современные сектора экономики. Среди лидеров по инвестициям в основном города пиар-политических проектов (Сочи, Владивосток) и нефтегазового сектора. Города-миллионники отнюдь не лидеры, а это означает, что в больших городах медленно создаются качественные рабочие места с высокой оплатой, требующие высокой квалификации, медленно формируется креативный класс.

Теперь о России-2. Это сложная конфигурация средних и более крупных городов, где живет 30–40% населения страны. Тольятти — это тоже Россия-2, хотя в нем восемьсот тысяч жителей. Тут и

Магнитогорск — 400 тысяч с лишним, Череповец — больше 300 тысяч. В этой России до кризиса темпы роста доходов были относительно высокими, но именно по ним кризис ударил сильнее всего. Более сотни городов, входящих в Россию-2, — монопромышленные. Здесь намного острее проблемы занятости населения; экономический кризис бьет по индустриальным городам в первую очередь.

В целом даже в период экономического роста привлекательность индустриальных городов сокращалась в силу их зависимости от состояния одного-двух предприятий, особенно в периоды спада.

В этой же второй России есть средние города, в которых и сейчас осталась какая-то промышленность, но они не являются индустриальными. Их промышленность сжалась еще в 90-е годы. Они выполняют функции местных центров и поэтому более устойчивы, пока есть бюджетные деньги и бюджетная занятость населения. Малый бизнес развит слабо и весьма тесно связан с властью; человеческий капитал, уровень образования, мобильности очень невысокий. Перспективы модернизации этих городов весьма неопределенны.

Россия-3 — сельская, поселковая и малых городов, то есть обширная периферия. В России 153 тысячи сельских населенных пунктов, где живет немного больше четверти населения страны. В 13 процентах деревень населения нет совсем, их просто считают по инерции, в четверти живут менее 10 человек и только в трети сельских поселений живут более 100 человек. У этой трети еще есть какие-то шансы. Остальные деградируют и вымирают или выживают в условиях гомеостаза. Немного бюджетников, часть занята в сельском хозяйстве. В менее аграрных регионах преобладает самозанятость, население собирает грибы, ягоды. Все что-то вы-

ращивают на подворье, парой проданных свиней можно оплатить ребенку учебу в ПТУ. Преобладающее население — пенсионеры, они получают пенсию. Но даже если им по полгода эту пенсию платить не будут, а в 90-е годы так и происходило, люди выживают. Россия-3 простирается на огромной территории и существует фактически вне современной экономики. Это уклад доиндустриальной эпохи.

При этом 27 процентов сельского населения концентрируется в двух федеральных округах — Южном и Северокавказском, где земля все-таки кормит. Там развита мелокотоварная экономика на подсобных участках. На южных территориях модернизирующее влияние больших городов меньше, чем в других регионах. Но система относительно устойчива.

В малых городах (менее 20 тыс. человек) и поселках городского типа живет 17 процентов населения России-3. И здесь ситуация тяжелейшая, маргинализация населения усиливается. Такая же маргинализация и в сельской местности российского Нечерноземья, перспективы развития этих территорий крайне неблагоприятны. Но что бы ни происходило в большой политике, как бы ни менялась система власти, эта часть России не реагирует на происходящее, потому что занята выживанием. Здесь для людей майские заморозки или летняя засуха гораздо важнее, чем смена власти в Кремле.

Теперь о четвертой России. Это республики Северного Кавказа и пара республик юга Сибири (Алтай и Тыва), где живет менее 6 процентов населения РФ. Для них малопригодна центро-периферийная концепция, использованная для объяснения различий трех Россий. Хотя крупные города в республиках есть, например, Махачкала с пригородами уже приближается к миллионнику, но городской образ жизни не сформировался. Почти нет индустриальных средних городов, так как промышленность практически отсутствует. Экономически слаборазвитые республики имеют и другую специфику. В них очень сильны патриархальные традиции, борьба за власть и ресурсы местных кланов, сформированных по этническому и религиозному признакам. Малочислен городской образованный средний класс. Наиболее образованные и способные уезжают из городов в поисках лучших возможностей, на смену им приходит сельская молодежь, воспитанная в патриархальных традициях.

Жизнь этой части России поддерживается постоянными бюджетными субсидиями и инвестициями. На республики Северного Кавказа, где живет пять процентов населения страны, приходится десять процентов от всех федеральных трансфертов субъектам Российской Федерации. Из этих десяти процентов больше трети получает Чечня. Для сравнения, объем федеральных трансфертов Дальнему Востоку еще больше. Поддержка слаборазвитых территорий — необходимый компонент федеральной политики, но она не приводит к модернизации и росту человеческого капитала.

Какие тенденции будут преобладать, если сравнивать четыре России? Доля России-1 в населении страны будет расти прежде всего за счет миграционного притока в агломерации федеральных городов. Пока будет расти и доля России-4, но в половине республик Северного Кавказа демографический переход уже завершается, через поколение рождаемость там снизится. Динамика численности населения будет устойчиво положительной только в крупнейших агломерациях, а их население, даже новые мигранты, модерни-

Барри МакГи. Дружественная система. 1999

зируется быстрее. Агломерационный эффект работает независимо от типа политического режима.

Другая тенденция скорее отрицательная: на смену достаточно многочисленному поколению 20–30-летних, самых мобильных, политически активных людей, через 8–10 лет придет малочисленное поколение 90-х годов рождения. А те, кто сейчас ведет активную социальную жизнь, перейдут в возрастную страту за 35 лет и будут неизбежно погружаться в быт. Это может ослабить активность, если к тому времени не возникнут какие-то сильные вызовы.

Третью тенденцию мы наблюдали все двухтысячные годы — фантастический по динамике рост потребительских услуг: быстро развивались торговые сети, Интернет и особенно сотовая связь. Она пронизывает страну, сшив все России воедино — от первой до четвертой. Ускорилась пространственная диффузия Интернета, им пользуются больше 50 миллионов человек. Но в третью Россию он дойдет не скоро, особенно в села. В малые города, пожалуй, тоже. Медленнее идет потребительская модернизация в виде современных форматов торговли, обеспечивающих самый широкий потребительский выбор. Гипермаркеты торговых сетей дошли только до городов полумиллионников, где есть необходимая концентрация платежеспособного спроса населения. Но процесс идет. Мне кажется, что следом за потребительской модернизацией обязательно идет модернизация ценностная и даже политическая.

Потому что сперва покупатель научается выбирать лучший для него продукт потребления по соотношению цена-качество, а потом научится выбирать и оценивать услуги государственного управления. Происходит это медленно, но процесс модернизации потребительского поведения (в широком смысле) объективен.

Попробую показать это на примере того, чем я не занимаюсь профессионально (это политология), но с чем все время приходится сталкиваться — с политической спецификой четырех России.

Первый и базовый фактор, определяющий эту специфику, — центр-периферийная дифференциация пространства. Он формирует различия и социально-экономического, и политического пространства России. Функции центров развития и модернизации выполняют крупные города, этому способствует и столичный статус (включая региональные столицы). В менее крупных индустриальных или нестоличных городах функции социально-экономических центров намного слабее, хотя в политике все может быть по-разному.

Второй значимый фактор — географическое положение, обеспечивающее открытость миру. Города близ границ — в Калининградской области, Приморском крае, где множество людей часто пересекают границу и знают жизнь «там», это другие города. Даже небольшие приграничные города в контактных зонах отличаются по уровню политической модернизации от городов внутриматериковых, например, Северного Урала.

Третий фактор — этнический, в России есть этнические общности с более традиционным образом жизни и системой ценностей. Очевидно, что у них ниже потенциал политической модернизации, сильнее клановая консолидация.

Еще один фактор, а точнее, барьер политической модернизации — особенности регионального политического режима. Об этом свидетельствуют и итоги выборов в Госдуму в декабре 2011 года. Максимальные результаты «Единой России» дали не только столицы слаборазвитых республик — Махачкала, Нальчик, Грозный, Черкесск, Назрань, Кызыл и Владикавказ, но и некоторые центры более развитых регионов, в том числе с преобладанием русского населения — Саранск, Тамбов, Казань, Саратов, Астрахань и Сыктывкар (70—80%). В то время как большинство столиц регионов дали 25—35 процентов голосов за «Единую Россию». В десятках моногородов, которые входят в Россию-2, показатели голосования за «Единую Россию» составляли 30—40 процентов. И только в городах республик Татарстан, Башкортостан, в Кемеровской области с их особыми политическими режимами — 65—75 процентов.

Эти же факторы сработали и на президентских выборах, но значительно слабее. Менее половины голосов Путин получил в Москве, подмосковных наукоградах, в Калининграде, Владивостоке и Южно-Сахалинске. Опять столичный, образовательный и приграничный факторы. В Омске такой же результат — следствие конфликта между губернатором области и мэром города, ослабления режима и административного ресурса.

Предполагаю, что выбор горожан будет все больше отличаться от выбора, навязанного российским и региональными политическими режимами. Я остаюсь социальным оптимистом.

Дискуссия

Людмила Смушкевич, *директор лицея при Магнитогорском государственном университете:*
— Вопрос о той части России, где деградирует село, вымирают деревни. Надо ли поддерживать село, или его упадок — это естественный процесс?
И второй вопрос про Магнитогорск. Дело в том, что мы готовим к вечерней сессии презентацию проекта обустройства города, улучшения городской среды, чтобы сделать ее привлекательнее. Что бы вы посоветовали нам?

Наталья Зубаревич:
— Среди наших моногородов есть несколько, у которых хорошие перспективы трансформации в более благоприятные для жизни центры. И лидер здесь Магнитогорск, совершенно точно. Значительная численность его населения генерирует другие функции. Зарплаты неплохие, спрос быстро развивается, возникают новые услуги, растет строительство жилья и т. д. Проблема только в том, что, когда проседает Магнитка, начинается кризис и в секторе услуг, потому что спрос формируют деньги металлургов. Нужно развивать сектор услуг, создавать условия для привлечения инвестиций извне для реализации инфраструктурных проектов, качественно улучшающих городскую среду и сокращающих зависимость от работы комбината.
Что касается села. Невозможно сохранять аграрные функции там, где исчезает население. Депопуляция села идет давно, быстрее всего в территориях с худшими природными условиями для товарного сельхозпроизводства. Обезлюдели все периферийные территории, особенно нечерноземной России. Надо сделать этот процесс менее социально болезненным. Тем, кто хочет уехать, в тех или иных формах надо содействовать. Тех же, кто остается, необходимо обеспечить мобильными социальными услугами, которые менее затратны по сравнению со стационарными. Да, сокращается число школ, учреждений здравоохранения, это очень болезненный процесс. Значит, надо разумно, без кампанейщины, к которой вынуждают федеральные власти, решать проблему. Регион должен решать. Где-то вообще не надо сокращать, а где-то правильно выбирать место концентрации услуг. Дорогу построить и детей подвозить до школы — уже решение проблемы. Организовать мобильное здравоохранение, торговлю и т. д. Это процесс перенастройки сети услуг к меняющемуся

расселению. Люди должны получать минимальный перечень социальных услуг.

Рустем Басыров, *заместитель главы городского округа, г. Стерлитамак, Башкортостан:*
— Наталья Васильевна, может ли ваша типология четырех Россий быть основанием для социокультурного раскола? Вспомним теорию социокультурного раскола Александра Ахиезера, вспомним страны второго эшелона модернизации, которые сталкивались с этой проблемой, например Турцию или Украину. Можно ли говорить о нескольких Россиях, которые не сближаются, не идут друг к другу, а отдаляются? И может ли это быть основанием для роста сепаратистских, межэтнических, межкультурных противоречий в будущем?

Наталья Зубаревич:
— Мне кажется, вы сейчас задали вопрос, подразумевая скорее региональную структуру страны, а не четыре России. Потому что это сшитое воедино множеством разных связей пространство.
В каком-то смысле как о проблемной можно говорить о четвертой России, но и там, на мой взгляд, нет прямой угрозы раскола.
Есть один мощный раскол — между Москвой и остальной Россией. Столица живет на огромную ренту, собранную со всей страны. И этот раскол — экономический, социокультурный — обозначился не вчера, не позавчера, а еще в советское время. Но представить себе Москву, вырезанную из всей страны и живущую автономно, как Сингапур, просто невозможно. Кроме столичной, финансовой, культурной и политической роли у Москвы есть символический статус.

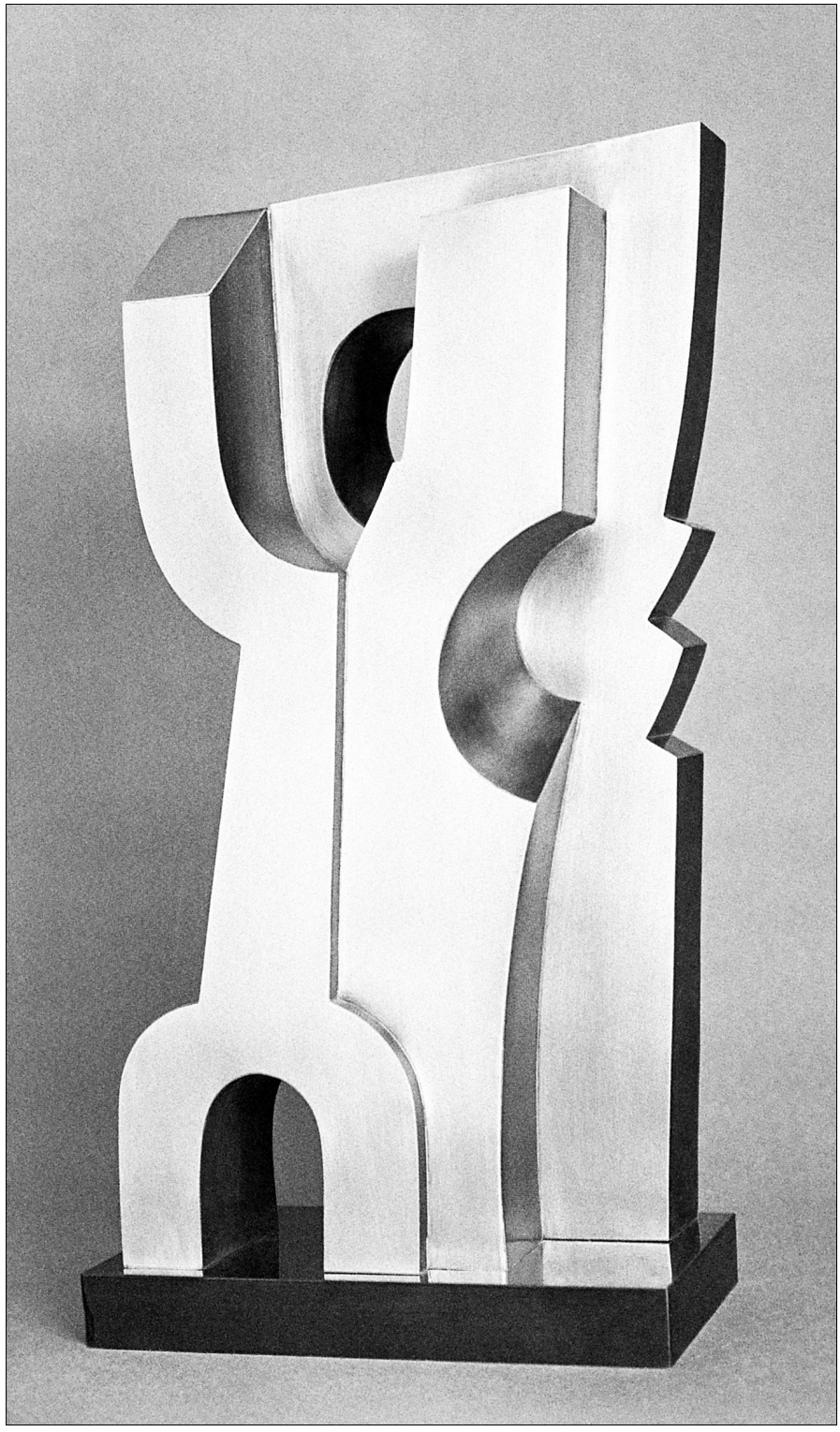
Максим Постников, *депутат городской думы, г. Кострома:*
— На думских выборах в Костроме коммунисты заняли первое место. Региональная власть пытается изо всех сил взять реванш и вернуть партии власти первое место, ссылаясь на то, что регион депрессивный, нуждается в дотациях и субсидиях. Но если нет конкуренции в политике, то ее нет и в экономике. Возможно ли тогда развитие городов второй России?

Наталья Зубаревич:
— Во-первых, Кострома в моей схеме — на границе первой и второй России. Это все-таки региональный центр, правда, низкоресурсный, есть проблемы и у области в целом. Это целый пояс регионов, где традиционно сильна просоветская ориентация. Не везде могут нарисовать «Единой России» много.
Объем дотаций, субвенций... Есть так называемая дотация на сбалансированность бюджетов регионов. Ее выделяют в том числе тем, кто правильно голосует. Ну, не получите вы двести-триста миллионов, это будет платой за строптивость. Для бюджета и экономики области мало что меняется — и так, и так плохо.

Вячеслав Некрасов, *руководитель лаборатории регионального развития и социально-управленческого проектирования Сургутского государственного педагогического университета:*
— Хотелось бы узнать ваше мнение о Сургуте как моногороде. У меня как коренного сургутянина есть ощущение, что он не совсем вписывается во вторую Россию.
И еще вопрос. Не кажется ли вам, что российским регионам не хватает людского потенциала для развития? Зачастую численность жителей по 500–600 тысяч человек, как, например, в Псковской области или чуть больше в Новгородской, лишает их инвестиционной привлекательности для российского и тем более для зарубежного бизнеса. Я задаю этот вопрос не в плане обязательно объединения или укрупнения каких-то регионов.

Наталья Зубаревич:
— Давайте по порядку. Промышленность — это благо, если она генерирует прибыль, обеспечивает качественные рабочие места. Ничего против промышленности не имею. Я говорю о промышленной суперспециализации городов советского периода и необходимости их трансформации. Кто сумел расширить функции, часто вынужденно, у того оказалась более гибкая экономика и, следовательно, лучше будущее. Если Сургут лет через 30 сохранит нынешнюю структуру моногорода, у него будут очень большие проблемы. Что выгодно сейчас, далеко не всегда хорошо завтра.
Пока Сургут один из самых богатых городов России. В начале 2000-х годов его бюджет превышал бюджет всей Костромской области. Пирог большой, но нестабильный. Бизнес экономит на издержках. Занятость в нефтегазовом секторе сжимается. Сектор услуг, конечно, развивается, потому что платежеспособный спрос есть. Но значительная часть молодежи уезжает на учебу и в город не возвращается, потому что новых рабочих мест нет. Население города стареет. Жители старшего трудоспособного возраста в связи со снижением занятости в нефтегазовом секторе тоже уезжают. Поэтому перспектива есть лет на 10-15, дальше посмотрим...
Потенциал и размер. Размер, конечно, имеет значение. Но не административное объединение является способом привлечения инвестиций и развития человеческого капитала. Евросоюз стимулирует развитие еврорегионов, трансграничное сотрудничество. Способы нарастить потенциал существуют, но не при плохом предпринимательском климате и не в пресловутой вертикали.

Лебедев Дмитрий, *депутат муниципального совета «Черная речка», Санкт-Петербург:*
— Наталья Васильевна, скажите, чем можно объяснить сравнительно низкий результат на выборах в Госдуму «Единой России» и на выборах президента в Северо-Западном округе? Какие особенности этого региона?



Джон Сторр. Композиция пустот. 1932

Наталья Зубаревич:
— Во-первых, достаточно высокая численность сторонников КПРФ или ЛДПР в Псковской и Новгородской областях.
Во-вторых, традиционная независимость северо-запада, Русского Севера, где крепостного права не знали, — это Вологда, Архангельск, Карелия. Людей здесь сложнее «построить», они живут сами по себе. Зависимость от прошлого развития имеет значение. На северо-западе эта зависимость видна.
Третий момент — слабость региональной власти и менее жесткая система удавливания муниципалитетов. Там исторически муниципальные структуры сильны. Словом, русский северо-запад менее управляем. Только начиная со Смоленска начинает действовать мощный административный ресурс.

Жаркынбек Касымбеков, *председатель общественного фонда «Элиме», Киргизская республика:*
— Думаю, пришло время ввести в обиход понятие пятой России, России иммигрантов, которые по объективным причинам едут сюда, а многие стараются принять российское гражданство.

Наталья Зубаревич:
— Эти люди заняты выживанием, зарабатыванием денег и адаптацией. Вряд ли их политическая активность возможна, потому что они совершенно не защищены. Поэтому они будут решать свои личные проблемы.

Екатерина Поздеева, *помощник депутата Архангельского регионального собрания депутатов:*
— Первого июня у нас произошло существенное повышение цен на тарифы ЖКХ. Для Архангельска это очень сильное повышение в силу того, что все услуги стоят дорого. Повлияет ли это на ситуацию в стране? И если повлияет, то как это скажется на следующих выборах?

Наталья Зубаревич:
— В 2012 году пройдут только четыре губернаторские кампании, федеральных выборов нет. Мнение коллег политологов, социологов, с которыми мы обсуждали эти темы, — недовольство вырастет, но публичного массового проявления не будет.

Ирина Кухаренко, *руководитель общественной организации «Центр креативного лидерства», г. Ростов-на-Дону:*
— Сейчас в Южном федеральном округе и у наших соседей в Северокавказском федеральном округе наблюдается отток молодежи из сельской местности в города. Как вы думаете, что будет с сельским хозяйством?

Наталья Зубаревич:
— Думаю, что это абсолютно нормальный процесс. Во-первых, процесс урбанизации в Южном федеральном округе далек от завершения. Он будет продолжаться, причем более высокими темпами, чем на тех территориях, где сельского населения осталось мало.
Во-вторых, в сельской местности ЮФО существенна сельская безработица. Она связана с тем, что пока здесь рентабельны только зерновые и подсолнечник — нетрудоемкие культуры. Огромное количество ранее занятых в животноводстве сейчас безработные.
Так что будет с сельским хозяйством? Оно будет ориентироваться на высокорентабельные отрасли и соответствующие трудовые ресурсы. Это называется рыночная настройка экономики. Другое дело, что такая настройка будет болезненна для многих сельских жителей. Это проблема...

Михалина Бедка, *стажер фонда «Образование для демократии», Польша:*
— Мой несколько политизированный вопрос касается отношения региональных элит к политике, которую проводит центр, если эта политика не соответствует интересам регионов. Например, Калининградская область — это территория с очень специфическим положением. Некоторые проекты для этого региона не всегда соответствовали интересам местных элит, во многом блокировали эти интересы. Как региональные элиты могут влиять на Москву для продвижения своих интересов?

Наталья Зубаревич:
— Пока не вижу возможностей из-за слабости региональных элит, в том числе Калининградской области. Органы управления и региональные элиты могут быть недовольны какими-то решениями центра, но публично протестовать вряд ли станут, пока их позиция не будет поддержана широким региональным сообществом.
У Москвы возможности влиять на региональные власти очень велики. Это не только деньги, но и право президента отстранять главу региона.

Евгений Малышев, *журналист газеты «Улица Московская», г. Пенза:*
— Как местные власти ведут себя в четырех разных Россиях в отношении указаний из федерального центра, все ли указания они выполняют или создают видимость их выполнения?

Наталья Зубаревич:
— Мы наблюдаем оппортунистическое поведение региональных властей. Все указания выполнить невозможно, поэтому пытаются заполнять бумажки. Центр делает вид, что всему этому верит, но наказывает только тех, кто не выполнил норму по «Единой России» или у кого прорвало очередную плотину.

Антон Демидов, *политический обозреватель телекомпании «Ника-ТВ», г. Калуга:*
— Скажите, пожалуйста, какие города в ближайшее время имеют шансы перейти из категории Россия-2 в группу Россия-1? И как вы относитесь к заявлению калужского руководства, которое говорит, что население города, которое сейчас составляет 350 тысяч, в ближайшее время будет удвоено? И кажется, что за счет той самой «пятой России», которая приезжает.

Наталья Зубаревич:
— Население Калуги не вырастет до 700 тысяч. Разве что приедут массы мигрантов из стран СНГ. Тогда нет вопросов. Договоритесь с Федеральной миграционной службой...
По поводу перехода городов в категорию Россия-1. Понимаете, нет четкой границы между Россией-1 и Россией-2. Калуга по очень многим параметрам вполне могла бы занять место в России-1, но по другим — она на границе между Россией-1 и Россией-2. Стремительно в состав России-1 нельзя ворваться, потому что признаки формируются постепенно.

Мария Истомина, *редактор отдела аналитики телеканала «Эксперт-ТВ», Свердловская область:*
— Хотелось бы узнать ваше мнение о проекте «Большая Москва». Каковы социальные и экономические последствия реализации этого проекта для московского региона и всей России?

Наталья Зубаревич:
— Это долгий разговор. Если говорить кратко, то отношусь очень плохо. Это непрофессиональное решение, на которое попросту нет денег. Ну, выведут какое-то министерство в район Хованского кладбища, чтобы обозначить деятельность, и что дальше? На сайте «Ведомостей» есть видеозапись моего выступления в качестве эксперта конкурса «Большая Москва». В нем даны цифры стоимости проекта. Денег на него нет.

Константин Терещенко, *депутат совета Новосибирской области:*
— Сейчас идут активные обсуждения того, чтобы больше налогов оставлять по месту физического нахождения предприятий. Как это может отразиться на социальном и экономическом развитии первой, второй и третьей России?

Наталья Зубаревич:
— По закону о налогообложении холдингов крупные российские компании более значимую часть налога на прибыль с 2012 года оставляют по месту нахождения предприятий, входящих в холдинг, вместо того, чтобы стягивать максимальную долю в штаб-квартиру в Москве или Питере.

Если говорить о меньших предприятиях, то в регионах распределение налогов различается. Лишь в 18 субъектах России часть налога на прибыль получают муниципалитеты. В остальных он весь идет в региональный бюджет. Проблема в том, что крупные плательщики налога на прибыль сконцентрированы территориально. В одних городах густо, в других пусто. Например, Магнитогорский металлургический комбинат дает огромные поступления налога на прибыль. Если существенную его часть оставлять городу, то что будет с остальной Челябинской областью?

Здесь нет хорошего решения: децентрализация полномочий приводит к росту внутрирегиональных различий, а централизация — к иждивенчеству и неэффективным расходам тех средств, которые получаются от одного-двух предприятий. Мне кажется, что будет долгий процесс поиска золотой середины. Важный момент — не надейтесь на то, что децентрализация полномочий пополнит налоговую базу всех муниципалитетов, для высокодотационных ситуация ухудшится. Налогов, которые более или менее равномерно распределяются по территории, мало. Самый значимый — налог на доходы физлиц, но они выше в крупных городах и малы на селе. Налог на прибыль предприятий концентрируется в небольшом числе городов, и он нестабилен. Сильно концентрирован и налог на недвижимость и землю, выплачиваемый юридическими лицами. Если, например, Астраханский газоконденсатный комплекс будет платить налог на землю тому району, где он находится, то это очень приличные деньги.

Простых решений в стране с гигантской дифференциацией налоговых доходов территорий не существует. Важна не только налоговая децентрализация, но и дерегулирование. Каждый чих региональной и муниципальной властей должен следовать федеральным регламентам. Чуть вправо-влево — прокуратура. Степень свободы в принятии решений для региональных и муниципальных властей должна быть выше. Помимо разумного федерального контроля нужен другой регулятор и контролер — честные свободные выборы.

Демократия «на местах»: точки и пределы роста

Виктор Панкращенко, исполнительный директор Общероссийского конгресса муниципальных образований, главный редактор журнала «Муниципальная Россия»

Спустя почти четверть века после распада СССР в стране снова возник интерес к «местным делам». Протестная активность населения заставила федеральную власть вспомнить, что население это проживает не в «субъектах РФ», а в конкретных городах и селах. Именно там люди рождаются и умирают, работают и отдыхают, выбирают или избираются. Президент ушедший и президент вернувшийся выдвинули ряд инициатив по «дальнейшей децентрализации» власти и полномочий местных сообществ и поиску мер, направленных на «повышение бюджетной обеспеченности местных бюджетов».

О результатах этих инициатив скажу чуть ниже, вначале несколько слов о выборе темы, вынесенной в заголовок, и ее обусловленности текущими событиями.

Итоги президентских выборов и начало работы новых-старых президента, Думы и правительства фактически «закрыли» для большинства граждан вопрос о кардинальных переменах на федеральном уровне. При этом многие аналитики и эксперты сошлись во мнении, что общественно-политическая активность теперь «спустится» в регионы и муниципалитеты. Проблем там не меньше, чем в Центре, а ресурсов контролировать ситуацию повсеместно у действующей власти нет. Отсюда ожидание развертывания демократических процессов на местах. Я согласен с этим прогнозом, если под «демократизацией» понимать лишь рост внимания жителей (особенно молодых и образованных) к общественно-политической и гражданской тематике (особенно в интернет-пространстве и в межличностном общении). Если же под демократизацией понимать расширение реального участия жителей в управлении делами местных сообществ (на уровне дома, района, города или регио-

на), то ее ближайшие перспективы не столь очевидны.

Прежде чем говорить о «росте» демократии, скажу о точке отсчета, с которой мы сравниваем сегодняшнее состояние. Например, применительно к институту местного самоуправления, особенно среди сторонников Европейской хартии МСУ, существует устойчивое мнение, что в России «идет процесс сворачивания местного самоуправления». При этом в качестве точки отсчета берется его «расцвет», пришедшийся, по их мнению, на начало 90-х годов прошлого столетия. Чтобы как-то оценить это утверждение, предлагаю очень схематично и упрощенно* взглянуть на историю местного самоуправления в постсоветской России.

В последние годы существования Советского Союза его административно-территориальное и политическое устройство на местном уровне выглядело вполне цивилизованным. Демократия с прилагательным «советская» существовала во всех городских и сельских населенных пунктах. Были выборы «местных советов народных депутатов», которые на своих сессиях утверждали «местные бюджеты» и нормативно-правовые акты, регулирующие правила «социалистического общежития». Правда, в условиях «плановой социалистической экономики» вместо реальных денег существовали некие «учетно-расчетные единицы», обслуживающие планово и централизовано распределяемые ресурсные потоки. Поэтому «решения на местах» могли быть «претворены в жизнь» только в том случае, если ранее они уже были учтены в планах «всего советского народа», принятых на съездах его «авангарда» — КПСС.

В апреле 1990 года вступил в силу закон «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР», положивший начало трансформации политических институтов социалистического государства на местном уровне. В июле 1991 года был принят Закон РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР», конкретизировавший права местных органов власти, в первую очередь исполнительных. В этот переходный период — с 1992-го до известных событий осени 1993 года — местная исполнительная власть была одной из наиболее реальных политических сил, существовавших в то время в стране, в отличие от федеральной власти, которая не очень четко понимала, кем и как она управляет. А на местах все было более или менее понятно. Советские исполкомовские структуры — районные, городские, областные — превращались в органы, которые потом получили название органов местного самоуправления. Кое-где они сохраняли старые названия, где-то переименовывались в городские думы, администрации, муниципалитеты. При этом во многих местах трудно было уловить смысл изменений: те же люди, которые сидели в тех же помещениях, что и раньше, выполняли прежние функции.

События октября 1993 года, которые закончились расстрелом Белого дома и разгоном первого российского парламента, стали концом советской формы организации власти в России. По всей стране были распущены советы всех уровней. Местное законо- и нормотворчество было заменено на указное регу-

---

** Интересующимся этой проблематикой рекомендую книгу «Российское народовластие: развитие, современные тенденции и противоречия» — 2-е изд., доп.; под общ. ред. А.В. Иванченко. — М.: Новое издательство, 2005. — 368 с. (Исследования фонда «Либеральная миссия»).*

лирование вопросов организации местного самоуправления. Президентским указом от 26 октября 1993 года было утверждено Положение об основах организации местного самоуправления в Российской Федерации на период поэтапной конституционной реформы. В декабре 1993 года была принята Конституция Российской Федерации, признававшая и гарантирующая местное самоуправление. В статье 12 говорилось, что «местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти». То есть тем самым уже на конституционном уровне было закреплено, что органы местного самоуправления являются самостоятельными и независимыми от органов государственной власти. Наряду с частной и государственной собственностью подлежащей признанию и защите была объявлена муниципальная собственность. Тем самым была задана экономическая основа для существования местного самоуправления.

В августе 1995 года был принят закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», который оставлял на усмотрение региональных властей достаточно большой круг вопросов по организации местного самоуправления. Одним из негативных результатов этого «усмотрения» стало то, что в большинстве регионов местное самоуправление было ограничено территорией больших и средних городов, а также районным уровнем. В сельской местности в основном сохранились административные районы, которые были при советской власти, без собственного бюджета и без выборности местных органов управления. И хотя многие сторонники «истинного МСУ» критиковали такой порядок, это позволяло учитывать специфику большой страны. Отсутствие единой схемы организации местного самоуправления и многоуровневость его нормативной базы позволяли в определенной мере учитывать специфику развития территорий.

Что происходило дальше? Примерно до 2000 года шел процесс, который можно назвать стихийным развитием местного самоуправления, отражавшим все эксцессы стихийного развития российской государственности. Местное самоуправление в эти годы, как и российские регионы, брало на себя «столько суверенитета» в экономике и в политике, сколько ему позволяли соседи и центральная власть. Последняя была, в полном соответствии с классической либеральной доктриной, очень слаба.

Такое «либеральное» развитие государства на местном, региональном и федеральном уровнях привело к тому, что к концу правления Ельцина выяснилось, что обязательства государства раза в три превосходят его реальные возможности. Речь идет, прежде всего, о закрепленных в нормативно-правовых актах социальных обязательствах государства перед пенсионерами, военнослужащими, матерями, бюджетниками... Парламент, контролируемый коммунистами, принимал популистские законы, ориентируясь на «социальную справедливость», а не реальные ресурсы государства. Слабость центральной власти давала возможность лоббирования своих запросов региональными и отраслевыми руководителями. Кризис 1998 года усилил эту разбалансировку обязательств и возможностей государства.

Можно ли сказать, что местное самоуправление в этот период было «на пике» своего развития? Если понимать под силой местного самоуправления его способность противостоять госу-

Энтони Гормли. Без названия. 1986

дарству в «дележе» бюджетных ресурсов, то, несомненно, в 90-е годы мэры были гораздо более «сильными», чем их сегодняшние коллеги. Также они были гораздо более «свободны», нежели их преемники, в выборе ярких и неожиданных решений как в местном нормотворчестве, так и выборе целей и средств при расходовании местных бюджетов. Правда, бюджеты были несопоставимы по размеру с сегодняшними. Поэтому свобода выбора решений была ограничена необходимостью сводить концы с концами, чтобы не допустить развала муниципального хозяйства и выхода граждан на митинги протеста. На помощь центра надеяться не приходилось, решать большинство вопросов приходилось самим. Правда, к самоуправлению, участию местных сообществ в решении вопросов местного значения это особого отношения не имеет. А местная бюрократия в 90-е годы действительно была сильнее нынешней.

Чем это закончилось? Это закончилось с приходом к власти нового президента, который провозгласил цель создания сильного государства, которое может исполнять свои обязательства перед гражданами. Абсолютно, скажем так, здравое намерение, потому что государство для того и существует, чтобы иметь возможность не просто обещать, но и выполнять обещания. Он начал с инвентаризации обязательств и ресурсов. Результатом этой работы стало решение о концентрации имеющихся ресурсов «в одних руках». В качестве вспомогательных были поставлены задачи создания единого правового пространства, лишения привилегий и особых статусов тех, кто ими до этого момента обладал, как в политике (региональные лидеры), так и в экономике (олигархи).

С 2001 года начинается новый этап и в развитии местного самоуправления. Нужно отметить, что оно рассматривалась как один из уровней власти и на него распространились общие задачи, стоящие перед государством. Прежде всего, задача **инвентаризации** и **разграничения** полномочий: требовалось определить какой уровень власти (местной, региональной или федеральной) за какие полномочия отвечает и несет ответственность перед населением. Одновременно все имеющиеся у государства источники доходов, включая налоги, должны были быть закреплены за конкретными уровнями власти, чтобы они соответствовали тем расходным обязательствам, которые у этих уровней существуют. Понятно, что специфика местного самоуправления как особого «уровня» власти, на котором происходит превращение демократии из непосредственной в представительную и где ресурсы (прежде всего непосредственного гражданского участия) не только распределяются, но и создаются, при таком подходе просто не учитывалась.

И здесь государство столкнулось с задачей, которую не смогло разрешить. И думаю, что она не решаема в принципе, поскольку связана с тем, что страна большая и очень разная. Проведенный в чистом виде в СССР «плановый эксперимент» продемонстрировал, что установить с федерального уровня единый способ распределения материальных и финансовых ресурсов так, чтобы все регионы были «справедливо» ими обеспечены, невозможно. Одни (большинство) будут дотационными, другие окажутся донорами. И, следовательно, система налогообложения будет носить заведомо искусственный характер.

Но тем не менее была поставлена задача и создана специальная группа, кото-

рую возглавлял Дм. Козак и которая должна была заняться инвентаризацией. Ей было поручено законодательно закрепить набор обязательств государства и органов местного самоуправления перед гражданами и набор тех источников, которые могут эти обязательства обеспечивать. Результатом стало появление двух федеральных законов: об организации местного самоуправления и об организации исполнительной власти субъектов Российской Федерации, где были достаточно четко прописаны вопросы местного и регионального значения и было указано, что все остальное — это вопросы федерального значения. И одновременно должна была идти реформа межбюджетных отношений, соответствующая этому разделению. При этом проблема несоответствия распределения богатства по территории России компенсировалась путем сложной системы межбюджетных трансфертов, а также системой различных субсидий и субвенций. В результате возникло серьезное противоречие между территориальными (региональными) интересами и интересами «вертикально интегрированных» отраслевых структур, которые государство начало формировать прежде всего в качестве источников извлечения прибыли. Речь идет не только о министерствах и ведомствах, но и о таких структурах, как нефтяные компании, Газпром, РАО ЕЭС. Параллельно ставился вопрос о необходимости перехода на рыночный способ хозяйствования, о приватизации этих структур и тому подобное. Однако скоро стало ясно, что у государства не так уж много источников для финансирования своих обязательств. Так устроена российская хозяйственная система, похожая на советскую, если учесть, что основные источники ресурсов и сегодня относятся прежде всего к сфере добычи полезных ископаемых и их экспорту.

После того, как были приняты эти законы, начался следующий этап развития местного самоуправления, хотя и связанный с процессом разграничения полномочий, но одновременно сопровождавшийся централизацией власти, как экономической, так и политической. То, что впоследствии получило название выстраивания вертикали власти. Некоторые считают, что этот этап можно датировать 2004–2005 годами, но я думаю, он начался одновременно с выстраиванием процесса разграничения полномочий, поскольку оно должно как-то обеспечиваться. В принципе, оно обеспечивается именно силой государства, поэтому закрепление вертикали власти было поставлено во главу угла. И этот процесс неизбежно сопровождался централизацией финансовых ресурсов. То есть, вообще говоря, система централизации сбора финансовых ресурсов на федеральном уровне и последующего их распределения на уровень бюджета регионов и местного самоуправления с каждым годом усиливалась. Причем это усиление не носило характер злой воли министра финансов или премьера, это достаточно объективный процесс, который простонапросто сопровождал борьбу групп интересов. Но при этом параллельно государство могло на первых порах достаточно эффективно противостоять сепаратистским устремлениям региональных лидеров. Все это сопровождалось централизацией в политической сфере — отменой выборов губернаторов и введением института полпредства с определенными полномочиями. Плюс к этому политическая линия на уменьшение реальных властных полномочий представительных органов, как в регионах, так и в федеральном центре.

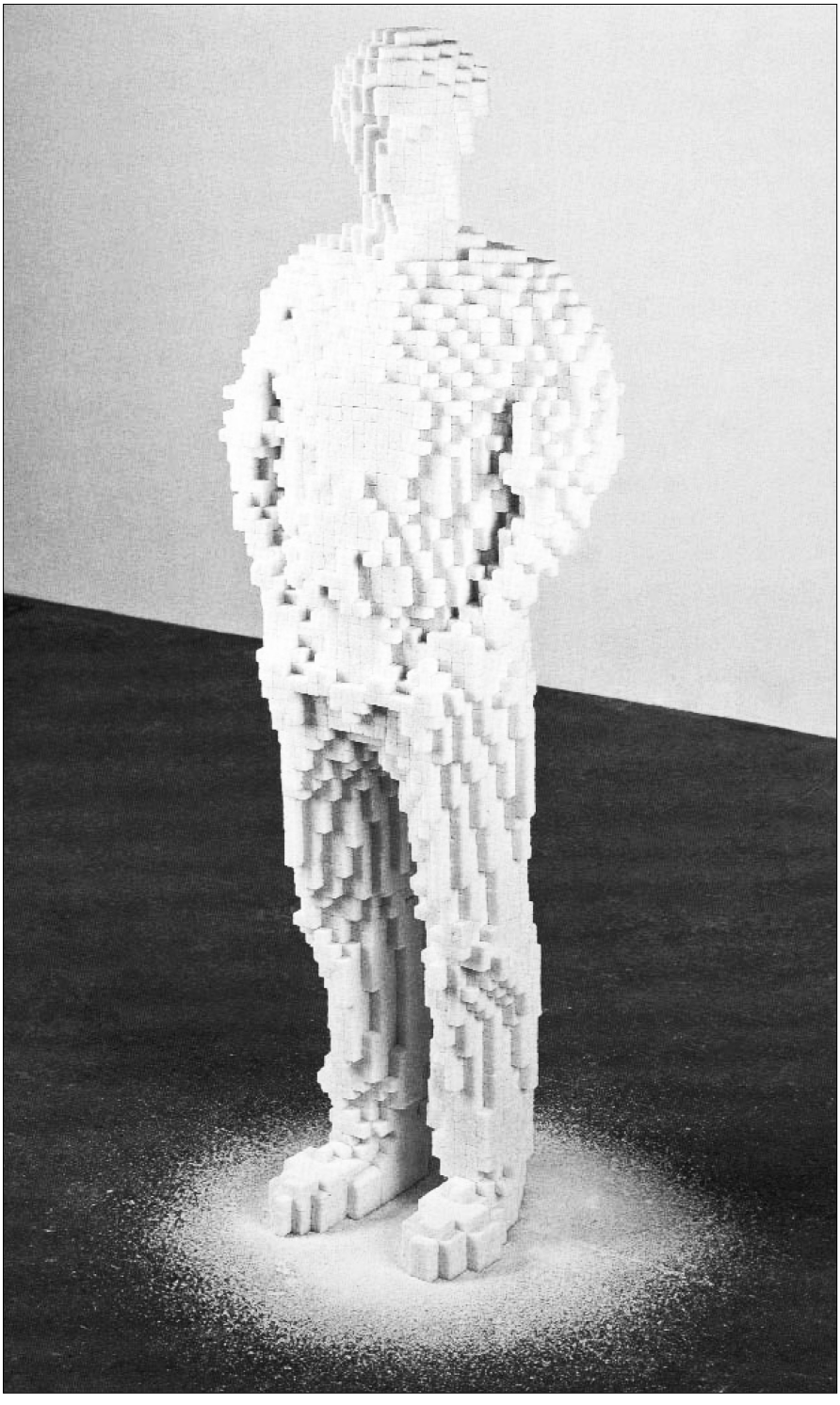
Расхождение позиций законодательной и исполнительной властей было сведено к минимуму. В Государственной думе — через реформирование законодательства о выборах и партиях, а в Совете Федерации изменился порядок его формирования с помощью процедуры назначения представителей либо законодательными органами субъектов, либо главами исполнительной власти.

Этот процесс усиления централизации достаточно активно развивался до 2009 года. Хотя уже в конце 2007-го стало понятно, что любая централизация имеет свои пределы. В то время это мало обсуждалось, но уже было очевидно, что в регионах создаются своего рода поместные вотчины, когда местные руководители, совершая определенный набор ритуальных действий, становились абсолютно бесконтрольными. И эта бесконтрольность приводила к тому, что решения, которые принимались в центре и должны были по вертикали власти спускаться вниз, вообще не реализовывались. Многие решения, принимаемые федеральной властью на уровне региона, при исполнении просто-напросто уходили в песок. В том числе и на уровне местного самоуправления. То есть все попытки зарегулировать местное самоуправление через финансовую систему, когда в распоряжении органов местного самоуправления оставалось все меньше собственных финансовых ресурсов (передаваемых, как правило, с регионального уровня), приводило к тому, что большинство проблем, которые к тому времени стали очевидны, не решались или решались только в ручном режиме. Спасало что? Спасала высокая цена на нефть, которая давала возможность любые проявления социального недовольства гасить с помощью финансовых вливаний.

Кризис 2008–2009 годов удалось пройти без особых социальных потрясений за счет достаточно активных усилий именно федерального центра. Были организованы антикризисные комиссии, которые собирались чуть ли не еженедельно в министерстве регионального развития и в аппарате правительства. На них вызывались представители местной региональной власти, предприятий, которые находились в тяжелом положении, представители городов. Сошлюсь в этой связи лишь на всем памятный пример с Пикалево, когда премьер вместе с олигархами решал проблему конкретного города. Такие же способы решения существовали в большинстве российских кризисных точек. Благодаря наличию определенного финансового запаса и при активной позиции центра из кризисной ситуации удалось выбраться.

Но уже в то время стало понятно, что дальнейшее развитие системы централизации ограничено. И возникли инициативы, с которых начинался наш сегодняшний разговор. То есть напрямую они не связаны с послевыборным протестным движением зимы 2011 года. Был поднят вопрос о необходимости разработки стратегии, которая позволила бы государству в дальнейшем функционировать не только в режиме ручного управления. Начался он еще до кризисов — и экономического, и «выборного».

Правительство приняло решение обратиться к экспертной общественности, чтобы каким-то образом оценить сложившуюся ситуацию и разработать стратегию дальнейшего развития страны («Стратегия 2020»). Для этого были созданы, по-моему, 20 экспертных групп. Одна из них называлась «Реальный федерализм. Региональное развитие и местное самоуправление», в работе которой я тоже принимал участие. Ее



Том Фридмен. Без названия. 1999

возглавляли В. Глазычев и И. Стародубровская. Основная работа началась в 2011 году. Ее активизация была связана с тем, что в конце 2011 года предстояли думские выборы, и группам было по-ручено подготовить некую программу. Работа была организована таким образом, что в группы были собраны «все лучшие специалисты по проблеме». В результате предложения были не только самые лучшие, но и самые разные. И реализовать их было практически невозможно. В частности, 12-я группа, которая занималась проблемами местного самоуправления, достаточно критично оценила уровень его развития в финансовом плане и в плане несоответствия существующих полномочий финансовым возможностям. Но предложенные методы решения проблемы были малореализуемыми, поскольку они предполагали достаточно серьезную реформу государства.

Возвращаюсь к дням сегодняшним (лето 2012 года). Результаты декабрьских выборов и происходящие протесты с точки зрения местного самоуправления оказались интересны тем, что, после того как стало понятно, что на федеральном уровне власть взяла ситуацию под контроль, различные оппозиционные силы выдвинули лозунг, согласно которому реальная политическая конкуренция возможна как раз на местном уровне.

Во-первых, был принят закон о выборности губернаторов. Во-вторых, никто не отменял выборности органов местного самоуправления. Более того, по закону о выборности губернаторов они получили дополнительные полномочия, связанные с так называемым му-ниципальным фильтром. Однако дело не только в формальной возможности проводить выборы. Главное, действительно ли в новых условиях на местном уровне существует основа для политической конкуренции. Пакет законов, принятый по итогам декабрьских выборов, неоднозначен по своим практическим последствиям (прежде всего в силу разнообразия ситуации в российских регионах, а тем более муниципалитетах). Критикуемое ранее распространение пропорциональной избирательной системы на муниципальный уровень в условиях практически свободной регистрации политических партий может дискредитировать само понятие выборности. Непонятное рядовому (да и не рядовому) избирателю партийное многообразие 1990-х легко сменилось единообразием 2000-х именно в силу усталости населения от его безрезультативности (пустоты). Возможно, в расчете на повтор этой реакции был дан «зеленый свет» партийному плюрализму. Обоснование необходимости такой «свободы партий» ссылками на зарубежный опыт малоприменимы — у нас нет той устойчивой структуры социально-экономических интересов, для обслуживания которой нужна сложная конструкция парламентской демократии.

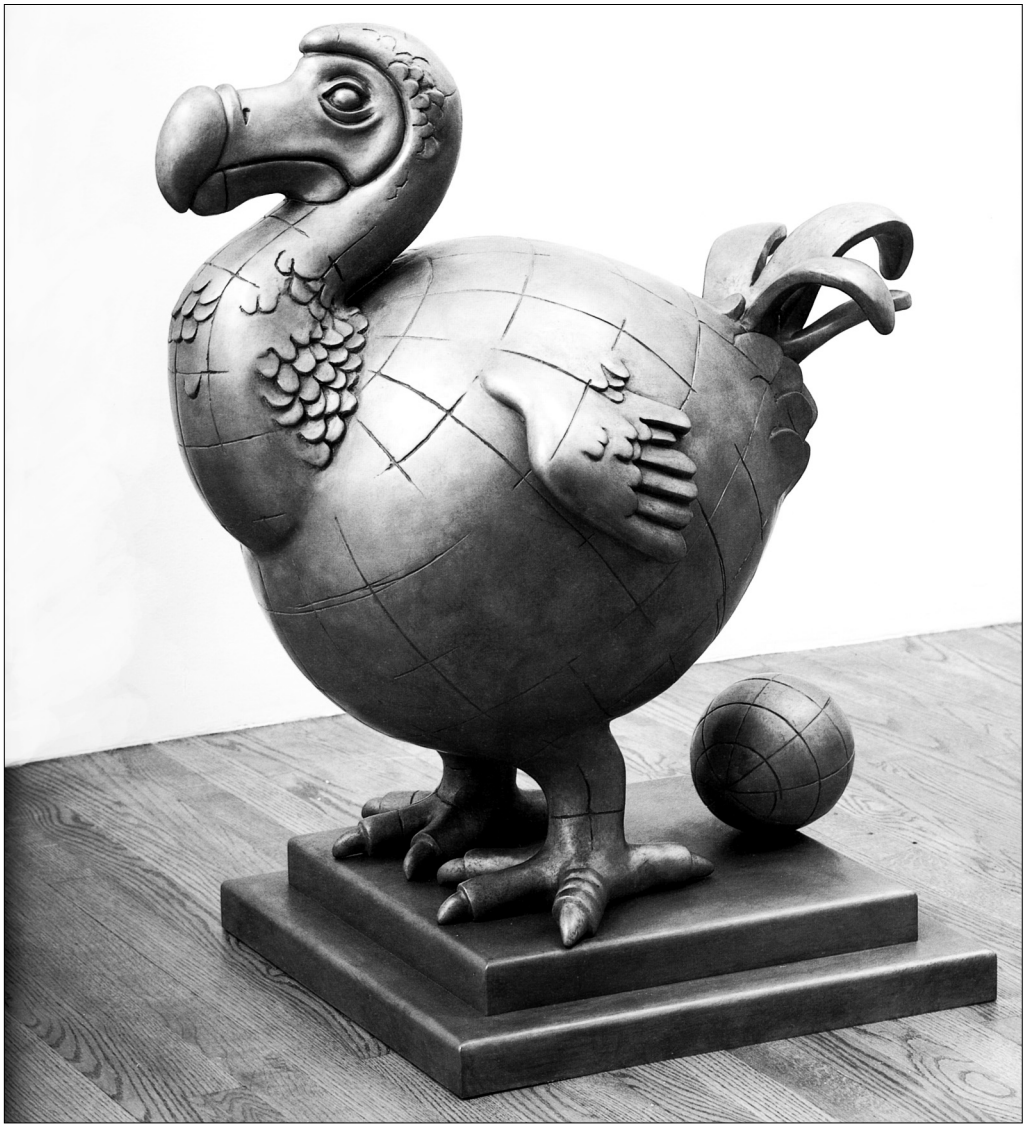
Аналогичная ситуация складывается с восстановлением выборности губернаторов. Ценность этого института в странах с развитой рыночной экономикой и устоявшимися институтами демократических выборов бесспорна, понятны его функциональность и достоинства. Но понятна и его ограниченность, что заставляет в ряде стран, например во Франции, вводить различные дополнительные механизмы, обеспечивающие баланс интересов центра и регионов. Специфику функционирования данного института в такой большой и неоднородной (в экономическом, социальном и национальном отношении) стране, как Россия, мы наблюдали в те же 1990-е годы.

Если мы посмотрим на политическую составляющую развития местного самоуправления, то в 2005–2010 годах ее основная тенденция была связана, во-первых, с попыткой уменьшить выборное начало органов местного самоуправления. Я имею в виду введение так называемого института сити-менеджеров. То есть замены выборов глав администраций, которые одновременно были главами местного самоуправления, на модель, при которой глава администрации, распоряжающийся ресурсами, назначается по контракту. Это была организованная кампания, но ее результаты не вполне очевидны. В том числе с точки зрения усиления вертикали власти на муниципальном уровне. Как ни странно, введение поста сити-менеджера в ряде городов привело не к усилению управляемости муниципалитетами, а к появлению еще одного центра силы. Это связано с той тенденцией, о которой я говорил, когда в результате выстраивания вертикали все средства стягивались в центр и на местах стали создаваться вотчинные управления. В тех городах, где вводился институт сити-менеджера, их мэры достаточно легко противопоставляли себя губернаторам. Такие случаи тоже имели место.

И вторая тенденция политической составляющей связана с тем, что после принятого закона выборы в городских округах и муниципальных районах велись по партийным спискам. То есть был отменен принцип, когда депутаты избирались по привязке к территории и депутатский корпус формировался по решению субъекта. Это привело к тому, что в представительных органах местного самоуправления появилось большинство членов «Единой России». А если она не имела большинства, введение поста сити-менеджера — еще одна возможность получить противостояние региональной и местной властей.

В начале этого года прошло уже несколько выборов в органы местного самоуправления, которые дают достаточно интересный материал для анализа. Я имею в виду выборы в Ярославле, Тольятти и в Красноярске. И плюс выборы муниципальных депутатов в Москве, которые проходили одновременно с президентскими. Эти выборы интересны с точки зрения результатов, поскольку они состоялись уже после известных декабрьских событий. Совершенно разные результаты. Если Тольятти и Ярославль продемонстрировали возможность победы на муниципальном уровне кандидатов, которые являются оппозиционными, то Красноярск, наоборот, показал полное превосходство кандидата от «Единой России» при очень низкой явке избирателей. В Москве же большинство кандидатов шли как самовыдвиженцы. Кстати, по стране их было тридцать процентов, а в Москве чуть ли не девяносто, заявивших о своей партийной принадлежности уже после победы. В Москве депутатский корпус обновился на пятьдесят процентов — событие, которое, я считаю, надо анализировать внимательно. Очевидно, это произошло потому, что, как и в Санкт-Петербурге, в Москве существует особый принцип формирования местного самоуправления, когда субъект сам решает, какой набор полномочий местного значения можно передавать местному самоуправлению. Это мотивируется необходимостью сохранения единства городского хозяйства.

Но как бы то ни было, после этих выборов стало понятно, что возник новый депутатский корпус, и 30 мая состоялось заседание Совета муниципальных образований города Москвы, на котором мэр Москвы Собянин предложил план наделения московских муниципалитетов некими полномочиями — впервые



Том Оттернес. Дронт. 1989–1990

за все время их существования. Причем, что интересно, полномочиями наделят не сами муниципалитеты, а их представительные органы, то есть обновленный депутатский корпус. В основном это контрольные полномочия, но тем не менее логика Собянина понятна. До сегодняшнего дня эти депутаты ничем не занимались, у них и аппарата никакого не было. И его нужно каким-то образом формировать, а это достаточно серьезный процесс. Поэтому мэр предложил пройти поступенчатый путь. Сначала наделить новых депутатов контрольными полномочиями, а дальше, если это будет реально функционировать, рассмотреть вопрос о дальнейшем развитии местного самоуправления. То есть речь идет о неком буфере между гражданами, населением Москвы и властью города. Именно депутаты призваны, по инициативе Собянина, быть переговорщиками во время разрешения городских конфликтов и участ-

никами согласований, связанных с выделением ресурсов.

О том, как будет развиваться ситуация на местах по стране, пока сказать трудно. Пример Красноярска, где за кандидата от «Единой России» проголосовало порядка 70% избирателей от 21% пришедших на выборы мэра города, в отличие от Ярославля, где почти 70% голосов получил беспартийный кандидат, показывает, что есть разные варианты развития событий.

Вернусь к началу своего выступления: почему местное самоуправление в Российской Федерации так и не вышло из-под опеки государственной власти, несмотря на то что конституционные возможности для этого определенно были? Дело в том, что местное самоуправление имеет силу тогда, когда оно опирается на местное сообщество, объединенное общими интересами и способностью выражать свою позицию. В муниципальных же образованиях оно фактически отсутствует. То есть особенностью современной России является скорее формальное наличие демократических институтов, разделения властей, иллюзорное представление о том, что государство служит обществу и т. д. Скажем, могут ли существовать интересы государства, не являющиеся общественными интересами?

Причина такого специфического состояния, когда государство довлеет над обществом, возникла не сегодня, она существовала в советское время и в царской России. Но отнюдь не по чьей-то злой воле. Причина кроется в типе хозяйственных отношений, которые когда-то сложились в стране. В этой связи встает вопрос о территориальной организации страны, поскольку есть аргументированная точка зрения, что Россия из-за ее большой территории, может существовать только при наличии сильного централизованного типа государства. И история это демонстрирует — на основе мобилизационного типа построения государства в царской России, в Советском Союзе и сегодня в Российской Федерации. Поясню, что я конкретно имею в виду.

Когда мы говорим о проблеме разграничения полномочий и передаче ресурсов, то что имеется в виду, каким образом это происходит? На основе административно-территориального устройства страны. А какое это устройство? Такое же, в сущности, какое было в Советском Союзе. Хотя при этом декларируется, что система хозяйственных и финансово-бюджетных отношений сегодня у нас иная. Но если бы она была иной, то иным было бы и административно-территориальное устройство. А в этом плане мало что изменилось. Поэтому и управление не только территориями, но и финансово-ресурсными потоками остается прежним.

Вторая проблема, которая подлежит анализу, относится к сфере развития общественного сознания. Экономические и политические отношения формируются под сильным воздействием господствующих в обществе духовных ценностей и определяемых ими кодов поведения. Когда в Западной Европе в XVII веке происходила Реформация, проложившая дорогу развитию капитализма, в России появился особый тип сознания в результате церковного раскола, а дальше реформы Петра его последствия закрепили. Прежде всего в виде вполне определенной формы организации экономики под патронажем государства, не предполагающей независимого пространства частной экономической и гражданской жизни.

К сожалению, повторю еще раз, названная тема почти не исследуется и обществом не обсуждается. А на официальном уровне поднимается буквально единицами исследователей.

*Анатомия российской коррупции 2012**

Елена Панфилова, директор Центра антикоррупционных исследований и инициатив Transparency International — Россия

Предваряя свое выступление, хочу сообщить, что в октябре в Калининграде будет открыта наша пятая общественная антикоррупционная приемная, которой будет руководить Илья Шуманов, ваш выпускник. И мне очень приятно, что ваша Школа заряжает молодых людей для общественно полезных дел.

Я уже четвертый или пятый раз выступаю в МШПИ, и сейчас подумала, что рассказываю обычно о мерах по противодействию коррупции. И только в этом году я поймала себя на мысли, что мы не очень себе представляем, что такое современная российская коррупция, потому что каждый из здесь присутствующих имеет о ней собственное представление, как и многие из моих коллег. Кроме того, в последний год в силу самых разных и разнонаправленных политических процессов в стране стали появляться трактовки, скажем, такие, что очень хочется спорить. Но хочется спорить взвешенно и в таких больших аудиториях, как эта, чтобы вместе находить ответы на вопросы. Поэтому сегодня я решила с вами поговорить на тему генезиса коррупции вообще. Подтолкнули меня к этому сложившиеся к настоящему времени доминирующие точки зрения на происхождение коррупции и ее проявления в России.

Первая точка зрения заключается в том, что в России всегда было и всегда будет взяточничество. В России, мол, всегда воруют. Приводится масса всевозможных исторических, политологических и социологических исследований, которые закрепляют мысль о том, что российский человек при любой возможности попытается либо сунуть кому-то деньги, либо с

** Выступление на семинаре Школы в Голицыно 23 июля 2012 г.*

кого-то деньги получить. Они видят в мздоимстве традиционный уклад жизни. Что так у нас все устроено со времен Ивана Грозного и даже раньше. При этом приводится множество исторических форм коррупционных взаимоотношений в российском обществе и государстве. А кто-то считает, что у русского человека есть генетическая склонность к коррупционным проявлениям, поэтому все эти наши институциональные попытки что-то с этим сделать, цитирую, «это плевок в вечность», как мне сказал один довольно крупный исследователь.

Вторая точка зрения отражает реалии сегодняшнего дня, но перекликается с первой. То есть, если вдруг, не дай бог, сейчас каким-то образом хотя бы на четверть или на треть снизить уровень коррупционных отношений в стране, где практически все решается через неформальные платежи, то российская государственность рухнет, рухнет российская экономика и система предоставления государственных и муниципальных услуг населению. Мол, коррупция сегодня является той самой системой, вертикалью, которая связывает воедино все социально-экономические и политические отношения в стране. Жестко браться за коррупцию не надо потому, что в силу множества экономических, внешнеполитических и внутренних причин это может привести к потрясениям. А вот когда ситуация улучшится, можно подумать...

Я предлагаю вам обсудить в применении к нынешней России известную формулу, что коррупция это алчность плюс возможности минус контроль. В этот линейный ряд исследователи вводят обычно самые разные переменные для детализации коррупционных возможностей и способов контроля. Меня в этой формуле устраивает абсолютно все, кроме одного момента — она линейная. А мне кажется, что коррупция и коррупционные проявления — это такая объемная сфера, где для каждой переменной тысяча самых разных вариаций, функций, человеческих поступков, видов государственно-общественных отношений и ситуаций в разных странах, что придает им абсолютно разные особенности в тех или иных историко-социальных национальных условиях.

Чтобы понять особенности российской коррупции, поговорим о каждом из составляющих линейный ряд факторов.

Начнем с алчности как естественно присущем тем или иным людям стремлении к обогащению в самых разных формах. На этом мы ставим точку и говорим, что есть люди алчные и есть люди не алчные. Кому-то нужно много всего, а кому-то не очень нужно, есть бессребреники, которые довольствуются одной парой ботинок, одним костюмом, одной юбочкой, одной сумочкой и так далее. Стремление к обладанию чем-то — нормально для человека.

Но когда мы говорим о коррупции, надо исходить из ее определения. Что такое коррупция? Это злоупотребление служебным положением в личных целях. Это базовое определение, которое кочует из европейской уголовно-правовой конвенции о коррупции во многие, в том числе российские, документы. Поскольку речь идет о злоупотреблении служебным положением в личных целях, стало быть, мы говорим об алчности не вообще, а о людях, обладающих властными полномочиями, у которых есть возможности операционализировать свою алчность.

Приведу простой пример, чтобы было понятно, откуда берутся эти возможности. Предприниматель Илья Хандриков успешно работал в 90-е. У не-

го была компания «Формика», где выпускали спецодежду для медучреждений, продавцов, рабочих разных отраслей и т. д.; а также он состоял в Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «ОПОРА», был руководителем ее московского отделения. Но вот в 2007 году к нему приходят строгие люди из ОБЭП и говорят: «У нас есть информация, что в ваших компьютерах установлено нелицензионное программное обеспечение, будем проверять». А что такое компьютеры для небольшого предприятия? В них вся жизнь: финансы, лекала для всех моделей, клиенты, отгрузка и пр. И ему говорят: «Согласно положению, мы можем проверить на месте или в отделе ОБЭП в течение тридцати дней». И вот у тебя выбор: либо на месте, либо все забирают и везут в отдел на тридцать дней. А это практически смерть предприятия. Тогда удалось как-то отбиться (Илья показал все нужные лицензии). Но потом стали приходить из других ведомств — пожарники, налоговики и прочие. Предприниматель оказался несговорчивым, и в итоге фирму пришлось продать. Эта история стала эпизодом книги И. Хандрикова «Записки предпринимателя-идеалиста», вышедшей год назад.

Вопрос: откуда у чиновников такие возможности: давить бизнес, использовать вроде бы законные действия для вымогательства серьезных взяток? Они были созданы законодательно. Законодатель, что, специально это делает или не подумавши? И так, и так. В самых разных государствах такие возможности возникают иногда совершенно случайно, просто потому что недодумали, не просчитали. А жизнь идет, ее условия меняются; алчные чиновники быстро приспосабливаются к переменам, придумывают все новые схемы отъема денег или их эквивалентов. Эти возможности возникают где угодно. Не бывает идеально чистых стран, где совсем нет коррупции. Она все равно случается в индивидуальных формах проявления алчности чиновников, находящих лазейку возможностей для извлечения выгоды из своего положения. В странах, где существуют индивидуальные проявления алчности, помноженной на возможность, встает контроль.

Какой бывает в государстве, в обществе контроль? Внутренний и внешний. Под внутренним контролем понимаются всевозможные инструменты, присущие государству по конституции, в том числе правоохранительные органы, надзорные институты, например прокуратура, Счетная палата, тот же Центризбирком, который в принципе является институтом организации и независимого контроля избирательного процесса. Кроме этого в отдельных системах есть внутренние службы безопасности, контрольные службы и пр. Россия в начале 2000-х годов стала внимательнее относиться к международным актам и опыту других стран по борьбе с транснациональной организованной преступностью, коррупцией, отмыванием преступно нажитых доходов. В 2001 году был создан Росфинмониторинг — орган федеральной власти с функциями противодействия отмыванию незаконных доходов и финансированию терроризма.

Если все механизмы внутреннего контроля работают, то они, разумеется, в существенной мере способны перекрыть невероятно широкий спектр возможностей для коррупционного беспредела — вымогательства, взяток, казнокрадства, подкупа и т. д.

Коррупция — это в основном материально мотивированное преступление. В действиях коррупционера всегда есть

Дорис Сальседо. Без названия. 2003

цель и конечный результат — получение выгоды в любой форме.

В случае незаконного обогащения, приобретения материальной выгоды результат обычно можно отследить: это счет в банке, недвижимость, акции, либо яйца Фаберже, или скакуны, появившиеся вдруг у должностных лиц. Соответственно, задача механизмов внутреннего контроля — надзор за движением финансовых потоков; четкая регламентация действий и полномочий чиновников всех уровней; открытый доступ граждан к ин-

формации о деятельности госорганов; экспертиза законов на коррупционность; неотвратимость и адекватность наказания коррупционеров и многие другие действия, испытанные в странах с приемлемым уровнем коррупции.

А что такое внешний контроль? Это механизмы, в высокой степени независимые от исполнительной власти. Это выборы — высшая форма гражданского контроля. С точки зрения антикоррупционной борьбы нас не очень интересует идеологическая позиция претендентов. Нас интересуют выборы как инструмент предотвращения консервации коррумпированных элит, причем в большей степени не на федеральном уровне, а на локальном. Ведь там, где мы с вами живем, мы начинаем следить за той жизнью, которая для нас важна... А что для нас важно? Поликлиника, школа, двор, вывоз мусора, ЖКХ. У граждан есть самая сильная возможность повлиять на коррумпированных чиновников муниципалитета или коррумпированного мэра — лишить их полномочий на муниципальных выборах.

Другая форма внешнего контроля — СМИ, в первую очередь расследовательская журналистика. Расследовательская журналистика играет роль санитара общества, когда, выявляя злоупотребления со стороны государства и государственных органов, рассказывает о них обществу и тем самым инициирует его воздействие на власть.

Третья форма — общественные организации самого разного толка. Кто-то следит за состоянием воды в местной речке, кто-то за расходованием бюджета, кто-то добивается установки светофора на улице или запрета возведения под окнами мусоросжигающей установки. Даже если такие организации занимаются самыми мелкими бытовыми вопросами, они реализуют гражданский контроль. Это не имеет, может быть, прямого отношения к борьбе с коррупцией, но держит местных чиновников в тонусе, показывает им, что люди могут за себя постоять.

И последнее — это обычные граждане, даже если они не организованы в какое-то сообщество. Феномен активности обычных граждан у нас появился недавно, по мере развития Интернета. Кто-то один увидел, что здесь что-то разворовывается и тут какое-то злоупотребление, взял и вывесил информацию в блоге или форуме. Возникла дискуссия, потом инициатива, и вот люди уже что-то предлагают, чего-то требуют, каким-то образом пытаются повлиять на ситуацию. С появлением технологических возможностей обычные граждане, не организованные в формальную структуру, начинают реализовывать общественный, гражданский контроль.

Посмотрим на особенности российской коррупции, взяв условно за точку отсчета, например, 2000 год. Никто не будет спорить, что в 90-е было много коррупции: взяточничества, неформальных отношений, которые классифицируются соответствующими статьями УК. Кто-то попиливал бюджет, кто-то злоупотреблял служебным положением с самыми разными, зачастую отложенными целями. Коррупция была самая разнообразная. Но коррупция 90-х действительно, будучи крупной и всеобъемлющей, была классической коррупцией. Это когда одна — чиновник, правоохранитель, судья, парламентарий, кто угодно. Они добровольно встречаются и обмениваются, соответственно, услугами и материальными средствами. Кстати, все лучшие практики мирового законодательства использованы в россий-

ском законодательстве. Оно все построено применительно к классической коррупции, то есть на наказании и воспитании граждан. Это мы говорим про алчность. Мы пытаемся воспитательными мерами внушить людям: «Не надо давать и брать или мы вас накажем». Так можно умерить алчность чиновника. С другой стороны, у нас прописаны соответствующие классической коррупции законодательные нормы и регламенты, чтобы минимизировать возможность чиновника с корыстью использовать свое положение. Чтобы минимизировать возможности, мы говорили, надо усилить контроль.

Вся коррупция делится на три вида: бытовая, административная и верхушечная. Все три вида коррупции присутствовали и в 90-х. Какая преобладала, сейчас вряд ли кому-то известно. И предприниматели носили деньги чемоданами. И люди совали деньги по всякому поводу. Мы помним выборы 1996 года, помним «коробку из-под ксерокса». Стало быть, была и верхушечная, на высших этажах власти.

Но потом, около 2000 года, коррупция начинает мутировать, приобретать все больше черты вымогательства. Когда одна сторона, то бишь мы, граждане, предприниматели, ничего от власти и чиновников вроде не хотим. Мы вдруг вдолбили себе в голову что-то про диктатуру закона, про этику, живем обычной жизнью. Но вот к предпринимателям стали приходить люди и предлагать «решить проблему», которая могла, конечно, быть, а чаще ее не было. Но эта «услуга» уже стоила денег в разных формах, а то и вовсе отъема всего бизнеса. Так возникла высшая форма коррупционного вымогательства — рейдерство. Коррупционное рейдерство как система, а это именно система, которая сформировалась в 90-е годы и совершенствовалась позже, охватила все области бытия, став жизненным укладом миллионов людей, особенно облеченных публичной властью.

Как так получилось? Чиновники стали более алчными? Но алчность сама по себе, без возможности ее удовлетворения, — лишь одно из качеств человека, несовершенного от природы. Однако она становится разрушающей общество силой, если возможности ее удовлетворения противоречат закону и морали. Другими словами, нужны законодательные, политические и нравственные рамки, чтобы ущерб от алчности не превышал социально приемлемый уровень. Ясно, что даже контролируемое корыстолюбие безнравственно. Понятно, что изменение нравственного состояния общества, потерявшего ценностные координаты, задача для многих поколений. Но это не «пафосный бред», как говорят иные прагматики. Я тоже не верю в заклинания и лозунги типа «Коррупция это плохо!». Но верю в общественный диалог о настоящих ценностях, чести, совести, достоинстве. Верю в миссию семьи, просвещения, церкви больше, чем в пользу от скрытой камеры в кабинете чиновника.

Но при этом сохраняю реализм и понимаю, что изменение нравственной парадигмы недостижимая задача, если власть устранится от решения очевидной проблемы — установления контроля над бюрократией, использующей свои возможности для мародерства при исполнении служебных обязанностей. Общество должно получить ясный сигнал: преступающий порог закона чиновник будет караться независимо от его места в иерархии и покровительства. Это сегодня, пожалуй, самая сложная задача, учитывая масштабы, системность коррупции и глубину

поражения органов управления страны. У меня есть личный взгляд на причины коррупционного беспредела. Придя к власти в 2000 году, Владимир Путин имел целью решение трех важных, с его точки зрения, проблем, стоящих перед страной. Первая — Кавказ. Вторая — положить предел организованной преступности, превращавшейся в политическую силу. И третья — обуздание политических амбиций олигархии и влияния так называемой семьи.

Какие средства для этого были использованы? Была достигнута некая неформальная договоренность с новой властной верхушкой: я вам даю больше возможностей, а вы решаете три мои задачи (Кавказ, олигархия, организованная преступность). Если в процессе получится что-то прихватить для себя, то это компенсация за труды и риски: собственность, активы, финансы, полномочия.

В законодательстве происходит в результате резкий скачок дискреционных возможностей правоохранительных, судебных, чиновничьих органов. И одновременно начинает сжиматься публичное пространство: информационное, выборное, гражданское и т. д. Общество, и без того обделенное правами контроля, влияния на власть, оказалась вовсе не у дел, получив взамен свою долю в виде некоторого роста благосостояния, чего нельзя отрицать, но этот рост был обеспечен отнюдь не благодаря эффективности государства.

Между тем три задачи Путина были худо-бедно решены, а коррупция окончательно легитимизировалась как практика социально-экономических отношений, правоохранительной системы и прочно закрепилась в сознании граждан и части экспертного сообщества как неизбежность.

Пафос моего выступления сводится к тому, что это все же не тупиковая история, не система, которую нельзя трогать, иначе, мол, все рухнет. Ее не то что можно трогать, ее невозможно не трогать. Несмотря ни на что, происходит рост гражданского активизма, появляется немало предпринимателей, политиков, депутатов, экспертов, которым надоело видеть Россию феодальной страной, где мздоимство, подкуп, кормление были нормой и укладом жизни. Россия не обречена, я верю в это, оставаться коррумпированной и прозябать в полусредневековых отношениях между обществом и государством. Изменение ситуации будет длинной историей, где место семье, воспитанию, образованию, честным политикам — обществу, которое сумеет самоорганизоваться.

Дискуссия

Светлана Кальнина, *председатель Молодежного парламента Ярославской области:*
— Я бы хотела связать коррупцию с нашей безопасностью. Наверно, все помнят теракт в аэропорту Домодедово, где можно было за деньги без регистрации и проверки пройти в самолет. И этой лазейкой воспользовались террористы. И в более безобидных ситуациях люди пользуются коррупционными возможностями, и это может тоже угрожать нашей безопасности.

Елена Панфилова:
— Террористки-смертницы, к счастью, встречаются не так часто. Однако покупка справок для работы, скажем, в пищеблоке у коррумпированного санитарного инспектора людьми с серьезными заболеваниями дело обычное. Стены в вагонах метро оклеены объявлениями о выдаче больничных листов, разрешений, регистрации, автомобильных прав, дипломов и т. д. Люди наверняка обращаются за этими услугами. Это не всегда коррупционные действия, как их определяет УК, но очень близкие к коррупции преступления. К сожалению, не все понимают, что запрос на эти опасные услуги способствует их расцвету, часто наносит физический вред людям, так же как какая-нибудь медицинская справка об отсутствии заразного заболевания, фальшивое водительское удостоверение и пр. Будем работать и здесь...

Дмитрий Глухов, *глава Управления пресс-службы и информации г. Ульяновска, помощник мэра города:*
— В Ульяновске с 2010 года существует аппарат уполномоченного по противодействию коррупции. Лично я считаю, что аппарат немножко бестолковый и бессмысленный. Ничего полезного он не сделал, это больше какой-то PR-шаг со стороны нашего региона, и никто этого не скрывает. Я хотел бы узнать, какой институт все-таки самый эффективный по противодействию коррупции? И какие первые шаги необходимо выполнять именно для ее искоренения? Можем ли мы использовать опыт Сингапура по борьбе с коррупцией?
И последний вопрос. На какие средства работает Центр антикоррупционных исследований? Предлагали ли вам деньги, чтобы повлиять на результаты ваших исследований?

Елена Панфилова:

— Не надо вашего ульяновского уполномоченного воспринимать как орган по борьбе с коррупцией. Он мне звонит раз в неделю и рассказывает, какую новую методику они изобрели. Эти люди реально обсчитывают ульяновскую коррупцию. На коррупцию это пока не сильно влияет, но они хоть что-то делают. Люди пошли в Ульяновске научным путем, решили обсчитать и описать коррупцию. В конечном итоге два или три случая рейдерства с помощью этого уполномоченного удалось пресечь. Две-три человеческие судьбы, две-три семьи, это не так мало на фоне того, что есть регионы, где полный ноль.

Как только совершается проступок, который ставит безупречность служащего под вопрос, его благосостояние оказывается под ударом, и он должен это осознавать. Коррупция, разумеется, среди самых тяжких проступков, которые должны лишать должностное лицо перспектив

Какой должна быть стратегия? Первое, что надо сделать, это начать выполнять законы, которые существуют, хотя бы те антикоррупционные законы, которые написаны для чиновничества. Конечно, не помешало бы создание координационного органа по борьбе с коррупцией. Сейчас в России претворением в жизнь национальной стратегии и плана противодействия коррупции занимаются 12 государственных органов. И, разумеется, каждый считает, что он главный. Когда говорят, давайте возьмем сингапурский опыт и перенесем его в Россию, то не учитывают размеры территории, уклад жизни, государственное устройство и массу других различий. Сингапур не простирается на 9 часовых поясов. В Сингапуре есть культура единоличного вертикального управления, которое люди принимают как норму и в силу религиозных традиций населения, и в силу достаточно долгого колониального прошлого. Таким образом, только две вещи можно было бы взять у Сингапура — это координирующий орган (функции можно обсуждать) и политическую волю. Но ни то ни другое не переносится автоматически. Политическая воля предполагает готовность лидера страны начинать антикоррупционные реформы с себя. То есть выйти на трибуну, как Ли Куан Ю, чтобы заявить: «Хочешь победить коррупцию, будь готов отправить за решетку своих друзей и родственников». Так он и сделал, пересажав за взятки многих своих соратников. Такое отношение самого руководителя государства к реализации антикоррупционных мер сдвинуло все с мертвой точки, так как люди поверили, что это всерьез.

А живет наша организация на самые разные средства. У нас есть и иностранное финансирование, и российское, и финансирование так называемых международных программ. Наш центр — часть мирового движения Transparency International. И какая-то часть средств к нам приходит из общего котла. Причем Transparency

International это не вертикальная организация, где есть штаб-квартира, которая открывает свои филиалы, это сеть из 90 отделений в странах мира, и все они национальные. TI норвежская, TI замбийская и т. д. Почему такая сетевая структура? Потому что коррупция разная. Нельзя иметь единую программу для борьбы с коррупцией в Норвегии и Замбии, в России и Дании. Соответственно, каждый финансируется так, как может. При этом на исследования повлиять невозможно, потому что индекс восприятия коррупции, например, считается из этого самого единого котла, чтобы никто не мог повлиять. Поэтому заноси не заноси, цифра не изменится, хотя предложения делали.

Галина Филимонова, *руководитель фонда деятелей культуры «Дать знать», г. Нижний Новгород (вопрос задан в ходе трансляции сессии по Интернету):*
— В основе коррупции лежит безразличие должностного лица к общественной пользе, деятельность исключительно во имя личной выгоды. Может ли в принципе общественное благо быть источником личной выгоды для должностного лица? Примет ли коррупция другие черты или исчезнет вовсе?

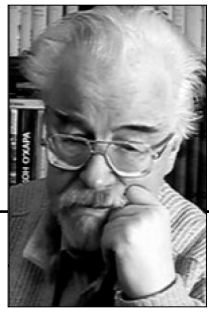
Елена Панфилова:
— Мы можем до бесконечности дискутировать про формы общественного блага и как стимулировать должностное лицо на пользу обществу. Кто-то говорит: давайте им существенно повысим зарплату, чтобы был стимул честно и добросовестно работать. Давайте! Повысили же ее судьям. У нас судьи одни из самых высокооплачиваемых в Европе. И что? А ничего это не изменило.
Система назначения на любую должность должна быть основана на абсолютно четко и ясно прописанном публичном контракте. Судья, полицейский, любой чиновник должны понимать при приеме на службу, за что им платят и на какие социальные льготы они имеют право, на какую пенсию и т. д. Но все это будет только при безупречной службе. Как только совершается проступок, который ставит безупречность служащего под вопрос, его благосостояние оказывается под ударом, и он должен это осознавать. Коррупция, разумеется, среди самых тяжких проступков, которые должны лишать должностное лицо перспектив.

Максим Михайлов, *директор некоммерческой организации «Центр развития компетенций», г. Калининград:*
— Примерно год назад я слушал вас в Школе гражданского лидерства. Я понял вас так, что иностранцам в принципе безразлична наша коррупция, главное для них бизнес. Как вы думаете, после принятия «списка Магнитского» что-то изменилось в отношении Запада к нашей коррупции?

Елена Панфилова:
— Во-первых, он еще не принят, идет длительное обсуждение. Но с точки зрения давления на общественное мнение в Штатах и у нас список Магнитского играет роль даже тем, что он обсуждается. Его даже не обязательно принимать. Само обсуждение это сигнал для коррупционеров насчет приобретения собственности за рубежом и вывода туда украденных средств. Список Магнитского в прикладном смысле имеет весьма ограниченное средство воздействия. Те люди, которые в него попали, не идиоты; если у них что-то было на счетах за рубежом, то они, конечно, уже все оттуда вывели. И конечно, они будут держаться подальше от США и от тех стран, которые присоединятся к санкциям.
Второй аспект проблемы — пределы западного влияния на коррупционные дела тех или иных, не обязательно наших, чиновников или групп чиновников. Когда перед западным политиком стоит выбор: будет ли обогрет его избиратель или важнее права человека в той стране, которая поставляет, например, газ, то выбор очевиден. Важнее интересы избирателя.

Мартына Квятковска, *фонд «Образование для демократии», координатор международных проектов, Республика Польша:*
— Можно ли назвать угрозу жизни высшим проявлением коррупции в России?

Елена Панфилова:
— Дело Магнитского демонстрирует нам особую угрозу жизни категории людей, которая крайне уязвима, хотя международные обязательства России должны обеспечивать полную защиту этой категории. Эти люди погибают, становятся объектом дискредитации, преследования, в том числе уголовного, давления, преследования их близких. Это категория граждан — заявителей о коррупционных нарушениях. Их защита оговорена в Конвенции ООН по коррупции, в документах стран «двадцатки», в российском законодательстве — очень невнятном в этой сфере. Речь идет об элементарном соблюдении прав заявителя. При расследовании заявления человека хотя бы не должны в СИЗО закрыть, подкинуть ему наркотики, быстро повесить на него какое-то дело. То есть заявитель о коррупции у нас и есть самый уязвимый, и существует серьезная угроза его безопасности. Я готова утверждать, что до 80 процентов людей, которые уже сели и о делах которых нам сообщают, были изначально заявителями о коррупции. Эта сфера, очевидно, самая проблемная в антикоррупционной борьбе в нашей стране. Это не предположение, это реальность. Без защиты заявителя борьба с коррупцией в любой стране обречена.



Спасение человечества – дело рук самого человечества

Александр Волков,
доктор исторических наук

Сегодня в мире царят напряжение и беспокойство. Они связаны с многочисленными природными и техногенными катастрофами, а также политическими и социальными бурями, взрывающими огромные массы населения. Многие сегодня говорят и пишут о разного рода тупиках, возникших из-за того, что прежние средства обеспечения безопасности людей не работают.

Цивилизация и природа вступили в противоречие — так бы я обозначил наиболее общую проблему. В чем это выражается?

Кризис научно-технического прогресса. Процесс познания и научно-технический прогресс перешли черту, за которой ущерб, наносимый в ходе этого процесса природе и человеку, может оказаться и часто оказывается большим, чем польза. Но главное, ступив на порог очередного открытия, начиная научный эксперимент, ученый часто не знает, что за ним: триумф или катастрофа глобального масштаба. Это касается прежде всего физических экспериментов, связанных с адронным коллайдером, а также биологических открытий — с вторжением в геном человека и животных, растений.

Многие ученые, как, например, американский профессор теоретической физики Уолтер Вагнер (исследовал космические лучи, работал в службе радиационной безопасности), украинский физик Иван Горелик, немецкий профессор химии Отто Весслер и другие, обращались в правительства стран, в ООН, суды, доказывая, что эксперименты с Большим адронным коллайдером могут уничтожить Землю. Но их доводы игнорируют. Смелые экспериментаторы ссылаются на первые испытания ядерных и термоядерных бомб. Тогда тоже многие ученые сомневались, не инициируют ли их эксперименты гибель планеты. Но обошлось... Однако помнится, как после взрыва первой атомной бомбы ее «отец» Р. Оппенгеймер «пошутил», что они, конечно, сомневались, но решили: если все пройдет нормально, то никто их не осудит. А если нет — то некому будет и судить...

Может быть, эта проблема лишь часть более общего явления — кризиса отношений человека как части природы со всей природой. Наверное, даже нет необходимости приводить примеры издевательства людей над собственной средой обитания и даже над собой, об этих примерах нам каждый день сообщают СМИ. Но ныне в этой сфере совершается переход еще одной критической

черты: создается так называемое климатическое оружие, используемое для стимулирования природных катастроф. Столь же разрушительными и опасными для природы и самого человека оказываются эксперименты и уже реальная практика «совершенствования» погоды и даже климата в отдельных регионах с некими локальными и вроде бы благими целями. Самый известный пример — разгон облаков в праздничные дни. Либо вызывание дождя в районе засухи, поворот рек ради орошения полей и осушение болот. Вполне доказано, что подобные действия в одном регионе могут вызывать непредсказуемые негативные явления в другом, даже достаточно отдаленном. Закономерности подобных взаимодействий еще не изучены, хотя единство глобальной атмосферы, всей среды обитания человека, всей флоры и фауны очевидно.

Социально-экономический кризис. Тупики в этой сфере — тоже очевидное явление, не до конца понятое. Например, последние кризисы, зарождавшиеся в одной стране и охватывающие весь мир, начинались не в производстве, что «предписывалось» классической экономической теорией, а в финансовой сфере. Надо сказать, что она, обслуживая производство, в значительной мере обособилась от него. Примерно лишь треть денег, обращающихся на мировом рынке, связана непосредственно с производством, а две трети движутся как бы сами по себе, продаются и покупаются, перемещаются в финансовой сфере и превращаются в мыльные пузыри, которые время от времени лопаются. Миллионы людей, обращающихся с этими деньгами, которые порой и не существуют в какой-то материальной форме, а лишь в компьютерных записях, на счетах, но даже и в своей бумажной ипостаси не имеют реального обеспечения ни золотом, как прежде, ни даже материальными активами, эти миллионы людей ничего не производят, но зарабатывают миллиарды. А кризисы, опять таки вопреки классической теории, не являются результатом перепроизводства, а скорее — следствием «перепотребления». В том смысле, что потребление превышает «располагаемые доходы», то есть сплошь и рядом потребляется, «проедается» больше, чем производится, чем заработано, и даже — сверх каких-то разумных потребностей. Движение против излишнего массового потребления — за воздержанное питание, за добровольную простоту (voluntary simplicity movement) и многочисленные меры по борьбе с тем же ожирением людей по-своему подтверждают остроту проблемы. Массовый консьюмеризм начинают рассматривать уже не как что-то безусловно благое и естественное, а скорее как нечто злодейское. И уже продаются таблетки от патологического пристрастия к шопингу.

Почему я говорю не просто об экономическом кризисе, а о социально- экономическом? Потому что ныне экономические и социальные процессы небывало тесно связаны, причем эта связь принимает извращенную форму. В США, например, 40% произведенных и купленных продуктов выбрасывается на помойки, которые кому-то служат столовой. Но дело не только в крайне неэффективном использовании ресурсов, которые все очевиднее обнаруживают свою ограниченность и тенденцию к исчерпанию. Нарастание экономического неравенства, расслоение общества — глобальная тенденция, причем крайне болезненная. Речь идет и о внутристрановом и региональном расслоении в мировом масштабе.

Тони Крэгг. Полное пожирание. 1993

Мировая экономика расслоилась на «зоны роста» и «зоны застоя». Директор Института стратегических оценок Александр Коновалов называл такие данные: если в XIX веке богатые страны были богаче бедных в три раза, то теперь в 86 раз. Нарастающее экономическое неравенство — элемент той базы, на которую опирается экстремизм вообще и терроризм в частности. Внутристрановое расслоение также создает напряженность в массовом сознании, что, в свою очередь, порождает социальные и политические конфликты или способствует им.

Если мы всмотримся в глубинные причины многих сегодняшних событий, конфликтов, то обнаружим, что чаще всего это не конфликт внутри однородных, равных в общественном положении сил, а скорее — таких, когда одни обладают некими привилегиями, а другие их лишены и тем унижены. Причем не только в чисто материальном смысле. Иногда это, скажем, коренное население страны и иммигранты, представители господствующей конфессии и как бы периферийной. Однако в основе почти всегда — различие в общественном положении, а часто и в правовом. Универсальная экономическая и социальная модель, ее варианты, обогащенные в разной степени элементами разных концепций — либеральных, консервативных, социалистических, приспособленные уже к национальной почве конкретных стран, вдруг обнаружили свою несостоятельность и потребовали пересмотра. Наука как бы вернулась в пору дискуссий времен первой депрессии в США, в частности между известным либеральным экономистом Фридрихом фон Хайеком, считавшим попытки конструирования социальной реальности с помощью государства «пагубной самонадеянностью человеческого разума», и Джоном Мейнардом Кейнсом, возлагавшим на государство миссию спасения от депрессии и вывода экономики к новым высоким рубежам. В повестке дня вновь оказался вопрос возможностей регулирования рыночной экономики и роли в ней государства.

И не одна страна уже споткнулась о такое препятствие, как опасность чрезмерного перераспределения национальных богатств во имя большего социального равенства. Рост налогов ради увеличения средств социальной защиты, да еще на фоне старения населения, когда на каждого трудоспособного приходится все больше нетрудоспособных, уже вызывал социальное недовольство, протесты, нарушавшие общественную стабильность и в Швеции, и во Франции, и в Германии...

Кризис целей и ценностей. В мире идет поиск такой парадигмы социально-экономического развития, которая наиболее полно отвечала бы современным реалиям. Однако это оказывается сложным, почти невозможным, потому что нет надежных ориентиров в этом поиске. Потому что мы имеем сегодня дело еще и с кризисом целей и ценностей.

Ради чего живем, куда стремимся, какую систему ценностей исповедуем? Иногда у нас, в России, говорят об отсутствии национальной идеи и даже создают специальные группы, которым предлагается эту идею отыскать... Мир с какой-то новой значительностью, новым потенциалом напряженностей и угроз раскололся на приверженцев многообразных течений общественной мысли. Это уже давно не раскол на сторонников социализма и капитализма. На первый план вышли религиозные и близкие к ним идейные течения, все чаще вступающие в противоборство между собой.

В последние годы прошлого века гарвардский профессор Сэмюэль Хантингтон и его коллега из университета Геттингена (ФРГ) Бассам Тиби независимо друг от друга пришли к выводу: в исследовании современных международных процессов большое значение имеет понятие «цивилизация». Бывший посол Германии в Российской Федерации Эрнст-Йорг фон Штудниц писал в журнале «Общая тетрадь» (№ 1, 2012), ссылаясь на Хантингтона, что самые серьезные конфликты современности происходят на разделительной линии между западной цивилизацией и арабским, мусульманским миром. Нельзя не признать, что в повседневном взаимодействии различных цивилизаций проявляется их неравное положение, и проявляется болезненно. Одна из них, навязывая другой (или другим) свой образ жизни, как бы не позволяет более слабым жить по своим законам, в соответствии со своими традициями. На этой почве, как пишет Бассам Тиби, «происходит милитаризация конфликта мировоззрений». Однако Сэмюэль Хаттингтон, обнаруживший конфликт цивилизаций, увидел как бы только одну часть явления, гораздо более широкого.

С. Хантингтон выделяет такие цивилизации: африканская, буддистская, западная, индуистская, исламская, латиноамериканская, православная, синская (китайская), японская. Страны группируются вокруг ведущих или стержневых государств своих цивилизаций (таким образом устанавливается внутрицивилизационный порядок). В глобальной политике интересы своей цивилизации представляет ее ведущая (стержневая) страна. Мировой порядок, по его мнению, во многом определяется соглашениями между стержневыми государствами цивилизаций. Наиболее опасны для мировой стабильности локальные конфликты между группами или государствами из различных цивилизаций. Надо сказать, что его предостережения в свое время не были восприняты с должным вниманием.

Но мы наблюдаем и в мире, и в своей стране еще более сложные и многообразные идейные противостояния. Известный исследователь Востока и арабского мира А.А. Игнатенко отметил, что сегодня мы имеем дело не только с религиозными, но и внутрирелигиозными войнами. В арабском мире это столкновение между радикальными исламистами, в частности — движением Аль-Каида, и более умеренными мусульманами, например в Ливии. В России обнаружились множественные расслоения по линиям верующие — атеисты, западники — русофилы, либералы — антилибералы, государственники. Российское общество глубоко антиномично, на это обстоятельство обращали внимание многие русские мыслители и раньше, в частности Николай Бердяев («антиномичность проходит через все русское бытие»). Однако современное состояние, при всей условности определений самого понятия «мультикультурность», отличается от прошлого как некое новое качество. Оно образуется на основе небывало тесного соприкосновения и взаимодействия не просто разных взглядов, но именно различных культур, складывавшихся на основе многих национальных и конфессиональных традиций, а вместе с тем — идеологий, локальных субкультур и множества прочих пластов ментальности. Но если говорить об антиномичности, то на политическом уровне решающей представляется антиномия *демократия — авторитаризм*. Не будет преувеличением сказать, что вся российская политическая жизнь (и только ли политическая?) протекает в ее энер-

гетическом поле, а ее центр тяжести смещается то к одному, то к другому полюсу. И здесь мы подходим к констатации еще одного проявления глобального кризиса.

Кризис государственного устройства. Можно было бы подробнее остановиться на таком серьезном вопросе, как кризис демократических принципов и институтов, а также неплохо работавшей прежде, но ставящейся ныне под сомнение системы политических партий. Однако об этом сказано уже достаточно много, притом что позитивных решений, способных сменить то, что отрицается, как-то не просматривается, во всяком случае таких, которые были бы достаточно широко признаны и применялись на практике, показав свою состоятельность.

Мне кажется особенно важным, но недостаточно осмысленным и кризис многонациональных государств. Процесс глобализации явно способствовал, вопреки ожиданиям, расцвету национализма, а усилившиеся миграционные процессы не привели к ассимиляции мигрантов в обществах, которые их приняли. В европейских и других странах прочно обосновались китайские, турецкие, арабские и прочие сообщества, кризис политики мулитикультурализма признан ведущими лидерами ЕС. Даже в России, где издавна сосуществуют множество народностей, многие в той или иной мере обособились, сформировали этнические группы, особенно в крупных городах.

Все названные, а равно и не названные составляющие цивилизационного кризиса побуждают к их изучению, анализу и поиску не просто частных решений, способствующих разрешению отдельных противоречий, а изменению ни много ни мало образа жизни всего населения планеты, принципов его самоорганизации. Быть может, для начала — наиболее развитых стран, определяющих в основных чертах способ существования и пути развития человечества. Когда становится понятным ранее скрытое от людей, когда идет своеобразная очистка их сознания от стереотипов и ложных убеждений. Люди меняются, пелена сходит с глаз, мир предстает в истинном свете в результате сознательной деятельности человека?

Процесс глобализации явно способствовал, вопреки ожиданиям, расцвету национализма, а усилившиеся миграционные процессы не привели к ассимиляции мигрантов в обществах, которые их приняли. В европейских и других странах прочно обосновались китайские, турецкие, арабские и прочие сообщества, кризис политики мулитикультурализма признан ведущими лидерами ЕС

Трудно ответить на вопрос, возможно ли это, но я обратил бы внимание, во-первых, на то, что это становится своеобразным императивом, и важно, чтобы это было осознано человечеством. Во-вторых, есть признаки такого осознания. Среди них — создание по инициативе Ауреллио Печчеи Римского клуба, работа которого внесла значительный вклад в изучение перспектив развития биосферы и пропаганду идеи гармонизации отношений человека и природы. Среди них и Да-

восский форум, да и другие подобные форумы, силами объединенной мировой элиты анализирующие процессы современного развития и разрабатывающие рекомендации ради его коррекции.

Теоретически, в безупречно рациональном мире, хорошо было бы, считают Карло Жан и Паоло Савонна, авторы книги «Геоэкономика», изданной Московской школой (1997 г.), установить всемирное управление экономикой. Но это может быть лишь мечтой. В реальном мире «частные интересы, — по их словам, — господствуют над общими хотя бы потому, что последние существуют только в нашем воображении». Но частные интересы интернационализировались. Самые мощные корпорации — транснациональные. Именно они базируются там, где хотят, имея возможность ускользать из-под любого национального контроля. Следовательно, бороться с их своеволием, если оно становится нетерпимым для широкого круга людей, можно только на основе глобального согласования интересов. А вот это как раз менее всего удается человечеству — даже при осознании такой необходимости. Международные организации, начиная с ООН, действуют ныне крайне неэффективно, а великие державы успешно обходят запреты и препятствия, создаваемые коллективными действиями. Порой просто их игнорируют. И самые большие опасности для человечества — тоталитарное господство одной страны или организации в глобальном масштабе, диктатура, тирания, авторитаризм. Потому что они сковывают мысль, живую инициативу талантливых и деятельных личностей, вокруг которых вращаются общественная мысль и деятельность.

Думается, что внедрение в общественное сознание идей толерантности, терпимости к инакомыслию, поиска компромиссов, а вместе с тем создание такого рода международных организаций остается пока основным средством поиска решения глобальных проблем и преодоления угроз. Но мне кажется, что особо важную роль в этой сфере может сыграть и уже играет Интернет. Всемирная сеть уже доказала свою способность к организации дискуссий, к влиянию на сознание огромных масс населения — не всегда, увы, конструктивное.

Быть может, настало время силами общественных, а вместе с тем и правительственных организаций (одно не должно мешать другому) создавать некие центры, которые организовывали бы и оформляли глобальные дискуссии — и по отдельным проблемам, и по обсуждению реформирования парадигм общественной жизни. Постановка вопросов, стимулирование поиска нестандартных решений (может, даже материального, подобного Нобелевским премиям, которые сочетают в себе престиж и материальное вознаграждение), обобщение результатов дискуссий и вынесение их на рассмотрение организаций, институтов, экспертных сообществ, которые способны их профессионально осмыслить, оценить, наметить векторы реализации.

Так или иначе, становится все более очевидной недооценка правящими элитами креативного потенциала самых различных групп населения мира, ибо спасение человечества, как бы пафосно это ни звучало, — дело рук самого человечества. Спасение, а не пассивное ожидание мессии или инопланетян, что стало в последнее время особенно сильно муссироваться.

«Цветные революции» в постсоветском мире: причины и последствия

Михаил Минаков, президент Фонда качественной политики, доктор философских наук (Киев)

В первое десятилетие XXI века не только на постсоветском пространстве, но и в других странах источником страха для элит и надежды для простых граждан стали «цветные революции». При этом феномен «цветных революций», несмотря на свою недолгую историю, успел обрасти массой конспирологических легенд, досужих догадок и научных интерпретаций. А масштаб и сходство этих событий не могли не вызвать попыток найти их единые причины и рассматривать как общемировую тенденцию.

Слабеющая геополитическая однополярность сопровождалась парадоксальной ситуацией: с одной стороны, за последние двадцать пять лет постоянно росла поддержка демократии во всем мире, с другой — росло недовольство политикой и недоверие к государству. Количество свободных стран за последние сорок лет значительно выросло. По данным организации «Дом Свободы» (Freedom House), число стран со свободной и демократической политической системой в целом росло: с 42 стран (24%) в 1974 году до 90 стран (47%) в 2007-м и 89 стран (46%) в 2009-м. В то же время количество несвободных стран снизилось с 64 (41%) в 1974 году до 43 (22%) в 2007-м, но чуть выросло — до 47 стран (24%) в 2009-м*. О подобном процессе свидетельствует и всемирное исследование отношения к демократии. По данным «Всемирного исследования ценностей», почти во всех странах мира (за исключением Нигерии) огромное большинство населения (от 62% в России до 99% в Дании) поддерживает ценности демократии**.

** По данным ежегодных отчетов «Дома Свободы», www.freedomhouse.org*

*** The World Values Survey, http://www.worldvaluessurvey.org*

Однако парадоксальным выглядит то, что за последние 20 лет увеличилось количество людей, недовольных политическим развитием в своих странах — и в старых, и новых демократиях. Об этом свидетельствуют и снижение активности избирателей на выборах, и повсеместное уменьшение членства в партиях, рост нелояльности избирателей своим партиям, снижение уровня доверия политическим организациям, рост недоверия к гражданам среди политических элит. Эта тенденция получила определение «застой свободы», то есть стабилизация роста или даже некоторое уменьшение количества стран, которые считаются свободными. Мир одновременно переживает распространение демократической формы правления и недовольство демократией в ее нынешнем состоянии.

В этой амбивалентной ситуации устойчивость политических режимов во многих странах оказалась поколебленной, а ресурс доверия граждан к этим режимам уменьшился. Во многих случаях неустойчивость режимов приводила к массовым выступлениям против властей, к гражданскому неповиновению, смещению непопулярных правителей и приходу к власти иных политических сил. Причем процессы, сопровождавшие «цветные революции», характеризуются рядом сходных свойств:

— относительно мирный характер гражданских выступлений и лидирующая роль гражданских организаций;

— смена власти во время президентских или парламентских выборов, результаты которых объявлялись сфальсифицированными, что было толчком к активизации гражданского неповиновения и протестных акций;

— вовлеченность западных международных структур в финансирование гражданских организаций, активно участвовавших в антиправительственных выступлениях, и российских структур, поддерживавших непопулярные правительства на постсоветском пространстве.

Итак, волна «цветных революций» начала XXI века, несмотря на широкий спектр политических и иных особенностей в каждом случае, характеризовалась схожим набором признаков, относящихся к генезису и тактике реализации протестных действий.

Гроздья гнева

Причины революций

Когда дорога вся в цветах, уже не спрашивают, куда она ведет.
Анатоль Франс

Сам термин «цветная революция» возник из журналистской лексики 2003–2004 годов. Уже в 2005 году это понятие стали активно употреблять как политики, так и политологи. Например, Аскар Акаев

использовал этот термин для обозначения происходивших антиправительственных событий в Кыргизстане в начале 2005 года. Чуть позже, в июле 2005 года, вышла в свет статья политолога Майкла Макфола «Переход из посткоммунизма», где словосочетание «цветные революции» используется как вполне понятный политологический термин, обобщающий процессы в Сербии, Грузии и Украине в единый региональный тренд. Некоторое время этот термин был связан с другим термином, а именно «электоральные революции», введенным в оборот Владимиром Тисманяну*, Валери Бунс и Шерон Волчик**, чтобы указать на главную причину революций: несправедливость избирательных процессов в постсоциалистических странах. Однако большинство исследователей предпочли использовать термин «цветные революции», как более полно учитывающий комплекс причин и общность условий протекания гражданских волнений в трех странах. Неполнота термина «электоральная революция» была очевидна: он подразумевал лишь одну из причин протестов. Долгое время, примерно до 2008 года, эта стратегия доминировала в политической науке. В то же время последствия революций изучались и сравнивались в меньшей мере.

Внимание к общим причинам «цветных революций» артикулировало несколько типических условий, при которых они происходили. Майкл Макфол рассматривал «цветные революции» как продолжение демократических революций конца 80-х годов. По его мнению, в 1989 году Запад сумел консолидировать демократии в Центральной и части Юго-Восточной Европы, но его влияние на элиты в постсоветской Европе и Сербии было незначительным, что привело к нарушению баланса интересов в обществе и к гражданским восстаниям***.

Тема внешнего влияния как одной из причин «цветных революций» оказалась той точкой, которая поделила политических экспертов на два лагеря — «оптимистов» и «пессимистов». К оптимистам следует отнести большинство западных, грузинских и украинских политологов, а также небольшую часть российских и китайских ученых, считавших внешнее влияние малозначимым и указывавшим на внутренние причины как на ведущие. «Оптимисты» видели причину революций в желании граждан установить более демократичные и справедливые формы правления, предоставляя высокий кредит доверия политическим культурам Грузии, Украины и Кыргызстана. «Пессимисты» же доминировали среди российских и части западных, азиатских и украинских политологов. Для них вмешательство извне во внутренние дела молодых стран Восточной Европы и Средней Азии было основ-

---

** См.: Tismaenanu, V. (1997) Electoral Revolutions, Society, 35 (1): 61–65.*

*** Bunce, V. and Wolchik, S. (2006) Favorable Conditions and Electoral Revolutions, in: Journal of Democracy, 17 (4): 5–18; Bunce, V. and Wolchik, S. (2007) Transnational Networks, Diffusion Dynamics, and Electoral Revolutions in the Postcommunist World, Physica A, 378 (1): 92–99.*

**** McFaul, Michael (2005) Transitions from Postcommunism, in: Journal of Democracy .Vol. 16, № 3, p. 5–19.*

Эрнесто Микагеллес. Освобождение от земли. 1931

ной движущей силой революций, а роль граждан, гражданского общества и всего комплекса внутренних причин сводилась к управляемым извне процессам.

Мнение оптимистов разделяли как ученые, так и политики и СМИ Запада. Квинтэссенцию оптимистического подхода, по моему мнению, выразил Томас Карозерс в статье «Удар по продвижению демократии». По мнению американского политолога, «цветные революции» являются кульминацией длительных процессов в странах, чьи политические режимы сложились в процессе переходного периода. В этих странах «лидеры предоставляли столько политических свобод, сколько было достаточно для получения некоторого доверия публики и легитимности. Обычно это означало проведение регулярных выборов и позволение на создание нескольких оппозиционных партий, терпимость в отношении нескольких независимых гражданских групп и одного-двух независимых СМИ. При этом режимы удерживали достаточно сильный контроль над рычагами власти, чтобы быть уверенными в том, что их правлению ничего не угрожает»*.

По сути, эти режимы закладывали системное противоречие, которое подрывало их средне- и долгосрочную стабильность. При поддержке, в основном, американских продемократических организаций (среди которых Национальный демократический институт (NDI), Международный республиканский институт (IRI), Международный фонд избирательных систем (IFES), Институт «Открытое общество» — сеть фондов Дж. Сороса и «Дом Свободы») гражданские организации нарастили способность требовать прозрачных выборов и соблюдения основных гражданских прав, защищать интересы маловлиятельных групп (например, студентов), чей интерес не принимался во внимание правящей элитой. Кроме того, упомянутые организации помогли политическим партиям, прежде всего оппозиционным, стать более эффективными игроками в избирательных кампаниях, особенно когда авторитарные лидеры прибегали к электоральным уловкам для продления своего правления. Фактически «цветные революции» были результатом противоречий полуавторитарных политических режимов, неспособных к воспроизводству в условиях усилившейся электоральной транспарентности, гражданского активизма и политической конкуренции**.

Следует особо подчеркнуть оптимистическую интерпретацию гражданского общества как локомотива революций. Чувство попранной гражданской гордости было их основной движущей силой. Так, китайский исследователь По Файк Тьен добавил к числу внутренних причин «цветных революций» их «неидеологичность». По его словам, [цветная] «революция не должна быть идеологичной; она должна быть направлена на усиление национальной интеграции, свободы, демократии и эконо-

---

** Carothers, Thomas (2006) The Backlash against Democracy Promotion, in: Foreign Affairs, Vol. 85, No. 2 (Mar. — Apr., 2006), p. 59–60.*

*** Ibid., p. 60–61.*

мического развития»*. Это суждение справедливо, если говорить о конкретных политических идеологиях. Гражданские движения в революционных странах объединяли сторонников национализма, социализма и либерализма в деле создания общих равных условий для политической конкуренции. С ним согласна и Сабина Фишер, рассматривающая неполитичность других идейных основ гражданских движений: этнических, политических, социальных идентичностей**. Она, а также Зен Сянхон и Янь Шу***, указывают на изменения «политической» экологии постсоветских стран, где социальные изменения, фрагментация населения по множеству новых коллективных идентичностей вступила в прямое противоречие с негибкой, неэффективной и закрытой политической системой. Фактически «цветные революции» произошли в странах, где политический класс не сумел найти общий язык с обществом. Названные исследователи указали на особый статус, я назвал бы его учредительным, гражданских движений, приведших к «цветным революциям». Пафос этих движений состоял в переучреждении государств, переподписании социального договора о создании своей республики.

Позиция западных оптимистов, выраженная в работах политологов и социологов 2005–2010 годов, была проанализирована и суммирована во вступительной статье Донаха О'Бикейн и Абель Полезе к книге «Цветные революции в бывших советских республиках» (The Colour Revolutions in the Former Soviet Republics). В частности, они указали на те предпосылки «цветных революций», которые рассматривались исследователями данного направления как ключевые. Общими условиями, приведшими к революциям в постсоветских республиках назывались при этом:

— косметическая демократизация, сочетавшая многопартийность и относительную свободность выборов с недемократическими по сути формами правления;

— попытка реализовать демократические проекты в недемократических политических культурах;

— стратегия Запада вести диалог и с правительствами, и с гражданскими организациями, что усиливало последних при отсутствии понимания их силы политическими элитами;

— нелегитимные формы реакции властей на публичное сопротивление граждан, требующих выполнения законных прав и свобод****.

Кроме того, анализ текстов, посвященных нашей теме, свидетельствует, что большинство политологов склонны выделять несколько факто-

---

** Poh Phaik Thien (2009) Explaining the Color Revolutions, in: International Relations, e-document, checked 14.07.2011: [http://www.e-ir.info/?p=1973]*

*** Fischer, Sabine (2008) Crises and conflicts in post-socialist societies: the role of ethnic, political and social identities. — Stuttgart, Ibidem-Verl.*

**** Zeng Xianghong, Yang Shu (2006) «Color Revolution» under the Vision of Social Movement Theory, in: Russian, Central Asian & East European Studies, № 2, 6–9.*

***** Donnacha O'Beachain, Abel Polese (2010) Introduction, in: O'Beachain, D. and Polese, A. (eds.) The Colour Revolutions in the Former Soviet Republics: Successes and Failures. — London and New York, Routledge, 4.*

ров, вызывающих «цветную революцию». Во-первых, таким фактором являются декларируемые принципы и намерения властных элит и реальность их действий. Этот фактор определяется ответами на несколько вопросов. Насколько стабильность власти зависит от внешней экономической помощи Запада? Насколько сильны экономические интересы элит в отношении Запада, хранят ли политические лидеры свой капитал за границей? Позволяют ли власти существовать гражданским организациям? Насколько привержены элиты демократическим принципам?

Вторым фактором называют состояние оппозиции в постсоветской стране. Главные аспекты этого состояния — эффективность конкурентной стратегии оппозиции, наличие сильного лидера, способного объединить оппозиционные группы, и наличие экономической базы для действий оппозиции.

Третий фактор связан с глубиной влияния Запада на политическую и социальную ситуацию в стране. Ее легко определить, соотнося влияние официальных дипломатических каналов на власть и уровень взаимодействия и грантовой поддержки международных правозащитных и мониторинговых организаций гражданским сектором в стране. Наконец, четвертым, ключевым фактором является признание нелегитимности политического режима большинством населения и его готовность к активным выступлениям. Тут важно то, насколько велики поддержка и недовольство правительством, уровень уважения к лидерам политической оппозиции и наличие сильных влиятельных и уважаемых лидеров гражданского общества*.

Массовые проявления гражданского недовольства, по мнению «оптимистов», кроме политической составляющей имели еще и четкое эстетическое проявление. Цветы и цвета были выбраны в Грузии и Украине как символы солидарности. Из тактики электоральных кампаний эта символизация стала политтехнологической модой по всему региону, вызывая оптимистические ожидания того, что в каждой электоральной кампании есть зародыш надежды на коренные изменения режима.

«Оптимистические» интерпретации причин «цветных революций» в своем большинстве основаны на неолиберальных ценностях, влиявших на исходные позиции и выводы исследователей.

«Пессимистический» взгляд на причины революций основан на скепсисе относительно того, отстаивали ли граждане свою позицию в этих событиях. Взгляд этих исследователей обращен на глобальные геополитические процессы и манипулятивные практики ведущих мировых центров.

Научные работы, рассматривающие «цветные революции» как результат внешнего вмешательства, являются заметными исследованиями, взвешенно, сбалансированно, а иногда и убедительно обосновывают тот взгляд, что гражданские выступления в первую очередь были свя-

---

** Donnacha O'Beachain, Abel Polese (2010) Introduction, 7–9.*

заны с деятельностью внешних игроков — США, объединенной Европы и России.

Одно из наиболее взвешенных резюме взглядов исследователей этого направления, по нашему мнению, представлено в статье «Бесцветная эволюция» Федора Лукьянова, влиятельного российского интеллектуала и главного редактора журнала «Россия в глобальной политике». По его мнению, причины «цветных революций», связаны с тем, что 1) режимы, установившиеся после распада СССР, уже не могли содействовать «ни развитию, ни позитивному общественному настрою», а лидеры Грузии, Украины и Кыргизстана упустили момент, когда могли бы безболезненно уйти; 2) в начале XXI века возникло «державное соперничество» новых государств и России, восстанавливающей свое присутствие на постсоветском пространстве. И, наконец, еще одной причиной революций было 3) влияние США на внутренние дела постсоветских стран посредством «внедрения» демократических выборов*.

Важнейший аспект подхода такого рода — признание приоритета внешних причин революций и пессимистический взгляд на возможность честных и справедливых выборов в постсоветских странах. Вместо выявления воли граждан для постановки задач своим лидерам и государству, население постсоветских стран для реализации своих прав апеллирует к внешним инстанциям. «Обязательным элементом успеха “цветной революции” являлось наличие внешнего арбитра, апеллирование к которому отменяло легитимность внутренних процедур — ОБСЕ, Совет Европы, Европейский союз, в конце концов, “демократические ценности” вообще»**, — писал Ф. Лукьянов. Интересы внешних игроков были основной движущей силой в «цветных революциях».

Для «пессимистических» интерпретаций особо характерно рассматривать гражданские организации в качестве инструмента внешних игроков. Система международных грантодающих организаций рассматривается как канал предоставления ресурсов для антиправительственных групп, возглавивших революции и замышлявших сбросить законные правительства во время выборов. По выражению китайских исследователей Пан Рулоня и Дай Женьциня, «международные НПО, под эгидой США, манипулировали обществом и провоцировали “цветные революции” из-за кулис»***. По сути, исследователи-«пессимисты» как Запада, так и Востока, пессимистически оценивают субъектность народов в процессах Грузии, Украины и Кыргызстана и указывают на решающую роль международных и иностранных агентов в провоцировании беспорядков.

Особую позицию среди «пессимистов» заняли те политологи, которые, как Петра Стыков, считают, что «цветные революции» были

** Лукьянов Федор (2010) Бесцветная эволюция, в: Dialogues.ua, проверено 14.07.2011: [http://dialogs.org.ua/ua/issue_full.php?m_id=18155]*

*** Там же.*

**** Pan Ru-long, Dai Zheng-qin (2005) Colour Revolutions and International Non-Governmental Organizations, in: Journal of University of Electronics (Social Sciences Edition), № 4, 9–13.*

всего лишь проявлением нестабильности политических режимов, которые попросту «перезагрузили» свой полуавторитаризм при помощи смены элит*. Подобные идеи — в вопросительной тональности — были озвучены еще в 2005 году Грэмом Хердом, который рассматривал революции как конфликт элит (глобальных и национальных), пытающихся сделать свои режимы стабильными**.

Так или иначе, авторы «пессимистических» интерпретаций причин «цветных революций» критично оценивали гражданское общество как субъект процессов, сосредоточившись на роли внешних международных агентов.

Со своей стороны, я выступаю в поддержку сбалансированно «оптимистического» истолкования причин «цветных революций». Считаю, что общие причины возникновения революций в Грузии, Украине и Кыргызстане состояли в двух внутренних противоречиях:

— между неоправдавшимися смутными ожиданиями граждан бо́льших политических свобод и социально-экономического комфорта, с одной стороны, и растущим олигархическим контролем над доступом к властному и экономическому ресурсам — с другой;

— противоречием между уверенностью малоэффективных закрытых элит в исключительности своего права на власть и растущей силой гражданского общества, все эффективнее отстаивающего интересы «среднего класса».

Все три революции произошли в постсоветском пространстве, где перестроечные ожидания не оправдались, а форма правления все более институализировалась как олигархия. Если в России эти противоречия пока удается нейтрализовать в рамках авторитарного режима, то в странах с меньшим влиянием естественных монополий и большим влиянием среднего бизнеса сохранился политический плюрализм, что требовало от групп, контролирующих центры власти, большей открытости и подотчетности. В публичной сфере Грузии, Украины и Кыргызстана все значимее становились гражданские организации, опиравшиеся как на местные ресурсы, так и на ресурсы западных фондов. Местные ресурсы были представлены общественным мнением, низко оценивавшим лидеров, и финансовым и общественным влиянием среднего и малого бизнеса, страдающего от политики в интересах олигархического крупного капитала. Внешние ресурсы были представлены не столько пресловутыми грантами***, сколько удачными формами отстаивания гражданских интересов в конфликтах с закрытыми властными элитами. Важно понимать, что «цветные революции» неизменно происходят в

** Petra Stykow (2010) „Bunte Revolutionen" — Durchbruch zur Demokratie oder Modus der autoritdren Systemreproduktion? In: Politische Vierteljahresschrift, № 51:1, 137–162.*

*** Herd, Graeme P. (2005) Colorful Revolutions and the CIS: «Manufactured» versus «Managed» Democracy? in: Problems of Post-Communism, Vol. 52, № 2, 3–18.*

**** Анализ годовых отчетов крупнейших западных грантодателей показывает, что выделенные для гражданских организаций средства были на несколько порядков меньше, чем средства для олигархических правительств. Западная помощь в гораздо большей степени играла на руку властным элитам. Однако эффективность использования этих средств в гражданском и государственном секторе разительно отличалась.*

Джакомо Балла. Пессимизм и оптимизм. 1923

связи с электоральными процессами. Поскольку элиты относятся к выборам как к технике удержания власти, а граждане — как к главному способу их давления на власть, возникает конфликт интересов, который в определенных условиях ведет к неповиновению, мирному сопротивлению или революции. Электоральный контекст событий приводит к тому, что политические оппоненты работают в том же поле, что и гражданские организации. Именно это смешение не позволяет политическим группам действовать их обычным путем, по логике только политической конкуренции. В «цветных революциях» политические и гражданские организации выступают вместе против делегитимизирующегося режима через «негативную кампанию» по дискредитации власти и «позитивную кампанию» в поддержку определенной политической силы или лидера.

Таким образом, все факторы, способствовавшие революциям, можно систематизировать в следующей схеме:

1. Социальное напряжение, вызванное разрывом между правовым оформлением «фасадной демократии» постсоветских режимов и реальным бесправием граждан, то есть:

— сведение демократии к избранию президента и депутатов при злоупотреблениях во время выборов и подсчета голосов;

— улучшение экономического состояния части городского населения, не сопровождающееся ростом возможности реализовать законодательные права и свободы;

— создание препятствий для самореализации активных граждан в политической, социальной и экономической сферах;

— категорическое непризнание существующего порядка приемлемым, протест против существующего «общественного договора», предоставившего контроль над всеми ресурсами страны узкой группе лиц.

2. Неэффективность власти в реализации государственного управления, способного решать базовые проблемы населения, и в регулировании отношений между группами властных элит, то есть:

— эгоизм отдельных групп элит и их неспособность к классовой консолидации;

— неспособность политических элит к принятию компетентных решений относительно растущих проблем населения и долгосрочного развития своих государств;

— неспособность элит вести конкуренцию по правилам «публичной политики»;

— закрытость элит, бездействие социальных лифтов, вызывающее раздражение граждан;

— коррупция, систематическое нарушение принципа разделения на публичную и приватную сферу.

3. Несовпадение интересов стран Запада и России в отношении развития постсоветских стран, то есть:

— конфликт из-за интеграционных проектов, поддерживаемых разными группами среди лидеров политических, экономических и гражданских сообществ;

— предоставление ресурсов для поддержки разных конкурирующих политических и гражданских групп.
4. Растущее недовольство среди активных граждан перспективами развития страны, то есть:
— дезориентация граждан в отношении перспектив развития страны; ощущение, что ситуация развивается в неверном направлении;
— длительная фрустрация граждан, приводящая к устойчивому недоверию к власти в отношении способности вести развитие в верном направлении; распространенная надежда на улучшение состояния страны после смены власти.

Посеяв ветер, пожнешь ли бурю?

Последствия революций

Нет ни одного поступка, который не нес бы в себе возможность бедствий для себя или для других. Неведение этого есть необходимое условие жизни.

Лев Толстой

Разговор о причинах революций объясняет их природу, но многое остается в тени. Вместе с тем важно понять не только общие причины «цветных революций», но и их общие последствия для политических режимов, экономик и обществ Грузии, Украины и Кыргызстана. По моему убеждению, для полноценного исследования событий 2003–2006 годов необходимо соотнести причины и последствия революций.
В последние годы политизированность в изучении «цветных революций» снизилась. Объясняется это тем, что все больше внимания исследователи стали уделять не столько причинам, сколько последствиям революций.
Одним из первых политиков, заговоривших о результатах революций, был экс-премьер-министр Эстонии Март Лаар. В 2007 году он уверенно говорил о благотворном влиянии «цветных революций» как на страны, в которых они произошли (например, Грузия), так и на соседние страны, в которых такие события привели к ускорению реформ (например, Молдова). При этом политик ожидал, что революции приведут к мирному решению «территориальных проблем» упомянутых стран*.
В том же году Теодор Роуз ввел в академический дискурс идею сравнения причин и последствий революций в постсоветских странах. В своей статье «Роза, апельсин и тюльпан: провалившиеся постсоветские революции» он выступил с идеей, что во всех трех постреволюцион-

---

** Laar, Mart (2007) Escape from Moscow, in: Project Syndicate http://www.project-syndicate.org/commentary/laar2/English*

ных постсоветских странах поставленные лидерами и активистами задачи революций не были выполнены*.

Но чем дальше в прошлое уходили революционные события и чем больше проблем возникало в новых постреволюционных режимах, тем пессимистичнее становились оценки. В январе 2008 года журнал «Economist» опубликовал одну из первых резонансных отрезвляющих статей под красноречивым названием «Цветные революции в бывшем Советском Союзе. Несколько потускневшие, но все еще яркие»**. По признанию редакции, «цветные революции» имели «сомнительные последствия» (confusing consequences), но у их сторонников появился новый шанс выполнить волю своих народов (речь идет о переизбрании М. Саакашвили на пост президента Грузии и об избрании Ю. Тимошенко премьер-министром Украины). Хотя революции пока не привели к позитивным результатам, говорилось в статье, постреволюционные страны «стали лучше, чем они могли бы быть, если бы революции не произошли»***.

Эта статья предварила ряд исследований на Западе и в России среднесрочной перспективы «цветных революций». Часть результатов таких исследований представлена в уже упомянутом сборнике «Цветные революции в бывшем Советском Союзе» (O'Beachain, D. and Polese, A. (eds.) The Colour Revolutions in the Former Soviet Republics) с кратким изложением критических оценок по всем постсоветским странам. С предварительными итогами развития постреволюционных стран выступили и несколько российских исследователей. Один из них Андрей Рябов, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения». В своей статье «Промежуточные итоги и некоторые особенности постсоветских трансформаций» он писал, что вместе с экономическим ростом в начале XXI века экономическая стабильность большинства населения привела к повышению требований как экономического, так и политического характера.

Встал вопрос о направлении социально-экономического развития стран, на который властные элиты не были готовы дать внятный ответ, как, собственно говоря, они не были готовы делиться властью и доходами с большинством населения. Поскольку социальные лифты не действовали, элиты не имели надежного способа коммуникации с согражданами. В результате возник «массовый запрос на бо́льшую социальную справедливость»****. Там, где был этот запрос, где гражданское общество было достаточно сильным и где власть не реагировала конструктивно на социальные запросы, произошли «цветные революции». Однако

** Theodor Tudoroiu (2007) Rose, Orange, and Tulip: The failed post-Soviet revolutions, in: Communist and Post-Communist Studies, № 40:3, 315-342.*

*** Colour revolutions in the former Soviet Union. A bit faded but still bright enough, in: Economist http://www.economist.com/node/10498474?story_id=10498474*

**** Ibid.: «better places than they would have been if their revolutions had not happened».*

***** Рябов Андрей (2010) Промежуточные итоги и некоторые особенности постсоветских прансформаций, в: Dialogues.ua, проверено 13.07.2011: [http://dialogs.org.ua/ua/issue_full.php?m_id=19457*

ни в одной из стран, переживших «цветную революцию», по его словам, «так и не удалось добиться принципиально иных моделей развития».

Выводы Андрея Рябова, к сожалению, справедливы. Участники революций в Грузии, Украине и в Кыргызстане были воодушевлены надеждами:

- обеспечить надлежащее соблюдение базовых гражданских свобод, минимальный постсоветский набор которых включал честные выборы, доступность суда и ограничение коррупции в публичном секторе (в идеале заставить фасадную демократию проявлять уважение к гражданам, перезаключив «общественный договор»);
- привести к власти лидеров, способных обеспечить и развитие страны в «верном направлении» (что бы это ни значило для разных групп), и восстановить связь элит и общества;
- сделать государство более эффективным в решении проблем населения (в идеале перевести государство из состояния «государство как проблема» в состояние «государство как решение проблем»).

Чтобы понять, привели ли постреволюционные события к исполнению надежд граждан, стоит сравнить показатели политического и социально-экономического развития осуществивших революцию стран и России, Таджикистана и Армении. Выбор России связан прежде всего с ее антиреволюционной позицией на постсоветском пространстве. Кроме того, сравнение Украины и России показательно в связи с соперничеством двух политических режимов в 2005–2008 гг. (активным в начале и исчезающим к концу 2008 года). Правительство Таджикистана также заняло контрреволюционную позицию.

Начать стоит с рассмотрения того, удалось ли сделать революционные страны более свободными.

Таблица 1

РЕЙТИНГ «СВОБОДА В МИРЕ»

	2003 г.		*2006 г.*		*2009 г.*		*2012 г.*	
	*ГС**	*ПП***	*ГС**	*ПП***	*ГС**	*ПП***	*ГС**	*ПП***
Украина	4	4	2	3	2	3	3	4
Россия	5	5	5	6	5	6	5	6
Грузия	4	4	3	3	4	4	3	4
Армения	4	4	4	5	4	6	4	6
Кыргызстан	5	6	4	5	4	5	5	5
Таджикистан	-	-	-	-	-	-	-	-

Источник: Freedom in the World (http://www.freedomhouse.org/report/freedom-world/); * ГС – гражданские свободы; ** ПП – политические права. Оценки: чем выше балл (максимум 7), тем хуже состояние свобод.

Данные организации Freedom House в этой таблице показывают, что, хотя после революций был недолгий период демократизации режи-

мов, в четырех-пятилетней перспективе общая восточноевропейская тенденция к установлению авторитаризма привела все страны практически к схожему состоянию. Исключение составляет Кыргызстан, где демократизация была не столь интенсивной, как в Украине и Грузии.
Особо следует отметить, что в контрреволюционных странах усилилась тенденция установления контроля за гражданскими организациями, сокращения возможностей для их финансирования, пространства публичной политики и политической конкуренции. Опасаясь революций, власти России, Армении и Таджикистана вместо создания условий для разрешения базовых причин революций поступили наоборот: дистанция между обществом и правящим классом стала больше, меньше стало возможностей для сотрудничества государства, политического сообщества и гражданского общества. Таким образом, революции в Грузии, Украине и Кыргызстане способствовали усилению авторитаризма у соседей.
Усиление авторитаризма в России привело к тому, что практики «фасадной демократии» постреволюционных стран постепенно получили прививку авторитаризма. Так, уже к концу 2010 года Украина выстроила «властную вертикаль» от центра до сельсовета по российскому варианту.
Пессимистическую оценку среднесрочных результатов «цветных революций» подтверждают данные о состоянии свободы слова в постсоветском мире.

Таблица 2

СВОБОДА ПРЕССЫ

	2003 г.		*2006 г.*		*2009 г.*		*2011/12 г.*	
	*Индекс**	*Место*	*Индекс**	*Место*	*Индекс**	*Место*	*Индекс**	*Место*
Украина	40.00	132	26.50	105	22.00	89	54.00	116
Россия	49.50	148	52.50	147	60.88	153	66.00	142
Грузия	17.33	73	21.00	89	18.83	81	38.00	104
Армения	25.17	90	25.50	101	31.13	111	27.00	77
Кыргызстан	32.00	104	34.00	123	40.00	125	40.00	108
Таджикистан	34.50	113	30.00	117	32.00	113	56.00	122

Источник: Press Freedom Index (http://en.rsf.org/press-freedom-index-2011-2012,1043.html) *Чем выше индекс, тем меньше степень свободы прессы. Здесь и далее: индекс — абсолютная величина оценки состояния дел в каждом из исследований, место указывает на положение дел относительно других стран, где проводилось исследование.

Международная организация «Репортеры без границ» ежегодно проводит оценку состояния свободы слова в большинстве стран мира и составляет рейтинг свободы прессы. Эта оценка показывает, что, за

исключением Украины, в перечисленных странах ситуация со свободой слова в среднесрочной перспективе не слишком изменилась. СМИ по-прежнему находятся под контролем властей. В Украине ситуация пока не достигла предреволюционного уровня несвободы СМИ, но уверенно движется в этом направлении.

Таким образом, несмотря на кратковременную демократизацию режимов после революций, общая тенденция в постсоветских странах меняется слабо. Сохраняется концентрация власти в руках небольшой группы людей при отсутствии контроля за их действиями; смычка разных ветвей власти; сведение пространства публичной политики к минимуму.

Как уже указывалось при рассмотрении факторов, способствовавших «цветным революциям», надежда на преодоление коррупции была одной из важнейших причин выхода граждан на улицы. Несмотря на это, революционные правительства — за редким исключением — не смогли изменить коррупционные практики. Коррупция в публичном секторе по-прежнему остается весьма значимой характеристикой постсоветских режимов.

Таблица 3

ИНДЕКС ВОСПРИЯТИЯ КОРРУПЦИИ

	2003 г.		*2006 г.*		*2009 г.*		*2011/12 г.*	
	*Индекс**	*Место*	*Индекс**	*Место*	*Индекс**	*Место*	*Индекс**	*Место*
Украина	2.3	106	2.8	99	2.2	146	2.3	152
Россия	2.7	86	2.5	121	2.2	146	2.4	143
Грузия	1.8	124	2.8	99	4.1	66	4.1	64
Армения	3.0	78	2.9	93	2.7	120	2.6	129
Кыргызстан	2.1	118	2.2	142	1.9	162	2.1	164
Таджикистан	1.8	124	2.2	142	2.0	158	2.3	152

Источник:
Corruption Perceptions Index (http://cpi.transparency.org/)

Систематическое использование публичных инструментов для достижения личных целей является одним из базовых механизмов функционирования постсоветских политических режимов. Это ведет к ряду особенностей этих режимов:

— принципиальная невозможность создать высокий уровень доверия в обществе;

— государственные решения принимаются, исходя из интересов лидеров или узкого круга лиц, связанного с властями, из кратких сроков достижения цели, что ведет к неспособности правительства управлять длительными процессами развития страны;

— низкая эффективность режимов по предотвращению революций.

Особым случаем в деле борьбы с коррупцией является Грузия. Пример Грузии говорит о том, что вестернизация может быть использована для усиления влияния власти одной группировки. «Революция роз» позволила М. Саакашвили создать режим, при котором системная коррупция была заменена управляемой коррупцией. Это позволило создать авторитарный режим нового поколения, где некоррумпированная полиция является эффективным инструментом в руках правителя. Ограниченная коррупция позволила отчасти снять социальное напряжение в стране с огромным бедным населением, предоставив доступ к относительно справедливому суду и качественным административным услугам на низовом уровне.

Приведенные выше данные показывают, что, пережив революционные потрясения, элиты смогли упрочить свое влияние и несколько укрепить дееспособность своих государства.

Таблица 4

РЕЙТИНГ ДЕЕСПОСОБНОСТИ ГОСУДАРСТВ

	2006 г.		*2009 г.*		*2012 г.*	
	Индекс	*Место*	*Индекс*	*Место*	*Индекс*	*Место*
Украина	72.9	86	69.7	110	67.2	113
Россия	87.1	43	80.8	71	77.1	83
Грузия	82.2	60	91.8	33	84.8	51
Армения	71.5	89	74.3	101	72.2	102
Кыргызстан	90.3	28	89.1	42	87.4	41
Таджикистан	87.7	42	90.3	37	85.7	46

Источник:
Failed states index (http://www.foreignpolicy.com/failed_states_index_2012_interactive)

Дееспособность государств измеряет Фонд за мир (Fund for Peace) по двенадцати индикаторам, касающимся социального, экономического, политического и военного состояния страны. Показатели этого ежегодного исследования указывают на способность пяти ключевых государственных институтов поддерживать единство и порядок в стране. Страны с наибольшим риском для их существования располагаются ближе к началу списка.

Данные таблицы показывают, что, хотя постсоветские страны не являются образцами государственной дееспособности, они постепенно удаляются от зоны риска распада. Революции, на мой взгляд, послужили уроком элитам как революционных, так и контрреволюционных стран. Как я упоминал выше, уроки эти восприняты весьма специфично, но в среднесрочной перспективе дееспособность государств возросла.

Что касается Грузии, то правление Саакашвили, несмотря на частичную вестернизацию, нуждается в постоянной мобилизации населения для легитимации режима. Война 2008 года позволила ему сохранить и даже увеличила его легитимность. При этом грузино-российская война оказалась высшей точкой напряжения между революционными и контрреволюционными постсоветскими странами. Этот конфликт сделал элиты других постсоветских стран более уступчивыми в коммуникации с российскими партнерами. Как ни цинично это звучит, последняя кавказская война сослужила добрую службу и грузинской революционной, и российской властной группировке.

Итак, ожидания участников и граждан, поддерживавших «цветные революции», оказались неоправданными. Политические режимы, возникшие на руинах прежних, не создали условий для надлежащего соблюдения базовых гражданских свобод. Уровень коррупции в публичном секторе менялся лишь в отдельных случаях. В среднесрочной перспективе после революций «фасадные демократии» пришли к установлению авторитарных форм правления несколько позже, чем контрреволюционные режимы. Пришедшие к власти в результате «цветных революций» лидеры в короткий срок приняли условия игры «фасадной демократии», не заложили основ для развития демократических институтов и воспроизвели модель, при которой государственные решения принимаются в интересах узкого круга финансово-политических групп. Постреволюционное государственное строительство привело к созданию несколько более дееспособных государств, насколько это возможно в условиях авторитаризма. Однако ключевая задача перевода государств на путь «решения проблем» граждан не была выполнена.

Постсоветский «общественный договор» не был переподписан ни в Грузии, ни в Украине, ни в Кыргызстане. Были ли в постсоветских странах революции или нет, в них по-прежнему не учитываются ни публичные, ни приватные интересы большинства граждан, ни интересы меньшинств. Социально-экономическая модель развития, предопределенная выбором способа приватизации в 1990-х и необходимостью использовать государственный аппарат для защиты такой малолегитимной собственности, противоречит интересам подавляющего большинства населения постсоветских стран. Поскольку реакцией на революции во всем регионе стало усиление авторитаризма, участие граждан в политике и экономике стало еще более сложным. Несправедливость постсоветских обществ остается стабильно высокой. Жизненный дискомфорт в постсоветских странах усиливается с каждым годом, что отражается и в эмигрантских настроениях населения, и в росте социального напряжения, и в негативных демографических показателях. Мирные «цветные революции» не смогли кардинально изменить ситуацию.

Каким бы пессимистичным ни был мой вывод, у «цветных революций» остается одно оправдание. Понимая, что своими выступлениями

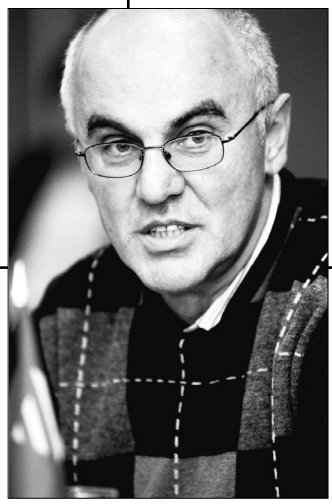
«революционеры» не меняют макроситуацию, они находятся в ситуации, когда кроме революции нет иного способа отстоять заявленные цели. Откровенное вранье о результатах выборов циковского чиновника — при отсутствии возможности опротестовать его в справедливом суде — не может не привести рано или поздно к гражданскому неповиновению.

Узурпация власти в республике с необходимостью приведет к ее переосновании, к пересмотру «общественного договора». Это вопрос времени. Постсоветские общественные договоры, заключенные по результатам приватизации, заключались в обмен на «право» воровать. И олигархи, и граждане получали возможность для «серых» действий. Одни могли забрать в собственность нефтевышку, другие не платить за лицензированное кино. Каждый на своем уровне получал доступ к ресурсам таким образом, что восприятие свободы приобрело негативное содержание вседозволенности. В условиях этого договора гражданственность была излишней и невозможной; ее требование институализированной свободы и верховенства права — революционно и антисистемно.

«Цветные революции» были иррациональным действием, пусть и оказавшимся неуспешным, но психологически необходимым: унизительная ложь власти не может долго оставаться без ответа. Да, революции — варварский ответ на существующие проблемы. Но этот ответ равен варварству существующих режимов, адекватен им. Инфантильная радость от «праздника непослушания» не могла привести к долговременным последствиям. Но гражданский инстинкт к достижению позитивной свободы так же важен для опыта молодых постсоветских гражданских обществ, как и рациональные стратегии развития и политического действия.

Есть еще один важный урок «цветных революций». Реакция провластных политических элит на мирные гражданские выступления в среднесрочной перспективе усилила несвободу в постсоветских странах. Их солидарность должна стать примером для гражданских обществ наших стран: у нас общие проблемы и они нуждаются в общем ответе. Требования гражданских и политических свобод должны быть поддержаны ростом горизонтальных связей между гражданскими организациями постсоветского пространства.

«Цветные революции» не остановили демодернизационное сползание стран, возникших на руинах СССР и надеждах на новый свободный мир. Эти революции не дали качественно нового ответа на политическую и социально-экономическую ситуацию в постсоветском мире. Это значит: задача по-прежнему существует и требует решения. И это решение должно учитывать нерадужный опыт «цветных революций».



Сергей Васильев,
член правления,
заместитель председателя
Внешэкономбанка

О социальной структуре общества и политическом развитии страны

Как известно, в декабрьских событиях прошлого года участвовал сравнительно небольшой, узкий слой людей. В Москве было до 100 тысяч активных участников. В Петербурге гораздо меньше, может быть, 20 тысяч. Вопрос: почему это так напрягло власти?

Второй вопрос — выступление рабочего из Нижнего Тагила. И общий тезис, что есть бездельники в Москве, которые жируют, а есть народ, который производит материальные ценности. А Болотная площадь вообще не имеет права говорить от имени народа.

Это очень серьезный вопрос, и за ним стоят глубокие философские, политэкономические идеи, которые развивались и Марксом, и до Маркса и которые имеют отношение к теории производительного и непроизводительного труда. В общих чертах это выглядит так: есть рабочие, которые производят материальные ценности, а есть власть и интеллигенция, которые живут за счет перераспределения этих ценностей. То есть народ кормит власть — и интеллигенцию заодно. Однако уже в индустриальном, а тем более в постиндустриальном обществе марксистские и подобные им подходы потеряли смысл, по крайней мере при оценке роли производительного труда в создании общественного продукта. И столь же радикально изменился смысл категории «народ».

Вопрос «что такое народ» задали самые чуткие наши творческие люди довольно давно. Приведу одно стихотворение Евгения Евтушенко 1957 года.

Считают,
что живу я жизнью серой —
пишу и все,
и что тут возражать!

А рядом есть народ —
он строит,
сеет,
и я его обязан выражать.
И что-то вроде вечного налога
плачу я,
слыша едкие слова,
что я не знаю сущности народа,
что связь моя с его трудом слаба.

Я не знаток в машинах и колосьях,
но ведь и я народ,
и я прошу,
чтоб знали и рабочий и колхозник,
как я тревожусь,
мучаюсь,
дышу.
Меня не убедить,
как ни уламывай,
что он лишь тот,
кто сеет и кует.
А вот идет на пальчиках Уланова,
и это тоже для меня народ!

Сделаем некоторый исторический экскурс. Дело в том, что большую часть истории человечества 90% населения любой страны было занято исключительно в сельском хозяйстве. В понимании всех мыслителей доиндустриальной эпохи производительным трудом был труд только в сельском хозяйстве. Даже если мы вспомним относительно свежие теории физиократов (XVIII век), то Кенэ и Тюрго тоже считали, что производительный труд — это только труд в сельском хозяйстве, а все остальные живут за счет этого труда — горожане, власть, ремесленники. И все таблицы физиократов, которые были предвестниками схем теории воспроизводства Маркса, были основаны на том, что перераспределяется только сельхозпродукт. Вся политэкономия доиндустриальных обществ строилась на выявлении закономерностей распределения и перераспределения добавочного сельскохозяйственного продукта.

Но уже во времена Маркса стало понятно, что сельскохозяйственный сектор сжимается, идет индустриализация, возник рабочий класс, пролетариат. И в теории Маркса производительным трудом стали и промышленный и сельскохозяйственный труд, создающие добавленную стоимость.

Во времена буржуазных революций был популярен тезис, что народ это только те, кто производит материальный продукт, добавочную стоимость, а все остальные — нахлебники. Но и к крестьянству марксисты всегда относились очень неоднозначно, потому что, с одной стороны, они считали, что это производительный труд, но с другой — крестьяне были собственниками средств производства, что в парадигме марксизма означало их принадлежность к классу буржуазии — только сельской. А людей умственного труда (интеллигенцию) относили к непроизводительному классу вместе с буржуями. Поэтому к ним было соответствующее отношение.

В XX веке эта ситуация переломилась: произошел отрыв стоимостных показателей от материальных. Если мы посмотрим на самые развитые страны, то, вообще говоря, увидим, что материальные потребности у них ограничены. Потребление в чисто физическом смысле энергии и материалов, продуктов питания практически не растет. Эти общества находятся в известном равновесии с окружающей средой. Тем не менее мы видим довольно существенный рост валового внутреннего продукта, реальное увеличение производительности труда происходит в этих странах и в промышленности, и в сельском хозяйстве. Вопрос: откуда этот рост берется? Например, если я не ошибаюсь, в Штатах вся сельхозпродукция производится тремя процентами населения. А хватает не только на Америку.

Штаты еще и экспортируют продукты питания в большом количестве. Примерно то же происходит и с промышленностью. Промышленность в развитых странах дает вряд ли больше 20% ВВП. Вопрос: что же остальное? В середине XX века появилась теория о двух производительностях, которые не разделены физически. Первая — это труд, который преобразует материальный мир, материальные ресурсы в материальную продукцию. Второй вид деятельности — это творчество, который имеет дело с информацией, преобразует информацию и создает новую информацию. Мы видим наглядно, особенно в последние 20–30 лет, что огромную долю прироста общественного богатства дает вовсе не материальное производство, а именно творчество и создание новой информации. Даже в России производство составляет уже значительно меньше половины внутреннего продукта.

Это разделение внутреннего валового продукта между материальным и нематериальным производством условно, потому что и в материальном продукте заложено творчество. В цене новой машины, нового компьютера огромная инновационная компонента.

Но соотношение труда и творчества, материальной и нематериальной компоненты очень хорошо видно в стоимости разных компаний. Не так давно провели сравнение между «Сони» и «Майкрософтом». Хотя «Сони» в свое время считалась компанией инновационной, за последние 15 лет стоимость ее акций выросла на небольшую величину, а стоимость «Майкрософта» возросла в десятки раз именно за счет информационно-творческого потенциала.

Что такое создание информации вообще? Теория информации имеет отношение к понятию энтропии, то есть мере неопределенности, неупорядоченности материального мира. А информация представляет собой негативную энтропию, то есть то, что упорядочивает мир. Поэтому творчество в широком смысле, а именно создание информации, является фактором упорядочивания мира, уменьшения беспорядка в обществе и в природе.

Отсюда и возникает понятие и функция креативного класса. Любой человек, который участвует в упорядочивании окружающего мира, относится к креативному классу.

Креативный класс невозможно привязать к конкретному сектору. Понятно, что сотрудник сельскохозяйственной селекционной станции относится к креативному сообществу, потому что прирост продукции в сельском хозяйстве в значительной степени определяется именно его нововведениями и разработками. То же происходит на предприятиях, где есть огромный сектор прикладных исследований. Это относится и к предпринимательской деятельности. Если предприниматель понял, в какое направление нужно вложить деньги, то он получает доходы и создается дополнительная стоимость.

Следует ли из роста креативного слоя и того факта, что он доминирует в развитых странах, непременное торжество демократии? Я в этом не уверен. Я думаю, что креативному классу нужна не столько демократия, сколько свобода личности, свобода творчества и свобода информации.

Можно себе представить абстрактный пример. Возьмем тоталитарное общество. Может ли в тоталитарном обществе эффективно развиваться творчество? На мой взгляд, нет, потому что творческий человек не может работать без доступа к информации. Пример — наше общество 40-х годов, когда создавались ядерное оружие и ракеты.

Общество было несвободным. Может ли конструктор ракетной техники читать только литературу по квантовой физике? Возможно, но вряд ли его труд будет по-настоящему эффективным. Творчество требует полной свободы мысли и свободного доступа к информации. Это понимали даже Сталин и Берия, когда в 40-е годы дали физикам довольно большую возможность доступа к информации, по крайней мере научной. С генетикой, например, не мудрили, ее попросту уничтожили.

Творческий человек очень остро реагирует на ложь. Это просто как болевое ощущение. Чем тоньше у человека мыслительный аппарат, чем более человек творческий, тем болезненней он реагирует на несоответствие информации тому, что реально происходит. А, как мне представляется, авторитарный режим без лжи существовать не может. Чем авторитарнее режим, тем выше градус лжи. В этом плане «Дракон» Шварца представляет собой вполне универсальную модель. Я как-то пытался себе представить авторитарный режим, который допускает свободу информации, но не вспомнил такого.

Ситуация в СССР была довольно своеобразной, потому что он находился в послевоенный период в очень тяжелом военном соревновании с Америкой. Собственно, и до войны было виртуальное соревнование с Германией. Но особенно это стало ясно после 1945 года, когда появилась атомная бомба, когда стало больше ракетной техники и вообще произошел скачок в широком комплексе инновационных отраслей. В 60-е годы была очень актуальна проблема: как создать такую среду для творческих людей, чтобы, с одной стороны, они творили, а с другой — вписывались в советское общество. Эта проблема была осмыслена нашими писателями. Стругацкие в книге «Гадкие лебеди» писали, что правительству приходится одной ногой нажимать на газ, а другой — на тормоз. То есть, с одной стороны, творческим людям надо давать какой-то воздух, а с другой — их же зажимать, чтобы сохранить стабильность режима.

Творческий человек очень остро реагирует на ложь. Чем тоньше у человека мыслительный аппарат, тем болезненней он реагирует на несоответствие информации тому, что реально происходит. А, как мне представляется, авторитарный режим без лжи существовать не может.

И, конечно, надо понимать, что перестройку подготовило поколение научно-технической интеллигенции 60-х годов. Это поколение, в котором возникло диссидентство. Но даже не в диссидентстве дело. Это поколение обеспечивало массовые тиражи толстым журналам. В разгар перестройки разовый тираж «Нового мира» достигал трех миллионов экземпляров. Сейчас, по-моему, меньше 10 тысяч. Это не было непосредственно антисоветским движением. Но это была культура, отрицающая диктатуру партийной номенклатуры и тотальное вранье советского режима. Это то, что интеллектуально подготовило перестройку, сделало возможным распад коммунистического режима.

Моника Сосновска. Входная дверь. 2003

Ситуация, однако, поменялась в 90-е годы, когда прекращение холодной войны нанесло сильнейший удар по креативному классу. Ведь процентов 90 интеллектуального труда поглощал в 70-е годы оборонно-промышленный комплекс. И как только исчез спрос на гонку вооружений, эти люди сразу оказались не у дел. Сейчас этого класса у нас практически нет.

Как выглядит нынешняя картина в России? В большинстве стран наблюдается рост доли креативного слоя в рабочей силе. В России эта тенденция подавлена, что связано с сырьевой ориентацией экономики.

Что происходит в странах, производящих нефть и другие природные ресурсы? Страна получает возможность, даже производя внутреннюю отрицательную добавленную стоимость, жить за счет перераспределения стоимости, производимой в других странах. Россия в значительной степени живет сейчас именно по такой модели. Часть этого довольно большого трансферта аккумулируется правящим классом, а часть поступает в бюджет и является средством для решения социальных проблем. В этой ситуации очень сложно понять, кто в России производит стоимость, а кто ее потребляет.

В 90-е годы был такой аграрный вице-премьер Заверюха, который прославился замечательной фразой, произнесенной, когда он просил субсидии для АПК: «Страна должна кормить своих крестьян». Примерно это и происходило, потому что российский аграрный сектор был неконкурентоспособен. Он производил отрицательную добавленную стоимость. Уровень субсидий АПК, который тогда был согласован с ВТО, — 9 миллиардов долларов в год. Сейчас, конечно, в этом секторе произошли большие изменения. Есть ряд рентабельных хозяйств, с высокой производительностью труда. А плохие продолжают субсидироваться.

Другая тема — оснащение армии. Министр обороны Анатолий Сердюков как-то сказал, что он не будет покупать российские танки, потому что они стоят в три раза дороже, чем европейские, что, конечно, вызвало большой скандал. Возникает вопрос: как формулирует Нижний Тагил, который производит эти танки, свою цену? Имеет ли право рабочий завода считать себя народом?

Ну и последний пример. Даже в нефтяном секторе у нас есть огромные подсектора, которые добавленную стоимость проедают. Например, нефтеперерабатывающие заводы. Если допустить, что они будут получать нефть по мировым ценам, то они все станут нерентабельными и нам придется покупать бензин за границей. Это известный факт. Эффективность большинства наших НПЗ существенно ниже, чем в Европе.

Таким образом, наш креативный класс не является экспортообразующим. Мы экспортируем только природные ресурсы, ничего конкурентоспособного наш креативный класс практически не производит или производит очень мало. Единственный сектор — это программное обеспечение, а также, в основном в Москве, это, безусловно, финансовый сектор. Но финансовый сектор — это обслуживающий сектор. Я сам финансист и могу ответственно сказать, что объем деятельности креативного класса в этом секторе не очень велик. Если говорить о банках, то банки, в принципе, очень консервативные учреждения. В отличие от фондового рынка, где нужно придумывать постоянно новые инструменты, доля творчества гораздо больше. Там возникают новые технологии. Но опять же только в Москве, пожалуй, этот сектор сколько-нибудь значим.

Что мне кажется важным с точки зрения инновационного развития России? Дело в том, что любые реформы в России, любые попытки инновационного развития проходили под давлением извне.

Китай очень хороший пример того, как страна загнивает без внешнего давления. В течение многих веков Китаю ничего не угрожало. И когда в XV веке адмирал Чжэн Хэ создал флот, который дошел до Африки и привез в Китай слонов, император сказал, что все это, конечно, мило, слоны очень хороши, но все это ерунда, которая нашего внимания не стоит. И вообще, мы великие, а кругом варвары. И флот Чжэн Хэ был поставлен на прикол. После этого в Китае перестали заниматься инновациями, а в XIX веке он пал жертвой агрессии западных стран.

Надо сказать, что ментальность России в XV–XVI веках была сходной. Идея про Третий Рим, про то, что кругом все либо еретики, либо варвары; басурмане и латиняне... У китайцев, правда, было больше оснований считать себя срединным царством и единственной цивилизацией, потому что это была действительно древняя цивилизация с огромным уровнем культуры. А в России было большое бескультурье, которое увеличивалось по мере того, как она отгораживалась от внешнего мира. Нам повезло лишь в том, что страна была в непосредственном соседстве с Турцией, Польшей и Швецией. До Ивана Грозного Россия вела с этими странами весьма успешные войны. Иван III прирастил территорию страны очень серьезно, даже Смоленск присоединил. Зато история от опричнины до Северной войны — это череда сплошных поражений Российского государства. Под угрозой исчезновения России с карты Европы Петр пошел на очень крутые меры, на первую модернизацию, которая принесла блестящие геополитические результаты — ценой неисчислимых внутренних жертв. Можно вспомнить и поражение России в Крымской войне, которое также привело к политической модернизации. Уверен, что если бы не Крымская война, то никаких реформ Александра II не было бы. И последний эпизод — это ядерное оружие и космическая программа. Они тоже не возникли бы без внешней угрозы и соперничества со Штатами. Никакого Гагарина и спутника не было бы, если бы у Америки не было атомного оружия и стремления опередить нас в космосе.

Россия же 90-х годов оказалась совершенно в другой ситуации. С одной стороны, нет военной угрозы, с другой — есть огромный поток нефтегазовой ренты. Поэтому никакого стимула к инновациям нет. Поэтому судьба нового креативного слоя, весьма ограниченного, печальна.

Если оценивать итоги выборов в Думу, то я думаю, что неоднозначные результаты «Единой России» и заметные успехи допущенных к выборам партий не могли быть обеспечены только креативным классом. В Москве свою роль, может быть, сыграл креативный класс, а в провинции это недовольство совершенно других слоев населения. Недовольство чем? Полагаю, несправедливостью. В этой связи помню два значения слова «правда». Правда как истина, то есть правдивая информация. И правда как справедливость, понимаемая как закон. У разных типов общества разный запрос на правду. Информационное общество, где проблема прав остро не стоит, требует правды как правдивой информации. А общество немодернизированное требует правды как справедливости. Так что итоги

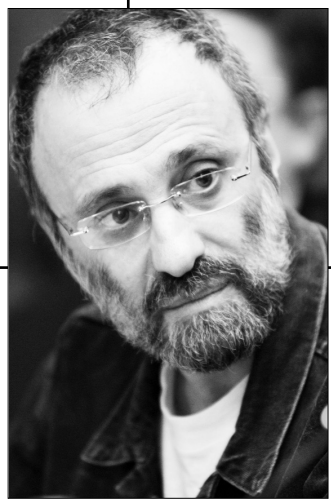
выборов и стояние на Болотной были, на мой взгляд, в существенной степени реакцией на несправедливость в распределении богатства в обществе. Хотя не только это. Думаю, что это и реакция на высокомерие властей, произвол чиновников, коррупцию.

Что происходит, например, в регионах? Модель такая: предприниматель, политический активист либо интегрируются во власть, либо их уничтожают. Он не могут существовать вне системы власти. Период с 2000 по 2010 год был периодом формирования локальных элит, которые фактически выталкивают, лишают влияния всех конкурентов. А если нет политической конкуренции, то власть может не обращать внимания на народ вообще. Зачем? Чиновничий беспредел, бесчинства милиции, нарушения в судах связаны исключительно с отсутствием обратной связи.

Если нет политической конкуренции, то власть может не обращать внимания на народ вообще. Чиновничий беспредел, бесчинства милиции, нарушения в судах связаны исключительно с отсутствием обратной связи. Две группы – правящая и управляемая – территориально, интеллектуально и политически разобщены

Политическую проблему я вижу в том, что эти две группы — правящая и управляемая — территориально, интеллектуально и политически разобщены. И я думаю, что, если не будут построены мосты между ними, нас ничего хорошего не ожидает. Это похоже на ситуацию в России в 1915 году, когда интеллигенция и образованный класс устраивали в Думе обструкцию царскому правительству: они совершенно не подозревали, к чему это приведет, когда проснется вся Россия. И вряд ли требования широких масс регионов будут либеральными и демократическими.

Я хотел бы затронуть еще одну тему, связанную с ростом общественного влияния креативного класса. Этот класс составляет меньшинство, но это активное меньшинство, которое способно овладеть общественным дискурсом, потому что оно создает смыслы, у него есть трибуна в Интернете. И по мере того, как Интернет проникает в широкие массы, влияние этого меньшинства растет. Второе, что существенно: Интернет кардинально меняет характер коммуникации разных социальных групп. Мы знаем, что в доинформационную эпоху непропорциональным политическим весом обладали те группы, которые были физически сконцентрированы. Хорошо известно, что даже в самых демократических странах необычайно непропорциональную силу имеет аграрное лобби за счет того, что оно быстро организуется и имеет диспропорциональное представительство в различных органах власти. Второй пример — это рабочий класс, который сконцентрирован на крупных предприятиях. В частности, шахтеры всюду имели у нас непропорциональный политический вес по сравнению с другими слоями населения. В этом смысле малый бизнес разрознен, как разрознен креативный класс. Вместе их собирает Интернет. В ближайшие 10–20 лет это сильно поменяет традиционную политическую палитру.



Александр Согомонов, академический директор Центра социологического и политологического образования Института социологии РАН

*Гражданское образование в истории западной философии**

...unumquodque naturaliter in suo simili gaudet...
...все [на свете] по природе радуется подобному себе...
Фома Аквинский

Завершает античный цикл гражданского образования и четко обозначает контуры новой культурной эпохи — Аврелий Августин (354–430 гг. н.э.). Жизнь Августина известна нам прежде всего по его «Исповеди», в которой он со скрупулезностью психоаналитика и художественной глубиной великого писателя повествует о своем ветвистом пути из язычества и бесшабашности молодого повесы в строгое христианство. Его педагогические воззрения сформированы под влиянием и греко-римских ораторов, и философов (в особенности стоиков и неоплатоников), а после крещения в 386 году — еще и библейских авторов.

Перед Августином стояла непростая задача привести к общему знаменателю три статуса «приписки» позднеантичного человека — полисной (его родной город), имперской и церковной. Обращение в христианство стало для него зримым водоразделом в понимании целей человеческой жизни и миссии образования. Ключевое понятие августиновской философии — «град божий» (civitas dei), к которому истинный христианин сущностно приписан. Его же земное нахождение и реальная «прописка» в каком-то полисе (civitas terrena) — не более чем случайность. И поэтому очевидно, что его образование должно быть направлено на то, чтобы привести его душу в соответствие с божественным порядком. Философское и духовное совпадают в образовательном процессе, но только если оба нацелены на распознание в мире божественного замысла. Вселенная, в том числе и общественный мир, представляет

** Начало см.: Общая тетрадь, 2011, № 4 (57), с. 86–96.*

собой зашифрованный текст, отражающий слово Божие. Чтение Писания и наблюдение за миром — инструменты нашего духовного озарения.

Августин, как кажется на первый взгляд, завершил весь начальный цикл светского гражданского образования. Он убежденно полагал, что надо не просто переориентировать душу человеческую, но и изменить ее внутреннюю структуру. Античное понимание свободы и предназначения человека суть языческие заблуждения. Но больше всего Августин не приемлет позднеантичную сосредоточенность человека на самом Себе, его греховный эгоизм. Божественная милость будет ниспослана лишь тому, кто обретет новую Волю. Казалось бы, поставлен жирный крест на всех «открытиях» античного гражданского образования. И да, и нет. Дело в том, что Аврелий Августин, преобразившись как интеллектуал и верующий, не отверг полностью классические представления о гражданском воспитании. Умение философски рассуждать, ясно выражаться и критически мыслить — все это само по себе не принесет человеку спасения, но окажет незаменимое вспомоществование в познании божественного Провидения.

Августин унаследовал имперский римско-эллинистический космополитизм и увлеченность индивида готовностью к принятию божьей благодати ранних христиан. Его последовательный отказ от «классики» и конвертация в христианство подводят к важнейшему для исторического рубежа европейской древности и Средневековья *«прозрению»* в отношении гражданского образования *как базового метода формирования культурной идентичности*. В данном случае — христианской идентичности, разумеется.

Аврелий Августин прочувствовал всю глубину этой проблемы не только теоретически, но и на собственном опыте. В начале своего биографического пути получив прекрасное римское образование, он стал имманентной частью имперской элиты. Но какое все это стало иметь для него значение «после»? И этот вопрос в «Исповеди» он обращает прямо к Богу. Своим жизненным успехом он обязан чтению классиков и особенно Цицерона. Благодаря последнему Августин обрел художественный стиль, чувство языка, способность к риторической экспрессии. Словом, все, что сделало его выдающимся и успешным человеком эпохи. Но ведь он все это в конце концов отверг. Хотя, очевидно, и не отказался полностью: каждая его проповедь, каждое теологическое сочинение, каждый фрагмент «Исповеди» искусно исполнены именно благодаря его риторическому образованию. И это он сам прекрасно понимал. Ведь проблема культурной трансидентичности не есть проблема техническая — в его случае простая конвертации «античного стиха в библейский». Образование для Августина оборачивается фундаментальной философской проблемой: классическое образование после обращения в христианство никуда не делось, оно осталось с ним до конца жизни. Оно чувствуется в каждом его интеллектуальном творении, будь то сочинение о музыке или о природе святой Троицы.

Образование необходимо для познания Бога. И, возможно, поэтому не

дано каждому верующему. Но как тогда поступать необразованному христианину? Неужели истинное христианство обязательно предполагает глубокую образованность?* Разумеется, среди христианских современников Августина было немало тех, кто считал образование пустой тратой времени, культурным анахронизмом. Сам Августин открыто не сопротивлялся этой тенденции, но внутренне понимал, что он, Гиппонийский епископ, именно благодаря своему прекрасному риторическому образованию стал великим Учителем в сакральном и светском смыслах.

Незадолго до написания «Исповеди» Августин создает два своих главных труда — «О христианском учении» (De Doctrina Chistiana) и «О граде Божьем» (De Civitate Dei). Оба на долгие века станут хрестоматийными для западного Средневековья. Оба принципиальным образом отличаются от своих античных предшественников. «О граде Божьем» совершенно не похож ни на один из диалогов Платона или трактатов Цицерона, в которых велась дискуссия об идеальном государстве. В целом это — нетипичное политологическое сочинение. Но и в «Христианском образовании» вы не найдете ожидаемого рассуждения об образовательных программах или курсах, выстроенных в соответствии со Священным Писанием. Оба сочинения о чем-то другом, непонятном для античного гражданского сознания. Они, скорее, — об Истине, которая не обнаруживается привычным философским методом. О знании добра и поступках, ориентированных этим знанием. О месте христианина внутри светской империи и по ту сторону от нее**. О конечных ценностях и индивидуальных желаниях. Об истории и обществах. О профанных, лишенных сакральности, городах и ложных богах. О Граде, созданном истинным Богом. Словом, о разных судьбах двух градов. И о *вечном гражданстве*, в конечном итоге.

Августинов Град состоит из всех граждан, когда-либо проживавших во времени, кто жаждал познать Бога, чья высшая ценность и финальная цель и есть сам Бог. Августиново гражданское образование — об этой любви, этой ценности и этой вечной цели. Он ведет напряженный внутренний диалог с античными авторитетами и, парадоксальным образом, не отвергает классического образования, ибо нуждается в его достижениях, но строго ограничивает его роль и место. Гражданская педагогика древних, по образному сравнению Августина, подобно зо-

---

** Необразованный человек нуждается в начетничестве, и этому сюжету Августин посвятил отдельный трактат «О наставлении неграмотных» (De catechizandis rudibus), полный глубокого проникновения в когнитивные процессы гражданского образования.*

*** Язычнику не ведомо различение добра от зла, утверждал Августин. А посему множества язычников не могут создавать ни гражданского сообщества (подобно римскому populus), ни моральной общности, разделяющей конвенциональные нравственные ценности. Ergo язычнику не ведомы политические смыслы, гражданские права и обязанности. См. подробнее: Dyson R. St Augustine of Hippo. The Christian Transformation of Political Philosophy. London: Continuum, 2005. P. 74–81.*

лоту египтян, похищенному израильтянами, не принадлежит только им, а по праву является достоянием всех христиан. Гражданская педагогика древних — о добре и правде, но следует всегда помнить, что высшее добро и Истина сотворены христианским Богом.

Бог-сын и есть единственный Учитель, который позволяет нам различать доброе от злого и проникнуть в суть умных вещей, утверждает Августин в диалоге «Учитель» (De magistro), который он ведет со своим сыном Адеодатом. Но в чем тогда роль обычных учителей? Идти путем познания вместе с учениками! Но поскольку истинное знание невозможно «преподавать», то учителям приходится прибегать к всяким вспомогательным средствам. Например, к методу иллюстрации. Возможно, поэтому Августин считал свою «Исповедь» педагогическим произведением, ибо примером собственной жизни он изведывает пути по продвижению к знанию. Таким образом, святой Августин соединил сальвическую теологию раннего христианства и гражданское образование. И на многие века прикрепил философию к теологии, а гражданскую педагогику к католической церкви, лишив ее изначального статуса автономного предмета и былой деонтологической ниши.

Пройдет больше тысячелетия, прежде чем европейская философия вновь вернется к идее свободного и независимого гражданского образования, но это уже будет его новая история. А до этого европейская мысль, крепко привязанная к христианству и вере, совершит несколько важных для ее эволюции разворотов в сторону эмансипации знания.

Пожалуй, самым глубинным образом раскрепостил европейскую мысль лишь Фома Аквинский (1225–1274), возможно, сам того не желая*. Все его старшие коллеги по западной патристике, основанной на философско-теологических учениях христианских мыслителей II–VIII веков, — Альберт Великий, Ансельм Кентерберийский, Петр Ломбардский, Бонавентура, Гуго Сен-Викторский и многие другие — так или иначе касались темы образования, правда рассуждали они, как правило, в привычном для зрелого феодализма церковном ключе о содержании и предназначении дисциплин, где каждой отрасли знания отводилась ее территория (trivium, quadrivium), где свободные искусства были подчинены теологии, а тренд в сторону автономизации философского знания лишь только намечался. Аквинат кардинально раздвинул границы средневекового мышления, возвратив в него

** Сам Фома, как кажется нам с высоты времени, полагал своей миссией примирение философии и веры. Его обращение к Аристотелю, которое было во многом вынужденным, поскольку тексты многих других античных мыслителей в XIII веке были еще недоступны, — очень неоднозначно. С одной стороны, он признавал мудрость язычников (об этом он недвусмысленно заявил в своей «Сумме против язычников»), но в то же время постоянно переиначивал ее на свой рационально-теологический лад. Истина — согласно Аквинату — открыта одновременно и разуму, и откровению. И поэтому если Аристотель строит свою философскую этику на четырех нравственных ценностях — благоразумии, терпении, мужестве и справедливости, то Фома на трех — вере, надежде и милосердии. См. об этом подробнее: Kerr F. Thomas Aquinas. — Oxford: Oxford University Press, 2009.*

124 Тал Р. Луковицы. 2005

античную философию в лице Аристотеля, которого он в своих «Суммах» упоминает не по имени, а именует уважительно и просто «философ». По сути, Фома еще не переподчинил теологию философии, но высвободил последнюю из-под августиновского пленения. Под влиянием Аристотеля он ставит многие «старые» вопросы, но при этом формулирует и абсолютно новые.

В сочинениях Фомы Аквинского человек размещен в пространстве ценностного треугольника Благо — Добродетели — Законы. Он движим практическим рассудком, но руководствуется теоретическим разумом. Чему философ учится у теолога? Пониманию ограниченности человеческого познания. А чему учится теолог у философа? Пониманию несовершенства человеческого счастья. Вот почему одной христианской пропедевтики недостаточно, поскольку человеку потребно разнообразное светское образование и знание права в первую очередь. Впрочем, и то, и другое формирует в нем искомое благоразумие (phronesis, prudentia).

Однако практическая мудрость и ее общественное распространение не проистекают непосредственно из прогресса моральной философии, считал Фома. Так для чего же необходимо нравственное образование? Нельзя стать благоразумным, не обладая другими моральными достоинствами. И этим утверждением Фома вновь *возвращает* нас к *базовому вопросу гражданского образования*: для чего необходимо так тщательно и вдумчиво обучать тех, кто сам обучает других? А именно — пасторов, исповедников, простых учителей. Потому что именно они должны уметь пользоваться философским аргументом в практической жизни*. И поэтому очевидно, что хорошее гражданское образование (разумеется, Фома не использовал еще этого понятия) не дается только в школе или университете, хотя там — прежде всего. Оно предполагает вовлечение человека в контексты практической жизни — домохозяйство, соседство, политическое сообщество. Только там происходит оттачивание гражданского благоразумия, основанного на постоянно практикующихся нравственных добродетелях.

При этом благоразумие — идеал, а не шаблон гражданского образования, на основании которого человек точно знает, как ему поступать. Иными словами, после святого Фомы европейская интеллектуальная мысль уже не испытывала никаких сомнений относительно сущности

** Фома Аквинский известен человечеству своими пятью доказательствами бытия Бога. Они — абсолютно рациональны. Сам Фома не считал, что доказывает бытие Бога, ведь Бог сам заявил о своем существовании со страниц Священного Писания, а Бог не лжет. Фома, скорее, учил христианина рационально мыслить. Более того, он даже и не претендовал на авторскую концепцию доказательств, ему важнее было открыть глаза христианина на мир, содержащий в себе источник и цель всего сущего. Вот почему для дальнейшей эволюции гражданского образования так значимо его четвертое доказательство, предполагающее бытие абсолютного Добра. Всякое человеческое добро есть приближение к абсолютному Добру. Бог и есть мудрость, милосердие, любовь и справедливость. И поэтому существенно важно, по мнению Фомы, различать добродетельного человека и человека просто «дисциплинированного». См.: Kerr F. Thomas Aquinas, p. 35, 39–41, 71.*

гражданского образования: оно перестало восприниматься как какой-то очередной этап в поступательном росте личности, а составляет имманентный аспект всей жизненной продолжительности человека — его «привычку» к общественной жизни.

Отсюда — *гражданское образование создает исключительно иллюзию гражданской мудрости*, а не какие-то конкретные «практические руководства».

Впрочем, закрепив в интеллектуальной мысли понятие общего блага, Фома тем не менее не считал Добро объектом свободного выбора*. Ему людские поступки все еще виделись в неконфликтном поле, а миссия образования — в научении человека руководствоваться «привычками» практической мудрости (habitus).

Учение Фомы (томизм) на долгие столетия, вплоть до нашего времени**, будет оказывать самое существенное влияние на эволюцию взглядов в сфере гражданского образования, как бы от него не открещивались просветители XVIII и позитивисты XIX века. И еще одно, пожалуй, не менее существенное обстоятельство исторической важности наследия святого Фомы: он недвусмысленно разместил зарождение и формирование «гражданского духа» в стены образовательного учреждения, университета в первую очередь. И тем самым кардинально разорвал с античной традицией и *устремил гражданское образование в его институциональное будущее.*

Впрочем, одного лишь томизма для этого было явно недостаточно и традициям древних предстояло пройти не менее серьезное переосмысление в недрах гуманистики эпохи Возрождения. Условия жизни ренессансной Италии сами по себе подталкивали европейскую мысль к более четким формулировкам смыслов, содержания и методов гражданского образования. Малые общественные формы города (citta), долгая история самоуправления, постоянная борьба за выживание и войны друг с другом, неизменная опасность поглощения со стороны крупных государственных образований, противоборство с Ватиканом и т. д. — все это подталкивало мыслителей XIV–XV веков к глубинному «очищению» гражданских смыслов.

В сочинениях Франческо Петрарки (1304–1374) мы обнаруживаем понятия «societas» и «civilis». И пусть они еще неловко увязаны друг с другом, но их значения уже максимально приближены к современ-

---

** Malum est privatio boni (Зло есть отсутствие Добра), утверждал Фома в своей «Summa Theologiae» (I.48–5). Но у этого неожиданного тезиса есть важное гражданское развитие: разум обосновывает человеческое поведение, а благоразумие есть основа всякого свободного выбора, и это означает наличие у добродетельного человека совершено иной, чем у простого смиренного человека, по своим свойствам и направленности моральной ответственности.*

*** По мнению известного английского морального философа А. Макинтайра, особенно актуальным Фома становится сегодня, когда гражданское образование все чаще понимается прежде всего как подготовка подрастающих поколений к публичным дискуссиям и общественным конфликтам. См.: McIntyre A. Aquinas's Critique of Education // Oksenberg Rorty A. (Ed.) Philosophers on Education. — New York — London: Routledge, 1998. — P. 105.*

ным. Петрарка жил всего на столетие позднее Фомы, но его осведомленность относительно текстов античных авторов несравнимо больше. Петрарка был, безусловно, моральным философом. Точнее — мыслителем, открывшим для себя и мира новые этические смыслы. Он переключает внимание современников на земное предназначение человека и оправдывает право смертного желать смертное*. Для него миссия философии и риторики — в *нравственном воспитании граждан*. Он — безусловный республиканец, идеал общественного устройства обнаруживается им в республиканском Риме. Однако и Петрарка стремился увязать новое гуманистическое начало с католической верой. Но это отнюдь не помешало ему распространять на общество нормы и ценности светского образования и гуманистическую программу в целом. Его младший современник Джованни Боккаччо (1313–1375) впоследствии вернет свободе статус высшего принципа организации человеком своего биографического проекта (прежде всего в конфигурации «свобода быть самим собой»).

Быть Принцем у Макиавелли – безусловно, тяжкая обязанность, выполнение которой предполагает глубокое знание этого «государственного ремесла», суть которого не в присвоении власти, а в служении интересам общего

В ранней гуманистике Италии studia humanitatis** выступают одновременно системой «наук» и главным *дидактическим методом гражданского образования* (то есть гражданского познания и самопознания). Этика среди них была «царицей» наук. И, соответственно, добродетель (virtù) — наряду с разумом — центральной категорией всего гуманистического дискурса.

Так, к примеру, Леон Баттиста Альберти (1404–1472) полагал разум самой надежной гарантией свободы. Разум, освобождая человека от ошибочных суждений или заблуждений, направляет его к истинной добродетели. Как и святой Фома, Альберти наряду со многими другими гуманистами синтезирует добродетели и мудрость в понятии «благоразумие» (prudenza), но в отличие от Аквината (и Аристотеля) гуманистическая трактовка благоразумия раскрывается им через новый набор гражданских качеств — справедливость (justizia), умеренность (temperanzia), мужество (fortitudo), терпение (pazienzia), стойкость (fermezza) и т. д. Казалось бы, все это нам хорошо знакомо из теории и

** Брагина Л.М. Итальянский гуманизм. — М.: «Высшая школа», 1977. — С. 82–83.*

*** Знание противопоставлялось чистой вере и отчасти теологии. Доктрина studia humanitas — совокупность гуманитарных дисциплин (грамматика, риторика, этика, история, право, политика) — переосмысливала средневековую концепцию «свободных искусств», переориентировала знание на человека в его посюсторонней идентичности и покоилась не только на «Никомаховой этике» Аристотеля, но отныне и на философии Платона.*

практики демократической жизни древних. Но Альберти, не исключая индивидуальной пользы от этих гражданских добродетелей, подчеркивает их первичный социальный смысл.

Поразительно, насколько в сочинениях гуманистов *социальный ракурс гражданской добродетели* (virtù) пронизывает все их сочинения — и в этом их *главное «открытие»*. Человек свободен, а потому полезен другим. Добродетелен лишь тот, «кого ни жадность, ни сладострастие, ни гнев не побудят причинить несправедливость или зло другим или самому себе»*. У Альберти сформулирован четкий образ гражданской ответственности, предполагающей установку на моральное совершенствование индивида и имеющей одновременно личный и общественный смысл. Высшее благо у него обретает исключительно светский характер. Стремление быть полезным другим и способствовать процветанию государства идет рука об руку с естественным желанием человека обрести славу и почет.

Решительную черту под ренессансными политико-философскими исканиями подвел Никколо Макиавелли (1469–1527). В трактате «Государь» (1513) он сформулировал основы «воспитания» государственного правителя (Principe), и чуть позднее в «Рассуждениях на первую декаду Тита Ливия» (1517) вновь возвращается к излюбленной итальянскими гуманистами теме гражданских добродетелей и процветания государства. Но сделал он это настолько убедительно и логически последовательно, что на все последующие века определил фундаментальное направление в теории гражданского образования — *гражданское образование задается прежде всего эффективностью, открытостью и моральной приверженностью политических институтов в лице их носителей.*

Литература, посвященная наследию Макиавелли, бесконечна. Споры вокруг его идей начались уже на излете Возрождения и не утихают поныне. Макиавелли — циник, грубый прагматик, аморалист, апологет авторитарной власти, проповедник принципа «цель оправдывает средства», — полагали одни. И в чем-то они правы. Макиавелли — гибкий и тонкий мыслитель, гуманист, последовательный республиканист, человек глубокого ценностного содержания, провозвестник идеи национального государства, — считают другие. И, очевидно, правы по-своему. Вся 500-летняя новая история политической философии может быть фигурально представлена как постоянное противоборство сторонников и противников Макиавелли. Хотя и те, и другие научились именно у него искусству и науке политического анализа и прогноза, технологии власти и политической этике. Однако надо признать, что сегодняшний мир переживает своего рода «макиавеллистский ренессанс». Его изучают и бесконечно переиздают, его толкуют и используют многие — от теоретиков экономического менеджмента до феминисток, от политических либералов до концептуалистов полити-

---

** Цит. по: Брагина. Ук. соч. С. 180–181.*

ки Евросоюза. Мир наконец-то смог преодолеть в себе отношение к Макиавелли в терминах «pro-et-contra» и по-настоящему оценить достоинства его научно-политического метода*. Но главное, пожалуй, заключается в том, что Макиавелли впервые смог всесторонне сформулировать образец того, что мы сегодня обозначаем концепцией «демократического гражданина»**.

Впрочем, на первый взгляд, многие его дидактические идеи могут показаться, мягко говоря, если не просто странными, то весьма архаичными. В «Государе», к примеру, Макиавелли утверждает, что поскольку первичная обязанность правителя — обеспечение безопасности и преемственности государства (вместо «государства» он чаще использует более характерное для своего времени понятие citta — «город»), то, следовательно, его главная добродетель — знание того, как власть достигается и удерживается.

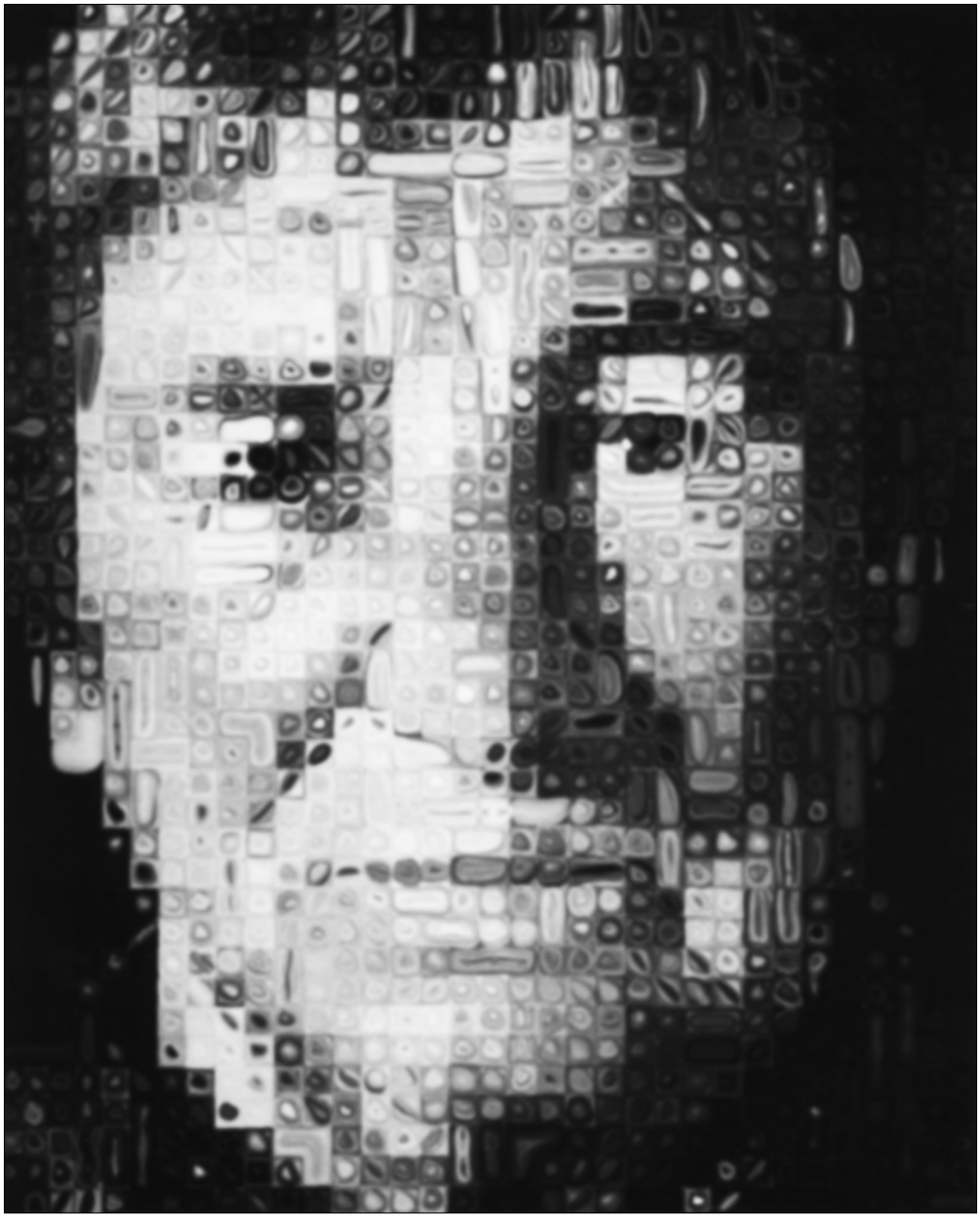
Déjà vu, скажете вы. Да, но только в схожести слов и не более того. Непросвещенный читатель, буквально воспринимающий тексты Макиавелли, действительно обнаружит в его «Государе» прямые указания Принцу на то, как себя корректно вести и как осуществлять свою верховную власть в целях единоличного правления. Макиавелли рекомендует ему максимально сосредоточить правительственный контроль в своих руках, чутко прислушиваться к веянию времени, быть адекватным сложившимся условиям и обстоятельствам, использовать любые возможности для укрепления своей власти, стремиться к подчинению, основанному одновременно на страхе и обожании подданных, манипулировать врагами и союзниками, следить за своим внешним видом, выработать лаконичный стиль публичных выступлений, уметь самолично планировать дела хозяйственные и общественные, дозировать появления на людях и т. д. и т. п. Все это нам хорошо известно из материалов многочисленных исторических примеров авторитарного правления***. Однако «правда» Макиавелли совершенно в другом.

Ренессансный мыслитель Макиавелли делает своего Принца не столько воплощением власти, сколько *образцом гражданских добродетелей* — в

** Упомяну из самых свежих несколько наиболее примечательных на эту тему работ: Falco M.J. (Ed.) Feminist Interpretations of Niccolo Machiavelli. — University Park: Pennsylvania State University Press, 2004; Harris Ph., Lock A., Rees P. (Eds.) Machiavelli, Marketing and Management. — London–New York: Routledge, 2000; Kane Th.M. Theoretical Roots of US Foreign Policy: Machiavelli and American Unilateralism. — London–New York: Routledge, 2006; Rahe P.A. (Ed.) Machiavelli's Liberal Republican Legacy. — Cambridge: Cambridge University Press, 2006; van Schendelen R. Machiavelli in Brussels. — Amsterdam: Amsterdam University Press, 2002.*

*** В рубрике «Макиавелли имеет значение» вышло немало книг, сошлюсь на одну из самых интересных и недавно изданных: Bernard J. Why Machiavelli Matters: A Guide to a Citizenship in a Democracy. — London: Praeger, 2009.*

**** Неслучайно Макиавелли «привязывают» к политике деспотических политических режимов, в том числе сталинизму. См.: Edwards A., Townshend J. (Eds.) Interpreting Modern Political Philosophy: From Machiavelli to Marx. — New York: Palgrave-Macmillan, 2002; Rees E.A. (Ed.) Political Thought from Machiavelli to Stalin. — New York: Palgrave-Macmillan, 2004.*



Чак Клоуз. Агнес. 1998

буквальном смысле образцом подражания для простых граждан. Он отождествляет его с самим городом, а его «властную дисциплину» направляет на благо целого — отчизны. В этом смысле Принц у Макиавелли помещен в жесткие институциональные и моральные рамки. Он не может ни власть использовать в своих интересах, ни воспользоваться плодами собственной политики. Его политический Успех отделен от него самого. А его биографическое призвание в том,

чтобы самой своей жизнью демонстрировать пример гражданской доблести. Быть Принцем у Макиавелли — безусловно, тяжкая обязанность, выполнение которой предполагает глубокое знание этого «государственного ремесла», суть которого не в присвоении власти, а в служении интересам общего. И это, конечно же, несмотря на многочисленные внешние аллюзии, сущностно не имеет ничего общего с авторитаризмом и диктаторством.

Итак, если мы принимаем макиавеллистскую рамку, то многое, что кажется нам на первый взгляд циничным и деспотическим, на самом деле выглядит совершенно по-иному. Монополизм управления, который Макиавелли рекомендует своему Принцу, необходим для уничтожения неформальных источников власти, то есть для укрепления собственно институтов государственной власти (а отсюда монополия на насилие, контроль за исполнительными органами и прочие сугубо современные феномены власти). Личность Принца дистанцирована от разнообразных образов «помазанника божьего» на земле, его суверенность сугубо светская и насыщена такими нравственными смыслами, которые необходимо все время подтверждать и укреплять в общественном восприятии. А это — целая наука (и искусство) «быть и казаться» в политике. Его легитимность не задана раз и навсегда, а определяется его государственной эффективностью и моральным соответствием институту. Борьба правителей за умонастроение граждан обусловлена не жаждой власти, а конкуренцией политиков за сохранение того государственного строя (а Макиавелли — последовательный республиканец), который делает людей счастливыми. В этом смысле Принц у Макиавелли мягко, но весьма решительно порывает со всей предшествующей политической и философской традицией, равно как средневековой, так и древней, несмотря на то что именно у них он упорно искал и находил вдохновлявшие его политические примеры. И уж совершенно точно автор «Государя» не выступает «учителем политического зла», как его зачастую выставляли современные философы*.

Конкурентная политика, конфликты, открытые к противоборству группы интересов — все это, по мнению Макиавелли, лишь укрепляет устойчивость республиканских институтов. Но осилить такую политику может лишь индивид, облеченный гражданскими добродетелями. Склонность к «порядку» среди них — условие фундаментальное. Макиавелли, наставляя Принца, а через него рядовых граждан, как будто говорит им: соревнуйтесь, отстаивайте свои интересы, будьте гибкими, стремитесь к компромиссам, избегайте прямолинейности и жестких принципов, но всегда придерживайтесь правового и нравственного порядка и ориентируйтесь на общее благо. В этом — ваша гражданская доблесть. И если такая конструкция для кого-то нуждает-

---

** Strauss L. Thoughts on Machiavelli. — Chicago: Chicago University Press, 1958. (Лео Штраус. Введение в политическую философию. Пер. с англ. М. Фетисова. — М.: Логос, Праксис, 2000.)*

ся в дальнейшем обосновании, то Макиавелли ему больше нечего добавить. Все аргументы исчерпаны.

Иными словами, именно Макиавелли заложил фундамент всего последующего мироздания современной политики и гражданского образования, возможно, и не ставя перед собой такой задачи. Он мыслил абсолютно по-современному*, существенно опередив свое время**, но пользовался еще «старым» языком, и прежде всего понятиями и лексикой латинских авторов. И, как мне кажется, оттого не был адекватно понят ни современниками, ни многими потомками. Макиавелли радикально развел приватную и публичную сферу, каждая из которых требует от человека разных нравственных качеств и навыков. Добродетели приватной жизни остаются в лоне культуры, традиций и обычаев***. Добродетели публичного человека чаще всего идут вразрез привычному и, безусловно, именно поэтому воспринимаются здравым смыслом как аморальные****. А на самом деле публичному политику, руководствующемуся гражданскими добродетелями, необходимы особые — несвойственные приватной жизни человека — «техники» успеха и политическая этика. Весь «грех» Макиавелли в том, что он первым о них честно и открыто написал.

Продолжение следует

** В качестве иллюстрации напомню любопытную трактовку того, что есть «добродетель», которую Макиавелли предлагает в своих «Рассуждениях» (3.21): «virtù состоит в [познании] необходимости». Заметьте, сформулировано это почти за два с половиной столетия до Канта.*

*** Куда меньше известно сегодня сочинение его северного современника гуманиста Эразма Роттердамского (1469–1536), написанного на весьма схожую тему, — «Воспитание христианского государя» (1516). Его идеи были куда менее экстравагантными и вполне вписывались в свое время. См.: Эразм Роттердамский. Воспитание христианского государя. — М.: Мысль, 2001.*

**** Приблизительно в это же время Мартин Лютер (1483–1546) в своих трактатах об образовании придерживался радикально иного взгляда. Он выводил гражданскую жизнь общества из души каждого отдельного человека. Поскольку Священное Писание — главный и единственно авторитетный источник моральных знаний, детей необходимо учить грамоте, чтобы они могли иметь возможность самостоятельно читать Библию. В обязанность светских властей Лютер вменял развитие системы обязательного школьного образования. Детям там преподавались оригинальные языки Библии, искусства, право, история, медицина. Обретенная таким образом индивидуальная благодать каждого конкретного человека распространялась и на его гражданскую жизнь.* ***Ибо добрый в душе человек — вполне «конструктивный» гражданин.*** *Тем самым лютеране, распространяя духовное образование, чрезвычайно способствовали быстрому развитию в Европе обязательного общего образования, регулируемого светскими властями.*

***** Макиавеллизм, к сожалению, ошибочно закрепился в языках Нового времени как синоним «аморализма».*

НКО и развитие социальной активности населения

Лилия Храмцова, Новосибирская областная общественная организация по укреплению местных сообществ «В будущее вместе»

Формирование и развитие местного сообщества

Мировая практика показывает, что важную роль в развитии местных сообществ играют институты гражданского общества, неправительственные организации (далее НКО) — организации здравоохранения, общего развития, образования, защиты окружающей среды. Зарубежные НКО представляют собой сформированную в организационные группы часть населения, четко идентифицирующую себя с целевой группой, интересы которой защищает и реализует.

А что у нас? Исследования показывают, что в настоящее время в России местных сообществ нет или почти нет. В становлении и развитии общественного самоуправления некоммерческие, общественные организации не играют пока никакой роли.

Неэффективное общественное участие обусловлено:

— сопротивлением властей, которые явно не заинтересованы в участии общества в своих делах;

— отсутствием мотивации самих структур гражданского общества, так как они слабо интегрированы в процессы принятия решений, и это в немалой степени проблема самих НКО;

— крайне низкой социальной активностью населения.

Для чего нам нужны активные местные сообщества, активные граждане по месту жительства, для чего выделяются гранты и субсидии иностранных фондов и российских властей? Мы хотим скопировать опыт зарубежных стран или есть другая цель?

Разберемся в том, что такое социальная активность.

Социальная активность населения

Социальная активность определяется как *уровень активности*, *степень проявления возможностей и способностей человека как члена социума, устойчивое активное отношение личности к обществу в целом*. Основными ее компонентами большинство исследователей считает *самостоятельность, ответственность и инициативность* личности в достижении общественно значимых целей*.

Следует также отметить, что социальная активность участников местного самоуправления должна сочетаться с *компетентностью* в вопросах управления; знанием местных проблем, интересов и потребностей населения.

Мотивы социальной активности

Эти мотивы могут быть самые разнообразные, среди них: поиск единомышленников, разнообразие труда, расширение границ своей деятельности, укрепление своего статуса или приобретение нового, бескорыстное желание помогать людям, получение определенных льгот и преимуществ и т. д.

Осуществляя активную деятельность в различных формах самоуправления, решая управленческие проблемы на микроуровне, человек чувствует свою значимость, полезность, получает удовлетворение от своей деятельности, что дает ему возможность быть *гражданином,* чувствовать себя способным влиять на происходящее.

Таким образом, социальная активность в ее многообразных формах предоставляет личности возможность удовлетворять самые разные потребности, реализовывать свои интересы и способности и обеспечивает рост внутренней свободы личности.

Типы социальной активности**

1. Иждивенческая активность — жалобы и прошения, направленные на то, чтобы другие (власть, бизнес и т. п.) решили проблемы жителей, в том числе и те, за которые власть не отвечает.
2. Протестная активность — возникает из желания жителей противодействовать действиям и планам властей, почти не задумываясь об альтернативных планах. Такая активность развивается в формах пикетов, митингов, коллективных жалоб, перекрытия дорог, протестного голосования на выборах.
3. Имитационная активность — население используется в качестве статистов для реализации рекламных или политических проектов. Самостоятельная активность имитируется за счет нанятых и оплаченных активистов, а также публикаций в СМИ, других методов.
4. Конструктивная активность — инициативы, попытки корректировки действий властей и предприятий для создания более благоприятных условий жизнедеятельности территории; партнерское взаимодействие властей и населения.

Давайте посмотрим, какие организации и структуры могут развивать на местном уровне конструктивную социальную активность.

Для этого надо определить, какие типы общественных организаций есть на местном уровне.

** См.: А.В. Золотухин. Формы проявления социальной активности населения на местном уровне. — Тамбов: Издательство ТГТУ, 2004.*

*** См.: www.vsmsinfo.ru*

Деятельность и состав российских неправительственных организаций, работающих на уровне местного сообщества

Выделим 4 типа организаций:
— социально ориентированные НКО;
— органы территориального общественного самоуправления (ТОСы) и другие организации, созданные по территориальному признаку;
— инфраструктурные организации; аналитические центры;
— правозащитные, экологические организации.

Социально ориентированные НКО

Эта группа неправительственных организаций состоит из организаций социальной направленности регионального и муниципального уровня. Большая часть их занимается социальной работой: помощью инвалидам, больным, престарелым и т. п.

Как правило, это организации членского типа, группы по интересам или группы взаимопомощи, которые решают узкоспециальные задачи (например, реабилитация инвалидов).

Какой тип социальной активности могут проявлять участники таких организаций?

Основная причина участия в таких организациях — это защита интересов и прав членов организации, получение льгот, которые полагаются гражданам, представление интересов в органах власти.

Если члены организации получают все свои льготы, то их активность, как правило, низкая. Если же права не соблюдаются, то люди выходят их защищать, в этом случае можно говорить о протестной активности. Монетизация льгот — самый яркий пример.

Таким образом, социально ориентированные организации выполняют большой объем нужной работы, но нельзя ожидать, что эти организации будут активными участниками при решении насущных проблем, проявят конструктивную активность, поскольку у них недостаточно ресурсов и понимания необходимости объединения.

Как социально ориентированные организации могут участвовать в жизни местного сообщества?

Такие организации имеют большой опыт работы со своими целевыми группами, поэтому профессионально могут выполнять часть работы муниципальных служб, например по организации летнего отдыха, организации питания, ухода за больными и т. п.

В настоящее время власти стараются передать непрофильные услуги другим организациям, которые могут работать лучше, чем муниципальные предприятия.

Организации социальной направленности могут также участвовать в муниципальных конкурсах на выполнение определенных работ.

В случае выполнения муниципального заказа социально ориентированными организациями повышается качество услуги (так как она приближена к потребителям), увеличивается занятость местного населения, решаются социальные проблемы конкретных людей, снижается коррупционная составляющая.

Органы территориального общественного самоуправления (ТОСы) и другие организации, созданные по территориальному признаку

Активная жизненная позиция граждан — основное условие эффективного развития территориального обще-

Синди Шерман. Без названия. 2004

ственного самоуправления (ТОС)*. При создании территориальных организаций предполагалось, что через «дворовую» активность люди выйдут на уровень непосредственного участия в управлении территорией, повысят свою гражданскую активность.

Опыт работы с ТОСами показывает, что их состояние не позволяет инициировать «дворовую» активность людей и участвовать в реализации местных проблем.

Причины:

— большинство лидеров ТОС не обладают необходимыми навыками работы в общественных организациях, навыками консолидации населения;

— низкая информированность населения о возможностях и опыте общественного самоуправления;

— отсутствие традиций и опыта социального управления;

— ТОСы стали низовым звеном местного самоуправления, и их деятель-

** См.: А.В. Кузнецова «Социальная активность населения: приоритетные формы и их направленность» сайт: lib.socio.msu.ru*

ность регулируется не гражданами, а властью.

Следует отметить, что, несмотря на многочисленные препятствия для развития общественной активности, готовность населения защищать свои интересы через участие в деятельности ТОС в той или иной степени фиксируется примерно у 15-30% населения. Для успешного роста социальной активности необходимы точки роста гражданской активности.

Куда двигаться дальше?

Нужно добиваться создания системы гражданского участия:

— создавать специальные вспомогательные структуры местного самоуправления, такие как общественные советы при управляющих компаниях;

— создавать общественные советы и комиссии при различных муниципальных структурах, которые будут выявлять проблемы граждан и предоставлять им возможность принять участие в их разрешении;

— добиваться регулярных встреч глав местного самоуправления с местными активистами — представителями инициативных групп и общественных движений;

— добиваться встреч членов городского совета с разными группами населения в вечернее время и по выходным по несколько раз в месяц.

Общественные советы должны состоять из людей разных профессий, имеющих различный опыт и образование, взгляды. Каждый член совета должен четко понимать свою роль и функции в этом консультативном органе.

Инфраструктурные организации и аналитические центры

К ним относятся фонды и ресурсные центры, которые являются посредниками между донорами и низовыми общественными организациями, гражданами.

Большая часть сотрудников таких организаций — это эксперты из преподавательской и научной среды, бывшие политические деятели и чиновники разных уровней. Такие организации имеют слабую связь с населением, ориентируясь прежде всего на государственные органы власти.

Как такие организации участвуют в жизни местного сообщества?

Фонды и центры проводят обучение общественности, осуществляют информационный обмен между разными группами общества, создают «переговорные площадки» для взаимодействия общественности и власти, повышают общественную активность в районе.

Региональные власти и органы местного самоуправления нуждаются в экспертной оценке программ, направленных на развитие конкретной территории, при этом властные структуры часто не обладают специалистами, имеющими необходимый уровень подготовки для решения такой задачи. Центры, фонды могут привлекать экспертов, чтобы объективно выявлять сильные и слабые стороны в деятельности органов местного самоуправления и региональных властей, оценивать ресурсы и возможности для реализации программ и достижения поставленных целей.

Чем больше будет привлеченных со стороны экспертов, чем опытнее они будут, тем выше вероятность исключения ошибок или исправления их до стадии реализации муниципальных программ. Такая работа важна для улучшения работы органов власти и совершенствования программ развития, что в итоге приведет к улучшению качества жизни населения.

Правозащитные, экологические организации

Правозащитные организации мало представлены на местном уровне. Как правило, местные правозащитные организации проводят бесплатные консультации, защищают в судах интересы конкретного гражданина. При этом деятельность таких организаций на локальном уровне мало заметна, потому что параллельно с ними еще с десяток других организаций и структур проводят бесплатные юридические консультации (приемные областных и городских депутатов, приемная Путина, приемные политических партий и т. п.). Эффективность этих политических общественных приемных невелика, поскольку в их деятельности больше имитационной активности, пиар-составляющей, чем реального желания помочь людям. Местные правозащитные организации теряются среди такого разнообразия консультирующих структур и не могут тягаться с политическими тяжеловесами.

Основная причина такого состояния локальных правозащитных организаций — отсутствие финансирования. Если социально ориентированные организации, ТОСы финансируются как федеральными, так и местными властями, то у локальных правозащитных организаций мало шансов получить хоть какое-то финансирование. Чтобы выжить, некоторые локальные правозащитные организации подпадают под влияние тех или иных политических сил и участвуют в имитационной активности, например в организации протестов, пикетов и т. п., иногда даже не понимая их сути.

Лучше положение дел у правозащитников федерального уровня. Они на виду, у них есть зарубежные гранты, есть лидеры, которые помогают организациям проводить правозащитную деятельность.

На мой взгляд, основной недостаток таких организаций — это отсутствие диалога с населением. Вся активность правозащитных организаций направлена на власть. Они критикуют ее, борются с коррупцией, с милицейским беспределом и т. п. При этом правозащитные организации проявляют в основном протестную активность, не предлагая альтернативных конструктивных решений. Поэтому у них невелика поддержка среди населения: ожидать, что они смогут добиться существенных изменений в политике власти не приходится.

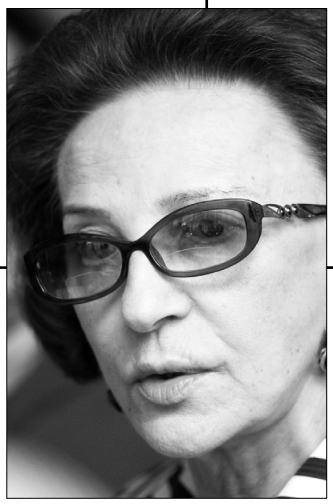
Куда двигаться дальше?

Самая большая проблема нашей власти — это неэффективное, слабое местное самоуправление. Жители каждый день сталкиваются с хамством, произволом, беспределом местной власти, чиновников, управляющих компаний. Федеральные структуры пока ничего изменить не могут.

Если правозащитные организации смогут направить все свои силы и профессиональные знания на совершенствование местного самоуправления, на улучшение кадровой политики, на улучшение жизни обычных граждан страны, то они получат поддержку и голоса населения.

Отметим, что эффективным общественное участие можно считать, когда важные проблемы включаются в повестку работы властных структур, а заявленные потребности определенных социальных групп учитываются при принятии бюджетных решений.

*Адвокат Юрий Маркович Шмидт**



Тамара Морщакова, доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного суда РФ (1991–2002)

Трудно без волнения говорить о таком замечательном человеке, как Юрий Маркович Шмидт, в день его 75-летия. Мы говорим «адвокат», но на самом деле речь идет о том, что люди, принадлежащие к этой профессии, более чем кто бы то ни было из представителей любой другой, в том числе и юридической, профессии призваны вскрывать, если хотите, нравственный смысл права. Это обязывает ответить, какие ценности право содержит, чтобы люди понимали, почему так надо им дорожить. Это делают адвокаты, и это должно служить высокому престижу адвокатской профессии.

Надо сказать, что к профессии адвоката в нашей стране относились всегда неадекватно. Например, наши теоретики никогда не признавали и почему-то даже не замечали формулу, предложенную одним из классиков марксизма-ленинизма, Энгельсом, согласно которой каждая профессия имеет собственную мораль. Ну, какая мораль могла признаваться в советское время основой таких профессий, как судья, следователь, адвокат, и разве была у каждой из этих профессий своя мораль? Нет, это отрицалось, потому что они все вместе и по призыву государства должны были выполнять определенные социальные или заказанные государством функции совсем не правозащитного свойства. Они должны были совсем за другое бороться, и в этом смысле этические правила их деятельности, коль скоро их цели были одинаковые, не могли различаться.

В те времена родились формулы, призывающие представителей юридических профессий к тому, чтобы все они боролись за законность, за защиту интересов государства, против преступности, за то, чтобы искоренить ее. Именно тогда появилась масса

** Выступление в «Мемориале» на вечере в честь 75-летия Ю.М. Шмидта.*

понятий, неведомых миру. Юрий Маркович как-то сказал о кампанейщине в области привлечения к уголовной ответственности, которая всегда мешала не то что материальную истину, а хоть какой-нибудь смысл в этой правоприменительной и правоохранительной деятельности найти. Поскольку появились такие понятия, как «социалистическая законность», «социалистическая (опять же) демократия», «борьба с космополитизмом», «враги народа». Не знаю, в какой еще правовой системе можно найти такой букет уникальных понятий. Увы, эта традиция продолжается и в наше время, когда говорят о суверенной демократии, о ручном управлении, об управляемой демократии.

Но что важно, хорошие адвокаты были всегда. Именно поэтому, я думаю, тезис о том, что адвокат это еще и призвание, несомненен. Честный адвокат всегда, так или иначе, помогал обществу понимать ценности права, отстаивать их в практической деятельности. Адвокатам приходилось отвечать на вопрос: для чего необходимо право, почему у него только один этический смысл — признание высшей ценности человеческой личности. Адвокатская деятельность демонстрировала, что защита прав личности возможна только правовыми средствами. Не топором и мечом, а именно правовыми средствами обеспечивается защита человека, его прав и свобод. Эти ценности и правовые средства всегда обязывали адвоката к определенному поведению — без этого он не может сделать, собственно, ни одного шага и в любом деле должен настаивать на соблюдении права и процедурных правил, установленных — тем или другим, хорошим или плохим — законом. Важно здесь даже не содержание закона, поскольку он бывает неточен, жесток, несовершенен, а именно выявление в нем нравственного начала.

Выявление же в законе нравственного начала, высокого нравственного смысла, если вспомнить, например, о временах нашей истории после судебной реформы 1864 года, связывалось с гуманистическими задачами адвокатуры. И когда мы говорим сегодня о нашем юбиляре Юрии Марковиче, я считаю, что его жизнь и деятельность тесно связаны со служением именно гуманистическим, нравственным нормам и правилам деятельности адвоката и адвокатской профессии.

Эти правила ясно сформулированы в кодексе адвокатской этики, в соответствии с которыми адвокат должен честно, добросовестно, квалифицированно, принципиально, своевременно обеспечивать защиту прав и свобод своих доверителей. Он должен использовать все законные средства и руководствоваться высшими правовыми принципами. Но возможно ли в полной мере это? Ведь даже в последнее время, когда у нас провозглашено состязательное судопроизводство, то есть в производстве по уголовным делам обвинение и защита пользуются, казалось бы, равными процессуальными правами, реально в суде обвинению позволено все. Оно может, например, приобщить какие-то дополнительные документы к письменным материалам дела или представить в суде любые доказательства, в том числе сомнитель-

ные, которые могут быть сфальсифицированы стороной обвинения. А суд при этом утверждает, что у него нет оснований, чтобы не доверять представителям публичной власти. Или в уголовном деле могут быть закреплены кипы макулатуры, по сути не содержащей весомых фактов, а судья их принимает, в то время как документы, материалы и данные, представленные адвокатом, судом отвергаются, потому что они получены не в той форме, в которой их получают обычно представители обвинения. Адвокат по закону не имеет права проводить ни обыски, ни эксперименты, ни выемки, ни экспертизу. Публичное же обвинение, представленное прокуратурой, таким правом наделено и может представить экспертное заключение.

Честный адвокат всегда, так или иначе, помогал обществу понимать ценности права, отстаивать их в практической деятельности. Адвокатам приходилось отвечать на вопрос: для чего необходимо право, почему у него только один этический смысл – признание высшей ценности человеческой личности

Суд может оказывать мощное давление на адвоката, которое заключается, например, в том, что адвокат при «чрезмерной» настойчивости в активном осуществлении защиты своего клиента может получить предупреждение от судьи, что он будет удален, потому что мешает осуществлению правосудия. Более того, суд может обратиться, и это распространенная практика, в орган адвокатского сообщества и потребовать, чтобы адвоката, который якобы мешает осуществлению правосудия, привлекли к дисциплинарной ответственности. Как адвокату реализовывать свою функцию защиты, которая в таких высоких словах описана в кодексе адвокатской этики, если его жалобы на вынесенный незаконный и необоснованный судебный акт, как правило, отвергаются? То есть вместо каких-либо возражений, аргументов против доводов адвоката просто провозглашается, что «все ранее вынесенные решения являются законными и обоснованными».

Все это происходит и часто ставит адвоката в тяжелую, конфликтную, но одновременно и очень почетную, практически в героическую позицию в его отношениях с судебной властью, государством, когда власть не хочет подчиняться праву и ущемляются права и свободы человека, которые должны защищаться как высшая ценность.

Есть один исторический анекдот, который связан с личностью великого, как считается, нашего государя Петра Первого, который однажды при своем посещении в Англии палаты лордов увидел где-то в углу зала много людей в черных мантиях и белых париках. Спросил тех, кто сопровождал его: «Это кто такие?». Ему ответили: «Это адвокаты». «Зачем так много? — удивился государь. — У меня дома есть двое, но и то, когда вернусь, одного повешу». И это отношение власти сопровождает, к сожалению, нашу адвокатуру на всем протяжении ее деятельности.

Фрэнк Стелла. Разделенный пополам. 1984

Несмотря на это, как я уже сказала, в России всегда были хорошие адвокаты. Всегда были защитники, поведение которых было образцом не только для молодых, но и для зрелых людей, которые в таком поведении находили для себя ободрение и важные ориентиры.

И в этой связи мне хочется сказать о том, что имеет отношение к нашему юбиляру, к замечательному представителю адвокатской профессии. Ведь необязательно, чтобы было много героев или все были образцовыми; чтобы сформировать нравственный образец поведения, достаточно одного примера.

Я очень люблю маленькое эссе у Андрея Битова, который написал о традиции. В нем выражена замечательная мысль: «Традиция создается одним случаем». Хочу добавить, традиция создается и одним челове-

ком. Я думаю, что Юрий Маркович своим поведением, своей жизнью всегда подавал пример, который вдохновлял потом многих.

Я знаю, что Юрий Маркович с большой любовью относится к поэзии Иосифа Бродского. И мне хочется привести здесь слова, которые поэт написал о своих жизненных устремлениях, потому что мне кажется, они очень схожи с тем, что всю жизнь делал Юрий Маркович. Я нисколько не боюсь высоких слов, потому что по отношению к юбиляру это не является завышенной оценкой: высокое естественно присутствует в его человеческом призвании. А Бродский написал: «Дойти не томом, не домом, не прочным водопроводом, не отдаленным громом, не крестовым походом». И дальше еще несколько строф, а завершается все строфой: «Но вздрагивающим в метели, но избегнувшим тлена пламенем Прометея над посохом Диогена». Вот те две сути, что поэт соединил так гениально, — пламя, но пламя разумное, мудрое, и это выражает, как мне кажется, смысл всего, что делал всегда Юрий Маркович и что создавало для нас идеал адвоката и, если хотите, нравственного учителя.

Хочется еще сказать огромное спасибо Юрию Марковичу за то, что он простил меня в одном моем прегрешении. Где-то в 2005 году было опубликовано мое интервью в «Новой газете» среди прочего и по поводу теоретической правовой школы Санкт-Петербургского, а прежде Ленинградского университета. Я позволила себе сказать тогда, что школу публичного права, которая господствовала в этом университете и которая сохраняет свои традиции, я никак поддержать не могу, потому что она ставит на первое место интересы государства, а не охраны достоинства личности. Этот приоритет отражался и на адвокатской деятельности: многие ленинградские адвокаты признавали, например, что в уголовном процессе они не только вправе, но и обязаны занимать отличную от позиции своего доверителя юридическую позицию в процессе и могут даже признать его вину, вопреки тому, что сам человек свою вину отрицает. Потом я покаялась перед Юрием Марковичем с глазу на глаз в категоричности этих своих слов, потому что к нему, тоже выпускнику ЛГУ, это никогда не относилось. Он единственный, может быть, представитель санкт-петербургской правовой школы, которого для меня было бы больно не то что обидеть, но даже как-то потревожить своей оценкой.

И последнее, несомненно заслуживающее внимания, о чем я хотела бы вспомнить. Это слова известного российского адвоката Федора Никифоровича Плевако, который сказал, что «нельзя легко относиться к тому, когда унижают честь человека», что «легкое отношение к этому рождает в обществе такое безучастие к людям, которое превращает их самих в толпу рабов, забывающих о ценностях достоинства человеческой личности». Достоинство человеческой личности защищает Юрий Маркович всю жизнь, это суть его профессии, суть его призвания. Спасибо за это, дорогой Юрий Маркович!

Иван Крастев, председатель совета Центра либеральных стратегий, София; главный редактор болгарского издания журнала «Foreign Policy»

*Дефицит будущего**

Так случилось, что я не был в Советском Союзе, первый раз приехал уже в Россию — в 1993 году. Но те, кто приезжал в СССР в 70–80-е годы, рассказывали, что советские люди часто говорили о будущем. А позже — стали говорить о прошлом.

Чтобы было понятно, почему меня заинтересовала проблема будущего, поясню: год назад, когда я писал статью о президентских выборах в России, я попросил моего друга купить и прислать мне все свежие книги, которые появились в российских магазинах. И то, что он прислал, меня изумило. Конечно, он прислал много книг о президентских выборах, а также... о «конце света». Потому что решил, если на обложке написано «2012», значит, о выборах, а оказалось, что это книги о «календаре майя», по которому конец света должен наступить в 2012 году. И болгарская пророчица Ванга тоже, как известно, предсказывала, что в этом году что-то случится. Так что меня это заинтересовало: почему раньше люди воспринимали будущее скорее как инженеры, в виде проекта, а теперь стали говорить о конце света и выходить на митинги с плакатами «До свидания, будущее», «Прощай, будущее». А в Америке возникло молодежное движение на Wall Street под лозунгом «Верните будущее». Данные же последних социологических опросов в Европейском союзе показывают, что 60 процентов европейцев думают, что их дети будут жить хуже, чем живут они.

Повторяю, мне стало интересно, что случилось с воображаемым будущим?

Если смотреть на проблему с экономической точки зрения, то очевидно, что во второй половине XX века были общества сбережений или насильственного сбережения, дефицита, как в советское время. По-

** Выступление на семинаре Школы в Голицыно 28 июля 2012 г..*

скольку, если у тебя нет возможности что-то купить, ты невольно становишься бережливым как бы во имя будущего и своих детей. Настоящее при этом не имело особого значения. И в капиталистических странах сберегающий человек в 50–60-е годы тоже был главной фигурой.

А то, что мы видим сегодня, это не общество сбережения, а скорее общество кредита. Мы потребляем, если так можно выразиться, свое будущее уже сегодня, когда берем, по сути, кредит у своих детей наряду с традиционным перераспределением доходов более богатых людей. Лишь страховые компании продолжают думать о будущем, то есть о том, как им минимизировать риски.

Я думаю, что в России очень сильный поколенческий разрыв в понимании фундаментальных ценностей, своего места в жизни, отношения к будущему, и власть за последние пятнадцать лет ничего не сделала для того, чтобы каждое поколение поняло опыт других

Назову в этой связи три фактора, которые имеют непосредственное отношение к политике, в первую очередь европейской.

Первый — старение населения. Несколько лет назад вышел роман лауреата Нобелевской премии, португальского писателя Жозе Сарамаго «Перебои в смерти» (2005 г.). Автор рассказывает в нем об одной, естественно, вымышленной стране, в которой в январе никто не умер, в феврале не умер и в марте, и это вызывает в обществе ощущение победы. Никто не умирает, значит, возможно бессмертие! А в апреле начинаются проблемы. Вначале занервничала церковь, потому что, если никто не умирает, обессмысливается ритуал панихиды и церковь терпит убытки. Потом стали нервничать страховые компании, а потом те, кто заботились и ухаживали за больными и пожилыми людьми, решили, что им это тяжело, и они так устроили, чтобы этих людей контрабандой отправлять в другие страны, и там они умирали. После чего через несколько месяцев премьер-министр пошел к королю и сказал: «Ваше Величество, если мы не начнем умирать, у нас не будет будущего».

Я привел это в качестве примера, чтобы напомнить, что теперь мы живем намного дольше, чем несколько десятилетий назад, и нынешний демографический тренд довольно сильно меняет наши представления о будущем. Во всяком случае, только 80-летних среди европейцев лет через десять будет 4%. А это уже совсем другая структура общества.

Второй фактор — «будущее молодежи». Но молодежь, не только в России, игнорирует выборы. В результате голосующих людей старшего возраста становится все больше. И, на мой взгляд, политикам стоит обращать на это внимание, так как конфликт поколений становится серьезным политическим конфликтом, учитывая, что у молодых людей нет работы, их деньги уже потратили родители, они потеряли власть. Я говорю о нашем континенте. Это не относится к странам Ближнего Востока или Африки, но Россия тоже является частью этой проблемы.

В результате развития Интернета оказалось, что культурная пропасть между поколениями намного глубже.

Почему я все это говорю? Потому что кризис, наступивший в России после президентских выборов, на мой взгляд, свидетельствует, что люди начинают снова задумываться о своем будущем. Ведь проблема демократических выборов не в том, что, проголосовав, люди управляют страной. Но, благодаря нормальным выборам, тем не менее происходят перемены, а если думать только о настоящем, что оно будет таким всегда, и при этом ждать конца света, то оптимизма не прибавится. Это третий фактор.

Дефицит будущего как проекта и дефицит оптимизма очень важная структурная проблема, имеющая отношение к политике, которую власть не может решить без институтов демократии.

Есть довольно много исследований, которые показывают, что в обществах, в которых большой уровень несогласия, существует возможность большего выбора из предлагаемых решений. Известно, что те компании, где принимаются неединодушные решения, получают лучшие финансовые результаты. Почему? По одной простой причине. Когда у людей разные мнения и они вступают в дискуссию, факты, на которые раньше не обращали внимания, могут подсказать путь к более мудрому решению.

То есть разные мнения, в том числе и меньшинства, могут менять мнения большинства. Подтверждают это и психологические исследования, согласно которым человека, способного изменить ваше отношение к тому, с чем вы не согласны, вы начинаете воспринимать как часть вашего со-общества.

Вся история демократии — это история конструктивного несогласия. Однако стоит появиться человеку, рассуждающему ясно и убедительно, атмосфера в обществе меняется. В болгарском языке, например, слово «компромисс» имеет негативный оттенок, потому что многие слова, относящиеся к политике, сформировались и вошли в оборот у нас из опыта военных действий. В английском же — из торговли. Поэтому, когда болгарин говорит о человеке, что он бескомпромиссный, это высшая похвала. Но ведь, если человек бескомпромиссный, значит, он не готов уважать чужое мнение и считаться с ним.

Мне кажется, главное, что произошло в России за последние месяцы в результате кризиса, возникшего после выборов, это то, что уровень общей толерантности со стороны властных структур очень снизился. Уже не достаточно, чтобы ты был просто лояльным, теперь надо быть воинственно лояльным. Поэтому критики режима оказались в трудном положении, как и те, кто считал, что нужно разговаривать с властью. У меня такое впечатление, что исчезает общее публичное пространство. Власть утверждает, что участники митингов получают деньги из «госдепа», а люди из оппозиции в свою очередь обвиняют власть в фальсификации результатов выборов, в коррупции и криминальных сделках. Но когда каждая из сторон уверена, что она права, очень трудно начать диалог. Возможно, я не прав, поэтому хотел бы услышать ваше мнение об этом. У меня ощущение, что в обществе назрели перемены и перед нами двойная проблема: политическая поляризация происходит одновременно с поколенческой поляризацией из-за трудностей социализации нового поколения.

Дискуссия

Михаил Кириллов, *специалист по связям с общественностью аппарата Общественной палаты Ульяновской области:*
— Как известно, существует разница между политической теорией и реальной политикой. Складывается впечатление, что сейчас политологам гораздо интереснее обсуждать эту разницу, «выпуская пар», а не преодолевать ее.

Иван Крастев:
— Это классическая проблема, реальная политика всегда контекстуальна. Очень трудно понять, что происходит в реальной политике, если не знаешь все. Теперь люди стали больше интересоваться тем, что происходит в других частях мира, полагая, видимо, что их это как-то затрагивает. И ждут, что появится некая общая идея по поводу того, что происходит в мире. Но проблема в том, что никто не может знать все. А с другой стороны, людям нужна понятная картина мира, как во времена холодной войны и противостояния двух мировых систем — социализма и капитализма. Ее можно было принимать или не принимать, но тогда, между прочим, было легко с кем-то или с чем-то соглашаться или не соглашаться.
А сегодня все рассуждают об интересах. Разумеется, интересы очень важный фактор. Но есть ведь еще эмоции. Политологи стремятся, как правило, все объяснять в рамках рационального анализа. Однако месть, например, они не могут объяснить, хотя бы потому, что для человека, который мстит, будущее не имеет никакого значения, он руководствуется исключительно чувством, то есть в результате того, что свершилось в прошлом.
И вторая трудность. Я думаю, тем, кто родился в светском, секулярном обществе, трудно понять мотивацию религиозного человека. И дело не в том, что происходит сейчас на Ближнем Востоке. Проблема в том, что вообще трудно, если не знаешь контекст, понимать реальную политику, потому что в ней участвуют реальные люди с их чувствами и страстями.
После того как я ближе узнал вашу страну, меня заинтересовала одна очень важная категория, а именно — категория опыта. Приведу пример. Когда начался кризис 2008 года, я был удивлен ассиметричной реакцией России и Китая на то, что происходит. В Китае специалисты говорили, что это довольно тяжелый экономический кризис и американцы, конечно, от него пострадают, но не сегодня. В следующие

10–15 лет Америка сохранит свое господствующее положение в мировой экономике. В России же реакция была другая, от самых разных людей, включая специалистов, я слышал: Америка не справится с кризисом, ей конец. Чем был обусловлен этот вывод? Думаю, опытом людей, которые пережили распад Советского Союза. Для них представить себе, что супердержава может рухнуть буквально за неделю, было не трудно. А китайцы этого не пережили.

Безусловно, любой опыт очень важен. Но для реальной политики мало абстрактного опыта, нужен анализ современного контекста, без которого политики бывают жертвами прошлого успеха или провала. Ты повторяешь то, что сработало, а контекст довольно сильно меняется.

Для меня очевидно, что политику делают не академики. Полагаться на знание реальной политики исходя из того, что люди интересуются, скажем, только деньгами, я думаю, сегодня недостаточно.

Станислав Станских, *руководитель Центра конституционной истории, г. Омск:*

— На семинаре мы говорили о влиянии разных религий на развитие демократии и пришли к выводу, что изменение политической культуры возможно, в том числе в православной культуре. Но путь к демократии при этом более сложный. Из всего христианского мира православные страны более бедны и наименее демократичны. Можно в качестве примера сослаться на Сербию, Грецию, Россию, Украину и т. д. Из этой логики выпадает, очевидно, Болгария, если смотреть на это как на закономерность. Что вы думаете по этому поводу? И вообще, что вы думаете о влиянии православия и православной церкви на развитие демократии?

Иван Крастев:

— Вы знаете, я никогда не воспринимал Болгарию как положительный пример. Посмотрим на две разные дефиниции православия: как на традицию и на фактор влияния православной церкви сегодня. Болгарская православная традиция древняя, но, с другой стороны, церковь в Болгарии слабая. Почему так случилось? Фактически во всех балканских странах православная церковь играла очень важную роль в формировании национальных государств. Болгарин оставался христианином и в конце оттоманского владычества. С этой точки зрения церковь никогда не имела идентичность, отличную от государства, но в результате, хотя во времена социализма это было довольно трудно, она тоже была частью политической машины. Так что традиция сохраняется. Чтобы быть частью православной традиции, не обязательно быть верующим человеком. В Болгарии наше отношение к государству, к земле — результат культурной традиции.

Ваша церковь, как в Греции, всегда была влиятельной силой. Но, с другой стороны, трудно судить, насколько это сила государства, а

насколько — церкви. Позволю себе шутку, я раньше думал, что разница между католиками и православными в том, что католики всегда исповедуются в церкви, а мы в полиции.

Все это имеет, на мой взгляд, прямое отношение к проблеме будущего. Ведь будущее стало идеологически и политически важным, потому что его сакрализация была частью десакрализации религии. Земное будущее в какой-то момент начало играть ту же роль, которую «небесный мир» играл до этого. Когда религиозные представления ослабли, мне, например, в Болгарии было странно наблюдать, почему церковь у нас решила выступить против абортов, когда только 8 процентов населения поддержало эту идею. В болгарском обществе это уже пройденный путь, у нас нет по этому поводу дебатов. Есть общества, для которых это продолжает быть важным, но не для Болгарии.

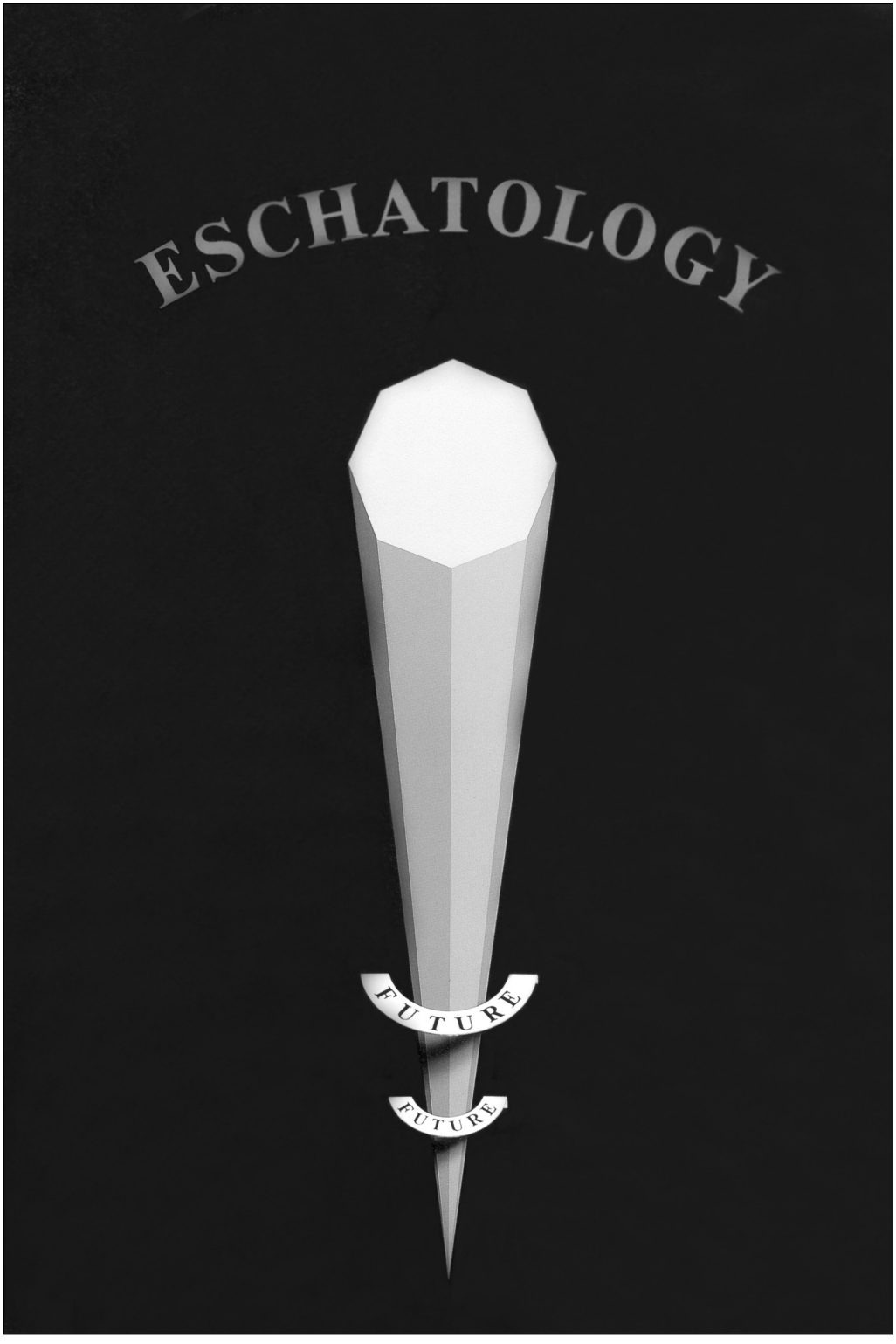
Я не думаю, что религиозная традиция является тормозом для демократического развития. Идет ли речь о Болгарии, Греции или Сербии. В рамках каждой традиции вы сможете найти свои демократические корни. Между прочим, для католиков в свое время демократия тоже не была очевидной...

То есть я хочу сказать, что на связь религии с демократией обращает внимание не столько население, сколько элиты, которые хотят демократии. И знаете, почему? Потому что в глобальном мире сложно управлять экономикой, а демократическая система подразумевает плюрализм взглядов и позиций. Тогда как авторитарный режим базируется на том, что ты должен поступать так, как предписано. Эта большая разница объясняет, почему, несмотря на то что есть довольно сильное разочарование в демократии, нет авторитарного идеала. В России появились элиты, которые предпочитают демократию. Между прочим, даже если вы поедете в Китай, то там вам никогда не скажут, что авторитаризм это хорошо. Они говорят, что просто темпы демократизации Китая помедленнее. Но нет никого, кто защищал бы классические авторитарные формы правления.

В этой связи можно сравнить кризисы 1930-х и 1970-х годов. В 30-х годах люди потеряли веру в рынок, считая, что государство может функционировать как экономический агент. В 70-х не верили, что государство может сработать, и снова стали доверять рынку. А теперь нет веры ни государству, ни рынку. Это новая и сложная ситуация, в которой предстоит разбираться.

Вячеслав Некрасов, *руководитель лаборатории регионального развития и социально-управленческого проектирования Сургутского государственного педагогического университета:*

— Когда вы говорили о реальной политике, о выборе элит, я подумал: мы все прекрасно знаем, что Россия долгое время упорно воевала за то, чтобы Болгария стала свободной и независимой. Но получалось так, к сожалению, что в решающие моменты Болгария оказывалась в стане врагов России. Так было во время Первой мировой войны и



Зви Голдштейн. Будущее. 1985

Второй мировой войны. И сейчас фактически мы не можем сказать, что Болгария — союзник России на Балканском полуострове. Вы не могли бы объяснить, почему так происходит?

Иван Крастев:
— Это трудный, но очень интересный вопрос. Потому что за последние сто лет, о которых вы говорите, у нас никогда не менялось позитивное отношение болгарского населения к России. Между прочим, если вы даже сегодня проведете социологические опросы, то увидите, что болгарское общественное мнение — это самое сильное прорусское общественное мнение в Европе.
Очевидно, вы не знаете, что в 1942 году, когда Болгария была союзником Германии, последняя требовала, чтобы болгарские войска воевали на восточном фронте. Тогда царь Болгарии пригласил немецкого посла в Софию на встречу с солдатами софийского гарнизона. Он попросил, чтобы все офицеры вышли, и сказал: «Солдаты, здесь только я и вы. Я хочу, чтобы все, кто хотел бы, чтобы Россия выиграла войну, сделали шаг вперед». И 70 процентов солдат сделали шаг вперед. Тогда он обратился к немецкому послу: «Господин посол, и вы хотите послать этих солдат на Восточный фронт?». В результате болгарские войска никогда не были на Восточном фронте.
Почему, несмотря на это, Болгария не оказывалась союзником России в европейских конфликтах?
Первое — это позиция Российской империи в отношении болгарского государства после освобождения. Для России главным был баланс сил. Для нее объединение Болгарии создавало проблемы с Австро-Венгерской империей и с Германией. Для Болгарии национальное объединение было самым главным. Когда в 1885 году объединились северная и южная части Болгарии, Россия была против. А Великобритания поддержала, потому что это была другая геополитическая игра. Для Болгарии проблема единства всегда была самым важным геополитическим фактором, что вынуждало ее лавировать между центрами силы. Поэтому в Первой мировой и во Второй мировой войнах Болгария оказывалась против России. В 1915 году даже были столкновения между болгарскими и русскими войсками. Но болгары не любят это вспоминать.
Если вы будете сравнивать отношение к России после конца коммунизма, вы увидите, что в Болгарии никогда не было таких сильных антисоветских и антирусских настроений, как в других странах Восточной Европы. Этому есть объяснение: в Болгарии после войны не было советских войск. Было, конечно, довольно много людей из комитета государственной безопасности, но их просто не замечали.
А в 1990-х Россия замкнулась на себе, потеряла интерес к политике всех маленьких стран.
Между прочим, во внешней политике России всегда была такая проблема, она не знала, что делать с маленькими странами, как относиться к их суверенитету. Для нее очень трудно понять, что маленькая

страна может быть суверенной. Маленькая страна может быть или союзником или противником.
У Европейского союза абсолютно обратная проблема: ему очень трудно выстраивать политику по отношению к большим государствам. Евросоюз очень хорошо знает, что делать с маленькими государствами, а вот Россия, Китай — это проблема. И не только политическая.
В Болгарии не было никогда всплеска антироссийских настроений, даже когда началась эта история с памятником Советской армии в Софии... Даже люди достаточно сильно настроенные антисоветски, никогда не были антирусскими. И это тоже часть культурной традиции.
С другой стороны, вопрос о том, с Россией мы или нет, не является ключевым для Болгарии при определении своего положения в Европе и мире. Для нас важны другие вопросы. Когда Болгария решила стать частью Европейского союза, вступила в НАТО, это не было антироссийской политикой. Я думаю, проблема российской стороны в отношениях с Болгарией в том, что Россия считает себя намного важнее для болгарской политики, чем наоборот.

Руслан Мацухов, *координатор проектов Молодежной ассамблеи «Единый Кавказ», Кабардино-Балкарская республика:*
— Вопрос по поводу конфликта поколений. Например, в России мы сталкивались с этим у Тургенева. Можно видеть в Базарове молодого демократа, а в Кирсанове — либерала. У них тоже были постоянные споры. Сегодня старшее поколение смотрит на все происходящее, анализирует и думает, лишь бы не было хуже. И есть молодое поколение, которое хочет чего-то добиться. Различается ли конфликт поколений у нас и в других странах Европы?

Иван Крастев:
— Я думаю, что поколенческая проблема — не российская специфика, а проблема глобальная. Однако у вас есть свои особенности.
В чем разница? Разница, конечно, в том, что вы потеряли страну, независимо от того, как вы к ней относились. Для иностранного наблюдателя Советский Союз — только коммунизм, а для граждан бывшего СССР это страна, в которой они жили. А для большинства молодых людей СССР ничего не значит, они просто не представляют, что это была за страна.
В результате этого появился разный опыт поколений. Есть поколение, либерализм которого основан на протесте против советского опыта несвободы.
А есть «поколение Путина», для которого главное — избежать нестабильности 90-х годов. Говорят, что в биографии Путина служба в КГБ очень важный этап. Но для меня есть более важный вопрос. Когда перемены начались, его не было в СССР, он был в Восточной Германии. Когда ты вне своей страны, а эта страна радикально меняется, это намного страшнее, чем когда ты внутри, потому что ты

ничего не понимаешь, кроме одного — мир вокруг рушится! Путин наблюдал, как это происходит в Германии, и отсюда, может быть, его инстинктивное отношение к резким переменам, к стабильности. Те же чувства испытывали люди в самом СССР. Это очень сильное потрясение для старшего поколения, поэтому, я думаю, оно понимает Путина. У нового поколения совсем другие проблемы — скорее материального, чем духовного свойства. И даже не имеет никакого значения, где они стоят политически. Скажем то, что старое поколение видит как стабильность, для них стагнация. Я думаю, что в России очень сильный поколенческий разрыв в понимании фундаментальных ценностей, своего места в жизни, отношения к будущему, и власть за последние пятнадцать лет ничего не сделала для того, чтобы каждое поколение поняло опыт других.

Повторяю, поколенческая проблема есть везде, но здесь она более драматическая.

Елена Немировская:

— Мне все-таки кажется, что поколенческий конфликт в конце концов преодолевается, поколения всегда стараются друг друга понять, хотя делают это с трудом. Меня все-таки больше заботит институциональный кризис, потому что сегодня власть так устроена, что из ее отношений с обществом исключается фактор доверия, а включается на полную мощь функция контроля. И это институциональная проблема, проблема мышления. Что делать с институциональным кризисом?

Иван Крастев:

— Я думаю, что дефицит доверия очень важное институциональное измерение кризиса. Что произошло в связи с последними выборами? Никто не сможет понять современную Россию, если не будет понимать значения контролируемых выборов. Никто не станет изучать историю Советского Союза через выборы, потому что они не имели никакого значения. А если вы хотите узнать историю России за последние двадцать лет, делать это надо, изучая именно выборный процесс и его результаты.

Проблема контролируемых выборов, я думаю, что это очень важно, в легитимности власти... Мы знаем, что в ходе последних выборов были явные нарушения, но допускаем, что, если бы они были честными, Путин все равно выиграл бы. Я думаю, однако, что только совершенно честно полученные голоса оправдывают легитимность власти.

Я думаю, что проблема России не просто в слабости государственных институтов. России не просто ответить на вопрос, «кто мы как политическая общность», понять, что общего между отдельными частями и что их реально разъединяет. Это и есть кризис политического общества, кризис доверия.

Скажем, советская идентичность возникла во время Второй мировой войны, которая объединила нацию. Вплоть до 40-х Сталин опасался, что Советский Союз распадется. Сегодня я не вижу идеи, такого кол-

Ричард Принс. Медсестра. 2002

лективного дела, которое позволило бы людям доверять друг другу. Это большая проблема.

То, что я скажу, абсолютно политически некорректно, но, на мой взгляд, очень важно: могут быть честные выборы, но при этом тотальный паралич власти. Думаю, что тут гораздо важнее другое: стало уже невозможно решать проблемы через механизм контролируемых выборов. То, что работало 10–12 лет, уже не работает. В России сейчас слишком сложные проблемы. И когда настаивают на том, что достаточно, чтобы к власти пришли честные люди в результате честных выборов, надо понимать, что это только начало перемен, а не решение всех проблем. Тому же старшему поколению надо честно объяснить, каков был замысел перестроечного проекта, что удалось сделать, что не получилось и почему.

Совершенно согласен, есть тяжелый институциональный кризис. Мы говорили об этом с некоторыми из участников семинара: нет вертикали власти, есть вертикаль безнаказанности.

Лебедев Дмитрий, *депутат муниципального совета «Черная речка», Санкт-Петербург:*

— Интересно узнать, как болгарское общество и власти относятся к болгарским некоммерческим организациям, получающим финансирование из-за рубежа. Как вы относитесь к российскому закону об иностранных агентах? Мне интересен ваш взгляд как иностранного политолога.

Иван Крастев:

— Первое — в Болгарии такой проблемы нет. Второе — я думаю, что это просто глупо со стороны власти. Одно дело, если ты лоббируешь интересы какого-то государства, тогда могут быть предусмотрены какие-то меры контроля, но в неправительственных организациях...

Почему я говорю, что это глупо? Потому что такое законодательство, такая антизападная риторика были бы понятны в Советском Союзе, который был закрытым государством. Но в открытом мире как можно представить работу на Западе российских компаний или фондов в результате этого закона? Это внутренняя символическая политика, когда власть хочет показать другим людям, что она круче.

Ядвига Рогожа, *эксперт по российским вопросам Центра восточных исследований, Республика Польша*:

— Вопрос о ценностях. Когда я смотрю на Польшу, на людей моего поколения, моего круга, я вижу две тенденции. Одна — это тенденция к либерализации, которая сопряжена с секуляризацией. Другая, противоположная в каком-то смысле, тенденция возвращения к более традиционным ценностям, оставляющим меньшее поле для сомнений. Европа в целом неоднородна, но нельзя не замечать, с одной стороны, кризис разных европейских ценностей, начиная с экономиче-

ских, заканчивая культурными, а с другой — сильный напор со стороны других культур, у которых поле для сомнения очень небольшое, но они довольно напористые. Как вы видите существование этих разных ценностей? И каков ваш прогноз на будущее?

Иван Крастев:

— Когда я говорил о поколенческой проблеме, я имел в виду не общую политическую позицию всех поколений, а их политический диалог. В нем могут быть противоположные позиции, но главное, что он идет.

С этой точки зрения Польша намного интереснее, чем Болгария или другие страны. Потому что в польской жизни католическая церковь была важным интеллектуальным и моральным фактором. В годы коммунизма легитимность церкви в Польше обеспечивала не бытовое, как в Болгарии, а ценностное содержание социально-политической жизни.

Что касается Европы, то, поскольку здесь укореняются другие сильные культурные и политические идентичности, нам надо искать решение проблемы утверждения ценностей европейских и ответить на вопрос: что значит быть европейцем?

В Европе есть то, что я назвал бы демографическим страхом. Это опасение европейского большинства потерять национальную идентичность. Тут говорят: «Пока мы большинство. Но сколько еще мы будем большинством?» И этот страх может вызвать радикализацию политики в отношении иммигрантов.

Обеспокоенность заметно выросла во время «арабской весны». Когда она случилась, европейские политические наблюдатели говорили, что может повториться 1989 год, когда распался Восточный блок и на Запад хлынули потоки иммигрантов.

С другой стороны, более либеральная часть европейского общества склонна к гибким решениям этих проблем. Не забывайте, что европейский либерализм родился в результате религиозных войн, когда удалось договориться не спорить о Боге, потому что о Боге договориться невозможно, а «делать математику», потому что тут договориться можно.

Есть блестящая книга, которую я вам очень рекомендую почитать. Ее написал замечательный немецко-американский экономист и социальный мыслитель Альберт Хиршман, она называется «Страсти и интересы». Он рассматривает историю Нового времени в Европе как преодоление средневековых страстей и видит им замену в институциализации материальных интересов, потому что об этих интересах проще договориться, чем об абсолютных ценностях. И при этом подчеркивает, о чем не стоит забывать, что, когда Европа в XVII веке родилась как политический континент в результате религиозных войн, в Германии погибла одна треть населения. Это был коллективный опыт Западной Европы.

Обе эти тенденции, я думаю, будут действовать и в отношении современной европейской идентичности. Какая из них станет доминирующей, трудно сказать...

Юлия Гранат, *эксперт по этноконфессиональным проблемам Фонда современной истории, г. Омск:*
— В Европе появляются националистические партии. Некоторые представлены даже в парламентах. Это «Золотая заря» в Греции, «Истинные финны» в Финляндии и другие. Может ли национализм ожить в полной мере и стать угрозой существованию Евросоюза, как некогда национальный вопрос катализировал распад Советского Союза?

Иван Крастев:
— Очень интересный и нелегкий вопрос. Я довольно много в последний год занимался исследованием логики распада разных крупных общностей. Скажем, какие уроки Евросоюзу надо извлечь из распада Советского Союза? Или из распада Австро-Венгерской империи? Или из распада Югославии?
Во время распада Австро-Венгерской империи существенную роль играл фактор национального самоопределения и демократизации на уровне нации. Распад советской системы был связан с ощущением, что есть какая-то другая модель, которая будет лучше этой, которая не работает.
То, что происходит в Европейском союзе, это, конечно, кризис солидарности в сообществе. Но, с другой стороны, где альтернатива? Покажу это на примере Греции. Все говорят, что Греция распалась, что там есть проевропейские и антиевропейские силы. Это говорят люди, которые никогда не видели социологические опросы. А эти опросы показывают: 83 процента греков хотят, чтобы Греция осталась частью еврозоны. И в то же время 87 процентов греков не хотят, чтобы Греция выполняла кредитный меморандум. Партии, которые мы называем умеренными, готовы выполнять условия кредитования, чтобы остаться в еврозоне. Другие политические силы против этих условий, но также и против выхода из еврозоны.
Когда речь идет о национализме, который обнаружился во многих странах, у него нет альтернативы европейской политике. Если бы они были властью, что бы они сделали?..
Между прочим, уровень поддержки радикальных партий в Европе намного ниже, чем можно было ожидать в результате кризиса. К тому же самым тяжелым стал кризис на периферии Европы, а не в ее ядре, где формируются главные черты европолитики и производятся основные богатства евросообщества.

Знакомим читателя с нашими свежими изданиями, публикуя аннотации и фрагменты текста, дающие представление о книгах.

Горин Д.Г. Интеллектуалы и свобода. Опыт научного сообщества в дореволюционной России. — М.: Московская школа политических исследований, 2012. — 152 с.

Какая связь между развитием науки, университетской автономией и проектом демократии? Как эта связь проявилась в судьбе российского "ученого сословия", осознающего необходимость гражданского просвещения? В поисках ответов на эти и другие актуальные для современной России вопросы автор обращается к истории гражданской активности российской профессуры XIX – начала XX века. В современном контексте этот опыт важен не только для понимания истоков гражданского общества и его потенциала, но и для опровержения распространенного тезиса о несовместимости идеалов права и свободы с традициями российской культуры.

ОТ АВТОРА

Ученые, философы, писатели творят, чтобы сказать нам: «Вы думаете, что дела обстоят таким образом, но вы тешите себя иллюзиями, потому что на самом деле все неизмеримо сложнее». Так делали все интеллектуалы, которых мы проходили в школе, их звали Парменид, Эйнштейн, Кант, Дарвин, Макиавелли или Джойс.

Умберто Эко

Работа над этой книгой совпала с необычным для России последних лет всплеском гражданской активности. Успешные, хорошо образованные и энергичные люди, сторонившиеся еще недавно не только политической жизни, но и любого открытого проявления гражданской позиции, вышли на площади Москвы и многих российских городов с требованием честных выборов. Тогда казалось, что гражданское общество вдруг осознало свое единство и обрело свой собственный голос. Но подобные процессы не происходят одномоментно. И если

сегодня возникают очевидные основания говорить об укреплении гражданского общества, то предпосылки гражданской активности вызревали задолго до событий, ставших финалом эпохи «нулевых».

Сквозь оттепели и разочарования, переживаемые разными поколениями граждан нашей страны, постепенно приходило осознание зависимости между личными перспективами и необходимостью открытия легальных каналов социальной мобильности, заблокированных коррупцией и режимом «ручного управления». Социологические предпосылки развития гражданской активности можно отыскать в динамике структуры советского и постсоветского общества. Оформление слоя самостоятельных и активных людей происходило в последние десятилетия весьма сложно и противоречиво. Однако этот длительный, но все более очевидный процесс обретения гражданского самосознания имеет свои предпосылки не только в социальной структуре. Не менее важным является вызревание в культуре России духовной традиции гражданского мышления. Открытие гражданской свободы и осознание гражданской ответственности — процесс, пожалуй, еще более сложный, чем формирование слоя потенциальных носителей гражданских идей. Гражданские чувства невозможно заимствовать, их нельзя имитировать за деньги или проявлять по приказу «сверху». Единственная возможность обретения чувства гражданственности — это многолетнее культивирование его в своей культуре. И, возможно, — не для себя, а для последующих поколений.

Ретроспектива зарождения гражданского самосознания в России драматична, прерывиста, но многообразна и интересна. Она наполнена не только великими разочарованиями, но и блистательными примерами, способными и сегодня вселить уверенность в победе свободы и ответственности над унижением и апатией. Одним из наиболее ярких эпизодов в этой ретроспективе является опыт сообщества университетских ученых XIX и начала XX века.

Именно XIX век стал временем, когда в российском обществе оформились нравственно-психологические и общественно-политические предпосылки гражданской активности. Через сто лет после Петра I заложенная его преобразованиями имперская модель абсолютистской монархии начала обретать очертания, далеко выходящие за рамки европейских прообразов. Попытки создания идеократической империи, дополненной самодержавной властью и системой политического сыска, воплотившегося в эпоху правления Николая I в известном Третьем отделении, — представляют собой весьма органичные этапы эволюции все той же петровской монархии. Такая эволюция российской власти не могла не породить в обществе противоположных стремлений к укреплению ценностей гражданских прав и свобод. Стремления эти находили многообразное проявление в культуре XIX века. Вся общественная жизнь в тот период стала результатом гражданского раскрепощения, когда различные общественные и культурные тенденции обретали свои голоса. Голоса эти звучали в разных форматах: литературное творчество и наука, публицистика и общественно-политиче-

Эрнесто Микагеллес. Победа воздуха. 1931

ская мысль, музыка и светское богословие... И звучали они настолько громко, что преодолели не только цензурные ограничения, но и свою эпоху.

Становление сообщества университетских ученых в дореволюционной России — всего лишь один из примеров открытия пространства гражданской свободы. Но обращение к этому примеру необходимо сегодня не только для понимания истоков гражданского общества, но прежде всего для опровержения легковесного, но весьма распространенного тезиса о том, что идеалы гражданских прав и свобод являются чуждыми для российской культуры. Опыт гражданской активности «ученого сословия» в дореволюционной России привлекает устойчивой способностью университетских профессоров поддерживать собственную идентичность и сплоченность, отстаивать принципы регуляции внутренней жизни университетов в социальных условиях, радикально отличавшихся от жизни остальной России.

Что касается названия книги, то оно указывает на суть проблемы: связь между рождением сообщества интеллектуалов и осознанием необходимости гражданской свободы. Возможно, у кого-то из читателей вызовет недоумение слово «интеллектуалы» в названии вместо, казалось бы, более уместного «интеллигенция». И это недоумение будет вполне обоснованным: интеллигенция — феномен именно русской культуры, отражающий связь интеллектуальных занятий с вполне конкретным набором духовно-нравственных черт, отличающих идеальный образ русского интеллигента от западного интеллектуала. И даже более того, именно слово «интеллигенция» отражает тот тип интеллектуала, который появляется в обществе, переживающем однобокую модернизацию. Но в данном случае выбрано именно слово «интеллектуалы». И причин здесь несколько. Одна из них в излишней идеологизации понятия «интеллигенция». Еще в начале XX века, после выхода сборников «Вехи» и «Интеллигенция в России», эта идеологизация привела к нескончаемым и весьма запутанным спорам на тему о том, кто из русских интеллектуалов интеллигент, а кто нет. «Насколько чудовищно мнилось до революции назвать интеллигентом священника, настолько естественно теперь зовется интеллигентом партийный агитатор и политрук», — писал в середине 1970-х годов Александр Солженицын, сделавший вывод о том, что это понятие, так и не получив четкого определения, утратило свой смысл. Споры об интеллигенции мне хотелось бы оставить за рамками книги, которая лишь частично касается этой проблемы. Поэтому в название поставлено слово «интеллектуалы», пусть менее определенное, но свободное от излишней в данном случае идеологической стереотипизации.

В современном социально-политическом контексте история университетского научного сообщества интересна еще, как минимум, по двум причинам. Одна из них состоит в необходимости осмысления взаимосвязанных судеб университета, социально-гуманитарного знания и проекта демократии. В культуре постмодерна наблюдается явный упадок и первого, и второго, и третьего. Этому спаду предше-

ствовал триумф наук об обществе и человеке, обосновывавших эффективность демократии. И этот триумф был связан с университетами, ставшими центрами гражданской активности. Пожалуй, символическим пиком этого подъема был 1968 год, когда в разных странах вышедшие на улицу студенты стали генераторами ценностей свободы и обновленного гуманизма. Какова связь между университетом, наукой и гражданскими свободами? Как эта связь проявила себя в судьбе интеллектуального сообщества дореволюционной России? Что происходит с университетскими интеллектуалами сегодня и как взаимосвязаны упадок университетского этоса и кризис привычных представлений о демократии? В условиях мирового финансового кризиса, природа которого, очевидно, не сводится к финансам, эти вопросы обретают новую значимость.

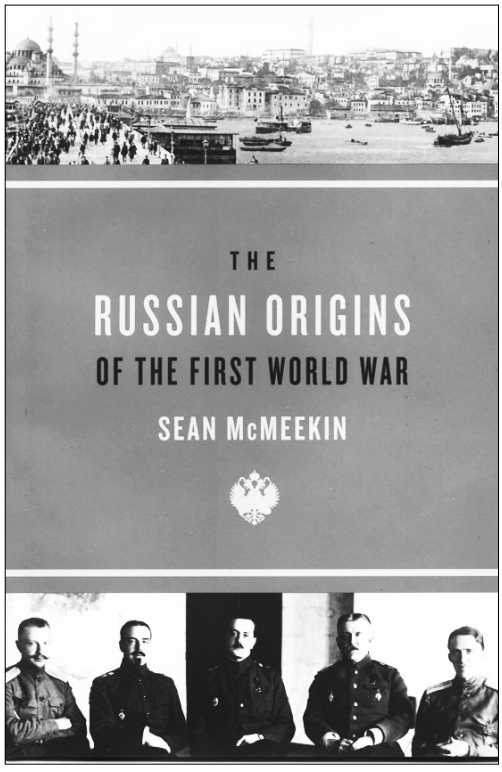
Вторая причина связана с аналогиями, которые можно увидеть между событиями гражданской и политической жизни России последних лет и ситуацией XIX и начала XX века. Разумеется, любая историческая аналогия — вещь не только занимательная, но и опасная. И тем не менее. В то время так же, как и сегодня, перед властью стояла проблема модернизации. Появление и развитие университетов было вызвано именно этими модернизационными потребностями. Но и тогда, и сегодня власть стремилась найти такую форму модернизации, которая позволила бы провести технологическую реконструкцию при одновременной консервации общественной и политической сферы. Стремление открывать университеты и развивать там науки соседствовало с упорным нежеланием проводить назревшие политические реформы и трансформировать режим самодержавия. Это означает, что университетские свободы необходимо было сдерживать таким образом, чтобы наука не породила критику неэффективной власти, а университеты не стали бы рассадниками конституционных и демократических идей. Так же и сегодня: власти хотелось бы перевооружить экономику, запустить инновационное развитие, но так, чтобы оно не поставило под сомнение режим «ручного управления» и не привело к необходимости модернизации политической системы и общественных отношений.

Насколько успешной может быть такая урезанная программа реформ? К чему вообще ведет однобокая и неорганичная модернизация — модернизация по инициативе власти, блокирующая любые попытки раскрепощения общества? И главное: как на фоне этих противоречивых процессов происходит рождение целого слоя, представители которого помимо личных и профессиональных интересов начинают осознавать свой общий гражданский интерес? Вряд ли эти вопросы можно считать новыми. Но в российской политике и культуре они обретают то свое «проклятое» свойство, которое заставляет искать на них ответы каждый раз заново.

Дмитрий Горин,
г. Санкт-Петербург, май 2012 года

Первая мировая как российская авантюра?

Sean McMeekin. The Russian Origins of the First World War. Cambridge, Mass.: The Belknap Press of the Harvard University Press, 2011. — 324 p.



Автор этой книги, безусловно, прав: роль Российской империи в Первой мировой войне исследована далеко не до конца. Действительно, в России до сих пор, в отличие от многих европейских государств, более значительным пиететом пользуется не Первая, а Вторая мировая война, и на то есть свои веские причины. Тем не менее по своему фундаментальному влиянию на последующее социальное, экономическое, политическое развитие российского общества «империалистическая» война явно превосходит «великую отечественную» войну. Сдвиги в траектории России, вызванные потрясениями 1914–1918 годов, поистине фундаментальны: из-за них в стране изменилось *все*. И, напротив, колоссальное напряжение 1941–1945 годов, несмотря на всю его беспримерность, так и не смогло радикально переустроить Советский Союз, в послевоенной жизни которого не изменилось почти *ничего*.

С этой точки зрения появление любой новой исторической работы, посвященной изучению тех задач, которые империя Романовых ставила перед собой, вступая в грандиозный общемировой конфликт, можно считать событием. Причем эта книга обращает на себя внимание не только тем, что ее автор, будучи американским ученым, преподает международные отношения в турецком университете. Сам его взгляд на проблему уже был назван многочисленными рецензентами «нетрадиционным» и «новаторским», а диапазон откликов со стороны научного сообщества варьирует от безудержных восторгов до столь же бурного негодования. Необычный резонанс объясняется просто: Шон Макмикин совершил покушение на давно устоявшийся консенсус, согласно которому ответственность за развязывание Первой мировой войны следует однозначно возлагать на Германию и ее союзницу Австро-Венгрию. С его точки зрения, главным инициатором развязывания общемировой бойни выступила Россия.

Опираясь на широкий массив архивных источников, автор пытается пересмотреть буквально все исторические постулаты, на которых строятся наши представления о кровавых событиях 1914–1918 годов. С его точки зрения, Россия, которая была стратегически заинтересована в сокрушении Османской империи, препятствовавшей ее экспансии на юг, готовилась воевать в первую очередь в бассейне Черного

моря. Сербия и Балканы, напротив, к началу XX столетия уже не были русским приоритетом: ультиматум, предъявленный венским двором сербскому правительству в июле 1914 года, был лишь удобным предлогом для того, чтобы развернуть всеобщую мобилизацию — имея в уме десантную операцию по захвату Константинополя с последующим расчленением соседней империи. Предвидя возражения тех, кто полагает, будто в первом десятилетии нового века, в отличие от эпохи Достоевского и последней русско-турецкой войны, черноморские проливы утратили свою значимость и перестали интересовать Петербург, автор ссылается на аргументы военного и экономического характера.

Согласно его данным, Россия была очень встревожена программой перевооружения, запущенной правительством «младотурков» после революции 1908 года: пять мощнейших дредноутов, заказанных Стамбулом на западных верфях и ожидаемых к осени 1914 года, могли радикально изменить баланс сил на Черном море и поставить русский флот в крайне тяжелое положение. В самой России три корабля аналогичного класса должны были сойти со стапелей лишь в 1915 году. Кроме того, предвоенная российская экономика, развиваясь темпами нынешнего Китая и прибавляя по 10 процентов ежегодно, отчаянно нуждалась в свободном доступе на рынки сбыта. Между тем Османская империя, как держатель черноморских проливов, была очень ненадежным партнером. Сегодня только историки помнят, что Первой мировой войне предшествовала скоротечная итальянско-турецкая война 1912 года, в ходе которой турки ненадолго перекрывали проливы. Эта акция нанесла сильнейший удар по экономике Российской империи, зерновой экспорт которой в 1912 году упал на треть. То же самое повторилось и во время Балканских войн 1912–1913 годов: судоходство, правда, тогда не прерывалось, но дезорганизация торговли, вызванная военными действиями в непосредственной близости от Босфора, сократила поступления от российского экспорта 1913 года на 20 процентов по сравнению с 1911 годом. Подобная зависимость от турок была сочтена недопустимой, а уничтожение Османской империи превратилось в принципиальную задачу России в ходе подготовки к назревающему глобальному столкновению.

В профессиональном сообществе зарубежных историков-русистов книгу Макмикина в основном раскритиковали. «Он пишет не как историк, а как прокурор, выступающий в уголовном процессе», — заявил в рецензии на нее знаменитый Ричард Эванс, прославившийся опубликованной недавно по-русски трилогией об истории Третьего рейха. Нисколько не сомневаюсь, что в современной России, пребывающей в зените «ресурсного империализма», исследование американского ученого тоже будет встречено с возмущением. За год, прошедший с момента его выхода в свет, отечественный сегмент Интернета уже изошел патриотическим негодованием. Но, на мой взгляд, это нормально: новое слово нужно встречать со страстью. Причем я отнюдь не утверждаю, что Макмикин прав — просто другой взгляд, особенно если он как-то аргументирован, имеет право на существование и опровергаться должен только в ходе открытой научной дискуссии. Боюсь только, что подобное обсуждение нам не светит: американский профессор почти наверняка попадет в число «фальсификаторов российской истории», а это значит, что его любопытная, хотя и очень спорная книга о России 1914–1918 годов никогда не будет переведена на русский язык. Впрочем, хотелось бы ошибаться.

Андрей Захаров

Региональное книжное обозрение

Альтернативы регионального развития (Шабунинские чтения): материалы II Международной научно-практической конференции, Волгоград, 7 — 8 окт. 2011 г. / редкол.: Д.В. Грушевский (отв. ред.) [и др.]. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011. — 487 с., [12] с. ил.

Назвать книгу «Альтернативы регионального развития» сухим научным изданием невозможно, несмотря на внушительный иконостас авторитетных и остепененных авторов. Скорее это путеводитель по загадочному, простирающемуся на тысячи километров миру за пределами Московской кольцевой автомобильной дороги. И не только... Также по миру за пределами Алматы, Берлина, Братиславы, Варшавы, Вашингтона, Еревана, etc. Столицы в книге, выражаясь научным языком, иногда выведены за рамки исследования, иногда учитываются как погрешность, иногда рассматриваются как раковые опухоли экономического пространства, требующие срочного хирургического вмешательства. В общем, это мир с альтернативных точек зрения.

Авторы — исследователи СЕО, лидеры НКО, государственные деятели и представители местного самоуправления из Армении (Ереван); Германии (Берлин); Казахстана (Алматы); Польши (Варшава, Лежайск, Люблин); России (Архангельск, Волгоград, Калуга, Махачкала, Москва, Нальчик, Новосибирск, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Саратов, Ставрополь, Якутск); Словакии (Братислава), США (Чикаго), Узбекистана (Фергана) Украины (Киев, Полтава); Эстонии (Нарва) — встретились в октябре 2011 года в Волгограде на II Международной конференции «Альтернативы регионального развития», посвященной памяти ученого и государственного деятеля И.П. Шабунина (1935–2006).

В этом издании представлены их доклады: идеи, концепции, стратегии, исследования, кейсы проектов, реализованных в различных регионах мира. В книге нет слова «провинция». Есть территории — города, места, регионы — как системообразующие элементы глобального мира. Они уникальны, самодостаточны и современны. Тексты издания пронизывает культура, как присущая данному месту смыслообразующая категория, определяющая направление научно-технического прогресса, вектор развития экономики и общества.

С этой точки зрения интересны тексты, описывающие систему планирования в Чикаго (Э. Дж. Харрис), алгоритм реформы государственного и муниципального управления в Польше (А. Вычарска, М. Саган), объясняющие роль личности в истории, плюсы и минусы современных

институтов, децентрализации, способствующей раскрытию потенциала менеджеров, компаний и территорий. Познавательна и, на мой взгляд, перспективна футуристическая модель регионального развития Армении (А. Мангасарян), остроумен и эстетичен текст «Черный федерализм: африканский опыт и Российская Федерация» (А.А. Захаров), в котором проводятся параллели экспериментов и опыта конституционных реформ в несопоставимых, на первый взгляд, культурах.

Ряд работ посвящен соотношению традиции и модернизации как противоположным, но взаимодополняющим парадигмам развития. Более того, авторы утверждают и доказывают на примерах, что в отдельных регионах, отраслях и бизнесах можно достичь высоких темпов социально-экономического развития, модернизируя институты и культуру, но не изменяя производственные технологии; имеется в виду технологический аспект модернизации (М.В. Бронский, Д.В. Грушевский, Д. Новотна, П.Л. Меньшуткин, Н.К. Фигуровская). Правда, им рядом оппонируют сторонники всепроникающего трансфера инноваций (А.С. Воротилов, В.О. Мосейко).

Ряд материалов посвящен стратегиям развития территорий путем реализации проектов в области искусства и исторической памяти (А.К. Вальме, А.-К. Топп, М.Б. Чижевская), человеческого потенциала (С.И. Шмелева) и «зеленых технологий» (А. Буларга, О.А. Сперанская). Таким образом, регионы оказываются просвеченными с различных альтернативных точек зрения.

Почти в каждом тексте — дух Московской школы политических исследований (МШПИ), который резюмирован в докладе С.И. Шмелевой «Дискуссионный talk». Он очень созвучен описанному в тексте Э. Дж. Харрис «Духу Чикаго», управляющего ментальной матрицей мегаполиса. Выпускники школы изменяют мир вокруг, наполняя его новыми идеями, смыслами и поступками. Можно сказать, что С.И. Шмелева и авторы других текстов книги возвращают в мир исчезнувшего в 70-е годы XX века «человека разумного», способного творить новый мир, самостоятельно принимая решения. То есть человека, для которого не имеют большого смысла выражения типа «благодаря невидимой руке рынка», «волей случая», «в силу обстоятельств» и т. д. Поэтому регионы, в издании, в меньшей степени зависят от природно-климатических и институциональных факторов и в большей степени — от воли и разума.

Главная идея издания сформулирована в предисловии (А.Н. Ахвердиев, Д.В. Грушевский, Л.М. Кириченко): опыт регионов... разный, порожден географией, ментальностью, культурой конкретного места и не может быть воспроизведен в любой точке планеты полностью. В основе развития лежит разнообразие идей, стратегий и практик, образующих взаимообогащающий целостный мир уникальных регионов, способных жить своим умом.

Элина Печонова

Контрапункт

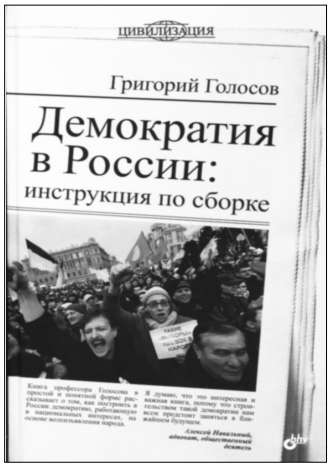
Владимир Рыжков, политик, публицист

ЗАПРОС НА ПЕРЕМЕНЫ

Григорий Голосов. Демократия в России: инструкция по сборке. — СПб.: БХВ — Петербург, 2012. — 208 с.

Важным интеллектуальным и общественным итогом «нулевых годов» (путинского десятилетия) можно считать глубокую рефлексию, проделанную политиками, интеллектуалами, экспертами по поводу истории и итогов первых двух постсоветских десятилетий. Все эти годы продолжались сопровождаемые горячими дискуссиями исследования как эпохи 90-х годов, так и первого десятилетия нового века. В результате можно говорить о формировании широкого консенсуса в среде интеллектуалов и экспертов в отношении минувших двадцати лет. Вполне и ясно и выпукло осмыслены главные ошибки, системные пороки обеих моделей общества, государства и экономики — ельцинской и путинской. Очевидны теперь институциональные, организационные, культурно-политические препятствия для успешного развития страны. Понимание этого выявило бесперспективность ранее примененных моделей, подготовило почву для роста запроса на перемены, роста протестных настроений в российском обществе, спроса на изменения среди миллионов «рассерженных горожан».

Можно утверждать, что огромная исследовательская и просветительская работа, проделанная за последние годы российскими интеллектуалами, помогла обществу сформировать новую повестку дня для страны — сначала для оппозиции, затем для миллионов граждан, а потом и для самого правящего режима. Под давлением интеллектуального сообщества, оппозиции и широких кругов граждан власти вынуждены были заговорить на новом для себя языке. Они ввели в политический дискурс понятия



модернизации страны, открытости, подотчетности, борьбы с коррупцией и строительства современных эффективных государственных институтов. Ясно при этом, что правящий режим ограничивается лишь разговорами и использованием новой риторики в пропагандистских целях, имитируя перемены, но сам факт смены общенациональной повестки дня невозможно отрицать.

Среди тех, кто все последние годы активно размышлял над итогами постсоветского двадцатилетия, формировал основные смыслы, выводы и предложения для будущего, можно назвать Лилию Шевцову и Григория Явлинского, Георгия Сатарова и Михаила Краснова, Николая Петрова и Алексея Малашенко, Сергея Алексашенко и Кирилла Рогова, Михаила Дмитриева и Сергея Белановского, коллективы Левада-центра и ИНСОРа.

Все они доказывают на основе серьезных аргументов — стране жизненно нужны перемены. К счастью, мы встречаем новые вызовы и грядущие изменения не с пустыми руками. Усилиями десятков и сотен специалистов и коллективов подготовлены концепции и подробные программы судебной и полицейской реформ, комплексной борьбы с коррупцией, развития федерализма и местного самоуправления, экономических и социальных реформ. Все эти разработки ждут своего часа, когда откроется новое окно возможностей для преобразования страны.

Россия — политикоцентричная страна. Без политических изменений не будут реализованы никакие другие реформы. Относительно необходимых изменений в политической системе также можно говорить о широком экспертном и общественном консенсусе, что нашло свое отражение и в резолюциях массовых акций протеста в конце 2011 — начале 2012 года. Главным является требование отказа от авторитаризма и перехода к реальной демократии, со свободой слова, политических объединений, собраний и митингов, с честными и свободными выборами, реальными федерализмом и местным самоуправлением.

Эти требования содержатся сегодня в программах большинства политических партий, резолюциях акций протеста, научных рекомендациях политологов, юристов, социологов, их разделяют все основные политические направления — от либералов до левых и националистов. Власти стремятся заигрывать с этими настроениями, предлагая свои имитационные реформы, пытаясь оттянуть тем самым время принятия необходимых решений. Давление со стороны общества в направлении перемен нарастает, и рано или поздно стране предстоит перейти от слов о политических реформах к делу. Тут и понадобятся

исследования и проекты минувшего десятилетия. Россия наделала уже немало тяжелых ошибок в своей постсоветской политике. Новая попытка устроить политическую систему должным образом обязана стать успешной.

Одним из тех людей, кто постоянно и глубоко анализирует российскую политику уже на протяжении многих лет, является известный политолог из Санкт-Петербурга, профессор петербургского Европейского университета и постоянный колумнист ряда центральных СМИ Григорий Голосов. Недавно он свел основные выводы своих многолетних размышлений в книге «Демократия в России: инструкция по сборке». Книга ценна не только глубоким и профессиональным анализом основных проблем российской политической системы, но и остроумным разоблачением главных антидемократических мифов, используемых государственной пропагандой и бытующих в народе, а также развернутым системным видением сути реформ политической системы. Г. Голосов в ряде случаев предлагает обществу весьма детально проработанные проекты таких реформ.

Так, отрицательно оценивая действующую избирательную систему, призванную поддерживать авторитарный режим и его монополию на власть, прямо говоря о том, что выборов в России фактически больше не осталось, Г. Голосов тем не менее выступает против возвращения к той системе выборов в Государственную думу, которая использовалась в 90-е годы. Он предлагает сохранить в будущем чисто пропорциональную систему выборов депутатов (только по партийным спискам), но при этом избирать депутатов Думы не в одном огромном округе, включающем в себя всю страну, а «в округах сравнительно небольшой величины». В этом случае в каждом таком округе будет избираться 5–7 членов парламента, что позволит обеспечить представительство всех основных политических сил страны и одновременно связать депутатов персональной ответственностью перед населением конкретных территориальных единиц.

В отношении губернаторских выборов Г. Голосов, вопреки широкому общественному мнению и мнению большинства оппозиционных сил и экспертов, выступает против прямых всенародных выборов. Это вызвано его опасением возврата к реалиям 90-х годов, когда с помощью прямых выборов в десятках регионов были сформированы авторитарные режимы в форме электоральной автократии. По этой причине Г. Голосов полагает, что губернаторы должны выбираться региональными парламентами, а лидеры партийных списков на региональных выборах фактически должны выступать на этих выборах как кандидаты в будущие губернаторы, со своими программами регионального развития. Для успеха такой модели на выборах в регионах должна применяться смешанная система (поровну депутатов по партийным спискам и от одномандатных округов), при загра-

дительном барьере для партий в 3%. Также следует расширить законодательные и политические полномочия региональных парламентов, в том числе право отправить губернатора в отставку и выбрать нового силами обновленной коалиции парламентского большинства.

Эти новаторские предложения Г. Голосова заслуживают дополнительного обсуждения. Ведь и прежняя, допутинская, система выборов депутатов Госдумы (половина депутатов по партийным спискам и половина — от одномандатных округов при 5%-м заградительном барьере), неплохо работала, позволяя как развивать и укреплять партии, так и реально представлять население страны во всем его региональном, этническом и религиозном разнообразии. Парламент тогда был не в пример сильнее и ярче нынешнего.

Точно так же прямые выборы губернаторов населением регионов могут не обязательно привести к воспроизводству региональных авторитарных режимов, если будут проходить в обстановке реальной политической конкуренции, а полномочия региональных парламентов и депутатов будут законодательно значительно расширены. Также неочевидным кажется предложение Г. Голосова о сохранении за президентом страны широких возможностей «федерального вмешательства» в дела регионов, в том числе права увольнять всенародно избранных губернаторов в связи с «утратой доверия», а также назначать и. о. губернатора в том случае, если региональный парламент никак не может прийти к согласию по этому вопросу. Мне представляется, что это не только не вписывается в действующую конституцию, но и чрезмерно по существу. Право увольнять избранного губернатора может иметь только суд и региональный парламент, да и то только в строго оговоренных законом случаях. Если оставить такие непропорционально большие полномочия президенту, это серьезно подорвет политическую самостоятельность глав регионов, поставит их в зависимость от расположения московских чиновников, сделает лояльность перед Москвой более важной, чем лояльность своим избирателям, что скорее будет напоминать не новое, а нынешнее положение дел.

Григорий Голосов, как и многие другие авторитетные эксперты, полагает, что институциональный дизайн, закрепленный в Конституции 1993 года, во многом предопределил сползание России к авторитаризму. Главный недостаток действующей конституции — полномочия исполнительной власти, в первую очередь президента. Как пишет Г. Голосов, «по большому счету, эта конституция подходит только для авторитаризма».

Как и я, автор не верит, что само по себе изменение текста конституции может стать панацеей для исцеления России от язв авторитаризма и открыть путь к устойчивой демократии. Сначала должны произойти реальные политические изменения, а уж затем можно закреплять

достигнутые рубежи в тексте конституции. В ней нужно ограничить полномочия президента и четко разграничить полномочия президента, правительства и парламента. Вся законодательная деятельность должна стать исключительным делом парламента, правительство должно формироваться парламентом и быть ответственным перед парламентом. За президентом должны остаться вопросы обороны, внешней политики, безопасности. При этом у него не должно быть полномочий в области экономики и социальной политики, бюджета. За политический сыск и преследование оппозиции и иного инакомыслия должен возбуждаться импичмент президенту. Таким образом, главной фигурой внутренней политики должен стать премьер-министр, избираемый парламентским большинством, а не президент, как последние 20 лет.

Но как добиться политических изменений, которые открыли бы дорогу к реформам политической системы, включая реформу конституции? Здесь, два самых главных шага, по мнению Г. Голосова, — добиться свободы политических объединений (партий) и свободных честных выборов. Это откроет дорогу всем последующим изменениям. «Первые шаги должны быть направлены на восстановление демократии. Конституционная реформа — это следующий шаг, который понадобится потому, что мы заинтересованы не только в демократизации, но и в долгосрочном демократическом развитии, с которым Конституция 1993 года не очень совместима».

Григорий Голосов ярко показывает всю несостоятельность распространенных у нас антидемократических мифов, с помощью которых обосновывается необходимость и неизбежность существования авторитаризма. Это, например, активно насаждаемый властями миф о том, что Россия уже является демократическим государством и что все равно совершенной демократии не бывает и быть не может. Как и миф, что демократия в России потерпела окончательный провал и надежды на ее будущее больше нет. Как и то, что научные знания о демократии и опыт других стран в России якобы неприменимы.

Одним из самых популярных и культивируемых властями мифов является предостережение о том, что первые же свободные и честные выборы в России приведут к власти радикалов и экстремистов. На примере ряда стран, в том числе Туниса, Г. Голосов показывает, что это совсем не так — граждане демонстрируют на выборах завидные умеренность и здравый смысл. Что бы там ни говорили пропагандисты, так будет и в России. Точно так же на множестве примеров Г. Голосов показывает, что авторитаризм со временем неизбежно ведет к разрастанию коррупции и экономическому застою, вовсе не являясь чудодейственным рецептом экономического роста и социального благополучия. Особенно актуально последнее для современной России, где корыстные интересы чиновничества лежат в основе сложившейся системы, а

«рента — функция от власти, а не от собственности». «В России коррупция — это основной способ получения ренты. Иными словами, это не звено системы, а сама система».

Еще один распространенный миф — что сначала нужно развить гражданское общество, а уже потом наступит демократия. Попытки властей включить в свою орбиту общественность через разного рода общественные палаты лишь дискредитируют согласившихся на такое сотрудничество. Гражданское общество не сможет прочно встать на ноги без демократии — в условиях автократии ожидание этого может затянуться до бесконечности. «Идею о том, что гражданское общество можно вырастить в условиях авторитаризма, а потом оно само собой породит демократию, следует признать несбыточной, — пишет автор. — Для демократии нужны политические изменения».

Еще один миф — о том, что препятствием для демократии является «особый менталитет» российского общества. Спору нет: именно от особенностей национального мировоззрения зависят формы демократии или авторитаризма, принятые в разных странах.

Что же нужно для демократизации России, на которую российские власти не идут в силу того, что никакие перемены им не нужны? Для этого требуется наличие двух решающих условий. Во-первых, нужны сильные оппозиционные политики. Во-вторых, активная поддержка их со стороны граждан. В наши дни мы наблюдаем формирование обоих этих условий. Добавлю от себя и третье необходимое условие для успеха демократических преобразований — наличие гражданski ориентированных интеллектуалов и разработанного ими видения демократического будущего страны. Таких как Григорий Голосов и его практически полезные идеи и предложения.

С ЧЕГО НАЧИНАТЬ?

Сергей Пашин. Становление правосудия. — М.: Р. Валент, 2011. — 456 с.

Если книга Г. Голосова посвящена «макронастройке» российской политической системы и ее институтов, то книга Сергея Пашина являет собой опыт глубокого погружения в одну из темных и глубоких сфер российской государственности — судебную и правоохранительную системы. И погружение это открывает читателю поистине ужасные картины. Они сродни схождению по ниспадающим кругам дантова ада. Чтение книги — тяжелое, шокирующие занятие.

Сергей Пашин — одновременно свидетель и аналитик.

Он, в прошлом федеральный судья и один из разработчиков российской судебной реформы 1990-х годов, свидетельствует о том, что хоро-

шо знает. Как профессор Высшей школы экономики и настоящий ученый, он профессионально анализирует то, чему сам был живой свидетель.

Строгим научным языком ученого-юриста, с массой утомительных для дилетанта терминов и оборотов, Сергей Пашин пишет широкую и полную деталей панораму российской судебной и правоохранительной системы. Мы и так об этом много знаем или о многом догадываемся, но когда о том же со знанием дела пишет профессионал, становится не по себе.

Вот автор пишет о пытках. 80% подсудимых в стране после ареста подвергаются пыткам со стороны следствия, особенно в первые сутки после задержания. Вот он называет основные методики пыток, распространенные по всей стране («слоник», «конвертик», «распятие Христа»).

Ежегодно сотни людей гибнут, в том числе кончают жизнь самоубийством, в помещениях полиции и в подразделениях органов внутренних дел. В последнее время факты избиения и истязаний сотрудниками полиции и следственных комитетов все чаще получают широкий общественный резонанс.

Вот Сергей Пашин рассказывает о криминальном бизнесе судей и правоохранителей. Полиция предоставляет «красную крышу» легальному и теневому бизнесу, включая игорный бизнес и проституцию.

Сотрудники уголовно-исполнительной системы делают «бизнес» на передаче в «зоны» денег, алкоголя, сотовых телефонов, наркотиков, продают зэкам условно-досрочные освобождения. Суды предоставляют политические услуги, особенно по делам о выборах или по защите «чести и достоинства» чиновников.

Вот автор пишет о чудовищном обвинительном уклоне современных российских судов: российские судьи выносят менее 1% оправдательных приговоров! (Даже в сталинское время процент был выше.) Да и из этих оправданий 40% отменяется вышестоящими судьями — в 800 раз чаще, чем отмена обвинительных приговоров. В созданной системе обвинительного конвейера оправдательный приговор трактуется однозначно — как «профессиональный брак» судьи, влекущий за собой санкции, вплоть до лишения статуса судьи.

Вот Сергей Пашин рассказывает о полном отрыве судов, вопреки конституции, от граждан. В России ликвидирован институт народных заседателей, с участием присяжных рассматривается лишь 0,5% дел. Закон предусматривает избрание мировых судей населением, но на это не пошел ни один регион страны. Из многих тысяч жалоб граждан на работу судей разрешается по существу менее 4%.

Обвинительный уклон и неразрывная спайка судов с полицией, ФСБ и прокуратурой приводят к сохранению в России огромного «тюрем-

ного населения» — всегда чуть меньше миллиона человек, как минимум половина из которых не представляет общественной опасности и могла бы нести наказания, не связанные с лишением свободы. Одних только людей, отбывающих наказание по так называемым экономическим статьям, глава президентского совета по развитию гражданского общества Михаил Федотов насчитал 120 тысяч человек!

Желание полиции или следствия заключить человека под стражу всегда находит поддержку судей — в России в 91% случаев судьи удовлетворяют ходатайство об аресте подозреваемых. При этом Верховный суд прямо запретил судьям вникать в суть дела (обоснованность обвинения, наличие улик).

«Судебная реформа» начала 2000-х годов стала на самом деле антиреформой. В результате судьи стали еще жестче и грубее встроены в «вертикаль власти». «Провозглашенная независимость судей обернулась для последних, с одной стороны, вседозволенностью по отношению к гражданам, с другой — сервильностью в отношениях с председателями судов, которые сосредоточили в своих руках огромную процессуальную, административную, финансовую, кадровую, политическую власть и намеревались пользоваться ею пожизненно».

В результате система, призванная защищать граждан от посягательств государства и преступников, превратилась в свою прямую противоположность. «Суды общей юрисдикции остаются приспособлениями для обработки сотен тысяч людей до состояния заключенных». Появилась и параллельная, «черная», адвокатура, фактически работающая в интересах следствия, а не подзащитного.

Судебная и правоохранительная системы, как зловещий Молох, перемалывают население России — с 1992 по 2007 год в России были осуждены более 15 млн человек, из них более 5 млн приговорены к лишению свободы, каждый четвертый взрослый мужчина в стране судим.

Одна из причин — состав судейского корпуса, представляющий из себя смесь бывших советских «судебных работников» с их специфическим представлением о праве и выходцев из карательной системы — полиции и прокуратуры. Судей назначает президент, а рекомендации по кандидатурам ему дает соответствующая Комиссия при президенте, в составе которой доминируют «силовики» и чиновники Администрации президента.

В результате «смычка судов и “правоохранителей” оказывается главным фактором, не позволяющим сформироваться судебной власти в России».

Вырождение суда, его профессиональную и моральную деградацию общество осознает вполне и очень остро. Доверие к судам близко к нулю, люди не связывают с ними никаких надежд на защиту своих законных прав.

Неслучайно Россия — первая по числу обращений в Европейский суд по правам человека в Страсбурге. И более 60% решений ЕСПЧ связаны с нарушением права российских граждан на справедливое судебное разбирательство. Тем не менее совсем недавно бессменный глава Верховного суда России В. Лебедев вновь благополучно переназначен на свой пост.

Широко и ясно задуманная реформа начала 1990-х, реформа, выдержанная в европейском, либеральном, духе, духе великой судебной реформы Александра Второго, сначала захлебнулась, а потом и вовсе потерпела полный крах. Среди причин был дефицит политической воли реформаторов и самого первого президента Ельцина, а также сохранение советского судейского корпуса, привыкшего быть частью государственной карательной машины. Приход же к власти выходца из секретных служб окончательно повернул судебную реформу вспять. Судьи стали получать много денег и широкие социальные гарантии. Но утратили остатки своей независимости, вновь став послушными агентами государства, а не защитниками общества.

Как и Г. Голосов, Сергей Пашин не только ставит горький диагноз погибшей реформе, но и подробно отвечает на вопрос — что делать? Главный урок неудавшихся реформ 90-х годов: чтобы быть успешными, преобразования должны быть достаточно радикальными, иначе трясина новой реакции снова сведет все усилия на нет. «Судебная революция означает разумное изменение персонального состава и менталитета носителей власти», — заключает автор. Россия не получит независимого и справедливого суда без кардинальной смены нынешнего судейского корпуса. В России старых судей решительно менял Александр Второй. В Германии после объединения страны были уволены все без исключения гэдээровские судьи и прокуроры. В Англии коронные судьи рекрутируются в основном из адвокатов, со стажем работы 20–25 лет.

Необходимо широко ввести в правосудие граждан России, в том числе расширив применение суда присяжных, введя выборность судей и вернув институт народных заседателей. Также необходимо обеспечить подотчетность и прозрачность судебной системы для общества. И еще нужны тысячи конкретных мер по исправлению и гуманизации законодательства, процедур и практик.

В противном случае так все и останется, как сегодня, когда «люди в мундирах, мантиях и дорогих пиджаках являются агентами режима, а не слугами народа».

А обычной поговоркой судей останется та старая, еще советская: «Если не знаешь, как решить дело, решай его по закону» (то есть когда вопрос не предрешен волей начальства или коррупционным интересом).

Что такое гениальность? Могут ли родители повлиять на гены будущего ребенка? Отражаются ли на нашем геноме окружающая среда, продукты ГМО и образ жизни? Что важнее: происхождение или воспитание? Эти и другие вопросы ***Светлана Шмелева,*** *координатор i-класса Московской школы политических исследований (см. www.rusanlook.com) задала российскому генетику, проводящему клиническую диагностику наиболее сложных наследственных заболеваний у детей и взрослых, заведующему медико-генетическим центром при детской клинической больнице им. Филатова Владимиру Григорьевичу Солониченко*

Откуда берутся гении

Светлана Шмелева: *Владимир Григорьевич, из чего складывается человек? Что в нем наследственное, а что приобретенное? Характер, например, наследственен или нет?*

Владимир Солониченко: Вне всякого сомнения, характер большей частью определяется наследственностью. Недавно вышла книжка Акунина-Чхартишвили «Аристономия», в которой он пишет, что 1% людей — самая лучшая часть человечества и 1% — самая худшая. Но! Остальные 98%... все зависит от среды, где они формируются. И тут я с ним согласен. Можно, конечно, говорить, что самых лучших и худших не по одному проценту, а, скажем, по шесть. Или что есть асимметрия — все-таки хочется верить, что плохих меньше. Но тем не менее с центральной мыслью этого тезиса я солидарен.

(Цитаты из книги: «Не думаю, что кто-то проводил статистические исследования в этой области, однако по моим жизненным наблюдениям из каждых ста, явившихся на свет, один будет абсолютно «светел» (то есть щедро, неиссякаемо одарен Качеством — всем наилучшим. — *С.Ш.*), один абсолютно «темен» (своего рода инвалид, душа которого не способна эволюционировать), остальные же в разной степени «серы» и мимикрируют — светлеют либо темнеют — в зависимости от установившегося нравственного климата» и «Человек — это существо, обладающее свободой выбора, а стало быть, всегда могущее измениться по отношению к себе прежнему — как в лучшую, так и в худшую сторону». — *С.Ш.*).

С. Ш.: *Но что все-таки больше влияет на человека: генетика или среда?*

В.С.: Примерно одинаково. Мне всегда нравилось, как говорили классические генетики, у которых я учился в аспирантуре: с точки зрения соотношения генетики и внешней среды (воспитания, в смысле становления человека) человека можно сравнить с алмазом. Каждый человек алмаз. Но некоторых можно превратить в бриллиант! А вот превращение в бриллиант — это педагогика. Поэтому я опять

согласен с Акуниным: главная специальность — это педагогика. Не генетика, не ядерная физика, не еще что-то, а педагогика!
(Цитата из книги: «Если бы наше общество было устроено правильным образом, то важнейшей из наук являлась бы педагогика, и назначение ее заключалось бы в том, чтобы нащупать и развить в каждом ребенке присущий ему и только ему драгоценный талант». — *С.Ш.*).
Поэтому та страна, которая во главу угла ставит развитие будущего, педагогику, та и будет самой передовой. И скандинавские страны перегонят Америку, если та не очухается и не перестанет так уж ставить на деньги. Хотя я абсолютно не могу упрекнуть Штаты в том, что они не мудры. Они привлекают самых умных из всех специальностей без исключения. А мы нет.

С.Ш.: *Кстати, о педагогике. Можно ли воспитать гения или это врожденное качество?*

В.С.: Конечно, врожденное. Гений — это четкая генетика. И много работ есть, которые показывают: если ты гениален, то все равно пробьешься. Как минимум ты чего-то достигнешь в этой жизни.

С.Ш.: *Что такое гениальность, как она возникает?*

В.С.: Гениальность — это определенная генетическая конституция (или генотип), сложившаяся в результате причудливой комбинации генов в хромосомах родителей. Родители могут быть совершенно банальными людьми. Классический пример — Леонардо Да Винчи. Мама у него недалекая крестьянка, он даже сам стеснялся этого. Но красивая. За красоту ее полюбил бизнесмен. Но тоже банальный. Банальный итальянский бизнесмен, но очень зажиточный, очень порядочный. И он вырастил Леонардо. А уж Леонардо расцвел! Вот, я был аспирантом у профессора Малиновского А.А., который считал Леонардо продуктом гетерозиса. Гетерозис — это когда совершенно обычные родители рождают гения. Почему это происходит, никто до сих пор не знает. Это комбинация генов, составляющих геномы папы и мамы. И там еще какая-то эпигенетика может быть, то есть случайная комбинация.

С.Ш.: *Ген имеет национальность, ментальность или это только среда? Я слышала, что в США появилась услуга, которая по анализу крови предлагает выяснить, из каких народов происходили твои предки.*

В.С.: Ну, это очень условно. Нет гена, так сказать, еврейства, гена славянина, гена нигерийца. Просто не существует. Это очень сложный комплекс всего генома. Даже не некоторых генов, а всего генома, который до сих пор не очень понятен, не очень ясен. В основном сейчас этими делами занимаются антропогенетики, а не медики. Но единственное, что можно сказать, это о чем говорил приезжавший в Москву Джеймс Уотсон (нобелевский лауреат, расшифровавший структуру ДНК. — *С.Ш.*). Ему задавали вопрос: когда и за сколько мы сможем секвенировать (упрощенно — расшифровать. — *С.Ш.*) ген? И он ответил, что рано или поздно это можно будет делать за 1000 долларов. Вот сейчас человечество к этому приближается. (Геном Уотсона был секвенирован в 2007 году и это стоило миллион долларов. Спустя год секвенирование стоило уже в 10 раз дешевле. На вопрос: «Какую практическую

пользу вы из этого извлекли?» — Уотсон ответил: «Узнал, что плохо перевариваю молоко». — *С.Ш.*)

Другое дело интерпретация расшифровки. Это будет стоить раз в 50 больше. Таких людей на всем земном шаре в отношении которых проведено адекватное интерпретирование, сейчас можно пересчитать на пальцах одной руки. Это было лет 6–7 назад. С тех пор почти ничего не изменилось. Может быть, количество таких людей стало не 5–6, а, может быть, человек сто. Но потребность все равно на три порядка выше. Так что главное — интерпретация. А с этим колоссальные сложности.

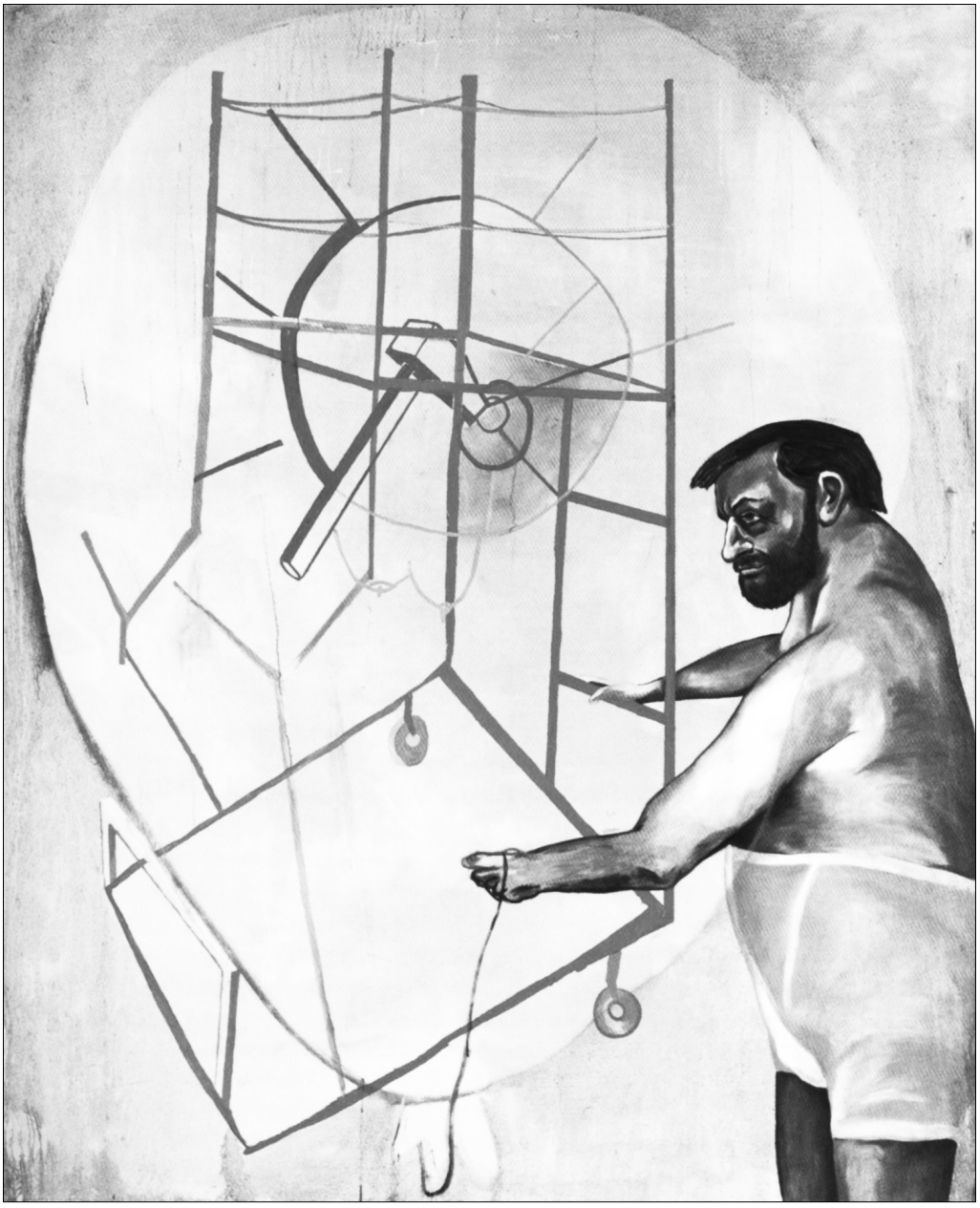
Но в этой области, с моей точки зрения, ситуация такая же, как в ядерной физике. Считалось, что познание элементарных частиц, которое до сих пор идет и открывает новые элементарные частицы, позволит нам понять сущность происхождения Вселенной и ее будущее. Но сейчас уже подавляющее число физиков убедилось, что это тупиковый путь. Сейчас уже есть системный подход, теория струн — одно из самых перспективных направлений теоретической физики.

Точно так же в генетике. Оказывается, есть не только нуклеотидная последовательность ДНК, но и то, что находится над или вне ДНК. Это область эпигенетики, то есть исследования надгенных факторов, обусловливающих функционирование генов в клетке, подавляющих нормальную их работу. Сейчас уже можно считать, что геном человека понят. Лабораторно понят. Но почему из одних и тех же кирпичиков получается хижина или великолепный дворец — вот это совершенно непонятно! И это уже следующая ступенька, которая называется эпигенетика. То есть речь идет уже не о последовательности составляющих ДНК нуклеотидов, а как именно ДНК свернута в некоторый клубочек в ядре клетки. И если этот клубочек специфичный — возникает специфичное заболевание. При этом последовательность-то одинаковая, а клубочек другой! А почему он другой — вот к этому только приближается молекулярная генетика. Это даже уже не молекулярная генетика, это будет уже клеточная генетика, безусловно. И ее называют эпигенетика. Хотя сам термин... умные люди говорили об этом еще до войны.

С.Ш.: *В бытовом языке есть понятие плохого гена. Действительно ли существует ген алкоголизма, например, или клептомании?*

В.С.: Некоторые виды алкоголизма — это часто результат воздействия одного гена. Запойное пьянство, допустим. Но это знание мало что дает. Потому что все думали: мы найдем ген инфаркта миокарда или ген той или иной опухоли — и все! Да, нашли. Но оказалось, что при инфаркте ген или их комбинация объясняют не более 5% всей патологии. Поэтому, как и в ядерной физике, здесь нужен системный биологический подход. Это не только моя точка зрения. Это точка зрения наших выдающихся генетиков.

Допустим, Вавилова Николая Ивановича, которого сгноили в тюрьме Лысенко со Сталиным. Шмальгаузена Ивана Ивановича, нашего софиста (биолог, всемирно известный теоретик эволюционного учения XX века. — *С.Ш.*). Давыденкова Сергея Николаевича, нашего клинического генетика, ну, и многих за рубежом. Эти великие люди думали об этом, когда не было молекулярной генетики. А сейчас она есть. Клиническая генетика — это знание молекулярной генетики, а не про-



Мартин Киппенбергер. Без названия. 1988

сто лабораторная манипуляция с молекулами ДНК.

С.Ш.: *Может ли среда повлиять на генетическую предрасположенность к каким-либо отклонениям от нормы?*

В.С.: Если у вас есть предрасположенность к инфаркту миокарда, и вы работаете, допустим, прорабом на стройке, то надо менять работу. Потому что инфаркт, если он у вас был, вскорости повторится. Но если вы работаете лес-

ником, не с людьми, а с добрыми существами, которые не приносят зло специально, то вероятность повторного инфаркта и вообще инфаркта у вас очень низкая. А генетическая предрасположенность в том и другом случае может быть совершенно одинаковая. Конечно, есть такие сложные, мультифакториальные заболевания, которые обусловлены какими-то генами, чаще всего не одним, и плюс влияние внешней среды. Генетики называют их полигенными заболеваниями, когда более чем 2 гена участвуют в их реализации. Для них среда имеет колоссальное значение.

С.Ш.: *Можно ли повлиять на гены будущего ребенка позитивно или негативно?*

В.С.: На сами отдельные гены повлиять невозможно. Но с помощью предимплантационной профилактики можно повлиять на грубые врожденные дефекты развития плода. Сейчас надежно доказано, что это происходит, например, в результате приема женщиной определенных витаминов до зачатия и в период зачатия, еще до имплантации оплодотворенной яйцеклетки в стенку матки. На статистическом материале очень хорошо показано, что это уменьшает вероятность грубых дефектов невральной трубки. Что это такое? Это незаращение спинномозгового канала, отсутствие головного мозга — анэнцефалия и т. д. Но профилактика снижает риск, а не гарантирует успех на 100%. Ну, и есть намеки, что назначение витаминов беременной позволяет снижать частоту врожденных пороков сердца и некоторых других пороков у плода. Но это пока еще не доказано так объективно и точно, как для дефектов невральной трубки.

С.Ш.: *Влияет ли окружающая среда, образ жизни родителей на гены будущего ребенка?*

В.С.: Нет, не влияет. Понимаете, если б влияла, то ужасные условия капитализма, которые когда-то были хотя бы в Великобритании, привели к тому, что там рождалось бы больше детей с дефектами. Но этого нет. Так что уровень генетических дефектов, если мы, конечно, не устраиваем какую-нибудь Хиросиму, остается прежний. Но нужно сказать, что и изучение последствий Хиросимы до сих пор не показало, что есть какие-то мутации, которые сказываются через поколения. Занимались этим и американцы, и японцы, но не доказали до сих пор. Были примеры мутации на уровне клеток, которые не передаются через поколения, — я имею в виду лейкозы. Наш Чернобыль тоже привел к резкому увеличению рождения детей с опухолями щитовидной железы и некоторыми другими видами опухолей. Но это, повторяю, мутации на уровне клетки, вызванные непосредственным воздействием на ядро клеток ионизирующей радиации.

С.Ш.: *В последнее время много пишут, что возросла онкология у детей. Многие грешат на внешнюю среду, на ГМО, например.*

В.С.: ГМО — это вообще глупость, миф.

А вот с внешней средой сложнее: понимаете, все-таки вероятность облучения сейчас возросла, хотя бы при диагностических процедурах, я имею в виду рентгеновское облучение. Но и тут сих пор не доказано, что оно приводит к мутациям половых клеток. Но если молодой мужчина или женщина получают терапевтическую, а не

диагностическую дозу ионизирующего облучения при лечении опухоли, то мутация половых клеток может произойти. Но это те же Хиросима или Чернобыль, только для одного человека. Геном человека, в том числе геном половых клеток, защищен так хорошо, что нет никаких доказательств, что на него может влиять внешняя среда в ухудшающем смысле. С опухолями — другое дело. Опухоли — это разрастание соматических клеток (клетки, формирующие тело организма и способствующие выживанию и размножению половых клеток. — *С.Ш.*). Например, исследуют, не вызывает ли опухоль головного мозга электромагнитные волны, излучаемые сотовым телефоном. И не могут найти доказательств.

С.Ш.: *То есть даже алкоголь и курение не отразятся на генах будущего ребенка?*

В.С.: Это глупость. Алкоголь и курение вызывают у плода конкретные дефекты, но это не генетическое, это тератогенное (вызывающее аномалии и уродство. — *С.Ш.*) воздействие химических веществ на эмбрион. Если будущая мама пьет, причем пьет достаточно много (бокал шампанского каждый день — это не тот пример, который приведет к какому-то плачевному результату, а стакан водки в день — это прилично для беременной), можно получить синдром алкогольного плода (симптомы поражения ЦНС, отставание в росте, умственном развитии. — *С.Ш.*), и то не всегда. И это зависит от генетики. Потому что есть генетическая резистентность (сопротивляемость. — *С.Ш.*). Например, мама-алкоголичка выпивала и родила ребенка с синдромом алкогольного плода, потом развелась, вступила в новый брак, пить стала еще больше, а ребенок родился здоровым. Потому что это другой папа, другая генетика, ее резистентность. Так что как бы мама ни пила, вероятность, что у ребенка будет синдром алкогольного плода, не превышает 30–40%. Другое дело, что умеренность в любом случае никому не вредила.

С.Ш.: *Можно ли определить до рождения все генетически обусловленные отклонения от нормы?*

В.С.: Не все, конечно. Если синдром можно определить с помощью анализа ДНК, то это можно использовать. Но, к сожалению, количество этих случаев пока еще не очень велико. Однако есть такой пример про фенилкетонурию (сейчас все младенцы в России должны на нее обследоваться): много лет назад в одной американской семье родился ребенок с фенилкетонурией (наследственное заболевание, связанное с мутацией генов, влекущее поражение ЦНС и нарушение умственного развития. — *С.Ш.*). Было выявлено, что родители гомозиготны, то есть в их генотипах одинаковый генный дефект. Затем установили, что и старший брат родившегося с тяжелым заболеванием ребенка является тоже носителем дефектного гена, однако он учится в престижном Стенфордском университете и имеет IQ за 160 единиц. До сих пор генетика не может этого объяснить. Если бы больной ребенок родился первым, а родители сделали бы пренатальную диагностику и не стали бы рожать второго сына, то не было бы будущего, может быть, гениального человека. Это и есть область эпигенетики, которую толком еще не знаем, а пока полностью полагаемся на молекулярную генетику.

Ванесса Бикрофт. VB 52. 2003

С.Ш.: *Скажите, имеет ли смысл делать искусственное оплодотворение тем, кто может зачать самостоятельно, но хочет избежать пороков развития будущего ребенка?*

В.С.: У экстракорпорального оплодотворения существуют некоторые свои риски. Допустим, ЭКО увеличивает риск синдромов Прадера-Вилли и Беквита-Видемана. То есть фактически всех женщин, которые проходят через ЭКО, надо проверять на эти заболевания. Они достаточно хорошо диагностируются молекулярно-генетическими методами. И, конечно, грамотные врачи должны провести ультразвуковое обследование плода. Если вы УЗИ проходите в своей районной поликлинике, где вас смотрит врач, обучившийся ультразвуковой диагностике лишь год назад, это, конечно, никуда не годится. Она может только увидеть расположение плода, как он будет идти — ягодицами или головой. А рассмотреть строение сердца, одна или две у него почки, или шесть пальчиков вместо пяти — она просто не в состоянии, у нее квалификации не хватает.

С.Ш.: *Владимир Григорьевич, вижу, у вас стоит сканер для снятия отпечатков пальцев. Знаю, что вы по ним в том числе ставите диагнозы людям с генетическими заболеваниями. А может дерматоглифика (наука о рисунках на коже) сказать что-то про обычных людей, про их предрасположенность к заболеваниям, например?*

В.С.: Конечно, может. Здесь можно что-то увидеть и у обычных людей. Каждый на планете имеет свои отпечатки пальцев, это используется давным-давно. Скоро у нас паспорта будут с отпечатками. В западном мире результаты дерматоглифики своих детишек у родителей хранятся отдельно. Это у нас к ней относятся как к хиромантии.

В отличие от криминалистической дактилоскопии, когда среди множества людей надо идентифицировать одного преступника, для медиков дерматоглифика одного ребенка в общем ничего не дает. Нам нужна хорошая база данных по отпечаткам пальцев и соответствующим диагнозам людей, максимально близких по конституции, и дерматоглифика позволяет это делать. Вот у нас, к примеру, 13 000 пациентов. Каждого вновь приходящего мы можем всегда сравнить с этими 13 тысячами и выяснить, совпадает ли у него клиника, пол и дерматоглифика. Если эти три главных параметра совпадают, значит, вероятность, что у поступившего к нам ребенка такой же диагноз, какой найден в архиве, возрастает, и это помогает врачу. Достаточно простой, надежный и доступный метод, потому что не стоит больших денег. К сожалению, у нас мало кто занимается клинической генетикой. А дерматоглифику и вовсе, по-моему, никто не использует, кроме нашей консультации и, я знаю, еще барнаульской.

С.Ш.: *Но вам все же удается передавать эту методику кому-то?*

В.С.: У нас есть молодые последователи, которые ее используют. А мы стараемся это всячески пропагандировать. Потому что дерматоглифика — настоящий клинический метод, часть антропометрии человека (система измерений тела человека и его частей. — *С.Ш.*). И, самое главное, антропометрия помогает не ошибаться, когда есть сомнения в диагностике заболевания. Потому что есть международ-

ные стандарты, выработанные еще в конце XIX века знаменитым, величайшим, гениальнейшим Френсисом Гальтоном. А такие люди, как Фрэнсис Гальтон, у нас были. Но сейчас их нет.

С.Ш.: *В каких областях медицины генетика реально приносит ощутимые результаты?*

В.С.: Трудно сказать. Есть вполне практическая область. Чтобы избежать рождения ребенка с синдромом Дауна или другим хромосомным заболеванием, после 35–36 лет всем женщинам нужно делать исследование кариотипа хромосом, то есть их морфологических признаков — формы, размеров, числа, строения и т. д. Это банальность, но в Москве очень часто это игнорируется, по глупости, по лености, по непрофессионализму, в женских консультациях. Анализ состояния хромосом во время беременности — это так легко и безвредно, что в большинстве случаев надо это делать. Если папе 55 лет и больше, тоже нужно делать такое исследование. Просто пап, которые захотели ребенка после 55 на несколько порядков меньше, чем мам, которые захотели ребенка после 35. Поэтому для них это важнее.

Вообще всегда очень важен правильный диагноз. И чем раньше, тем лучше. Это аксиома всей медицины: чем раньше вы диагностируете, например, опухоль, тем дольше будете жить. Или вообще жить нормально.

N.B.

В качестве эпилога приведу несколько цитат из Джеймса Уотсона, знаменитого биолога:

Про изменение человека: «Я не верю, что мы можем изменить людей воздействием на ДНК. Мы никогда не создадим идеальный мир... Я не верю, что генная терапия получит масштабное применение. Сначала многие осваивали эту область, но сейчас наступило разочарование. Наиболее успешно эксперименты продвигались во Франции, но у нескольких больных после терапии развилась лейкемия. Мне кажется, что главная проблема здесь в том, что трудно из несчастного сделать счастливого, просто дав ему порцию чужих генов. В последнее время я уже не слышу о масштабных экспериментах по генной терапии.

Возможно, мы вообще никогда не создадим генную терапию и не освоим манипуляции с нашим геномом. Жизнь не всегда идеальна».

И про будущее генетики: «Я бы сказал, что в последние 50 лет все больше объединялись биология и химия. Следующее, что будет происходить и, можно сказать, уже происходит, — объединение психологии и биологии. Наука будет объяснять то, что мы сейчас не понимаем, — поведение (очевидно, что гены влияют на развитие мозга. Но уже сейчас доказано, что некоторые гены, которые влияют на поведение, функционируют только у взрослых людей). Как поведение может наследоваться? Это вопрос, ответ на который мы сейчас не знаем. Загадочная вещь!».

Contents

On the Phenomenon of Democracy and Human Rights
Vladimir Lukin 5

SEMINAR

Desirable Parameters of the Russian State
Mikhail Krasnov 9

Discussion 18

The Bar in the Russian Court System
Vadim Kliuvgant 28

Discussion 34

THEME OF THE ISSUE

Social Differentiation in the Russian Space
Natalia Zubarevich 47

Discussion 55

Local Democracy: Growth Points and Growth Limits
Victor Pankrashchenko 63

CHALLENGES AND THREATS

Anatomy of Corruption in Russia – 2012
Elena Panfilova 75

Discussion 82

The Salvation of Mankind is in Man's own Hands
Alexander Volkov 86

A VIEWPOINT

«Colour Revolutions» in the Post-Soviet Space: Causes and Consequences
Mikhail Minakov 93

On Society's Social Structure and the Country's Political Development
Serguei Vassiliev 112

CIVIL SOCIETY

Civil Education in the History of Western Philosophy
Alexander Sogomonov 120

LOCAL SELF-GOVERNMENT

NGOs and the Rise of Social Activity
Liliya Khramtsova 133

A LIFE IN THE PROFESSION

Lawyer and Jurist Yurii Markovich Schmidt
Tamara Morschakova 139

HORIZONS OF UNDERSTANDING

Deficit of the Future
Ivan Krastev 144

ANNOUNCEMENT

Dmitri Gorin
Intellectuals and Freedom. The Experience of the Academic Community in Pre-Revolutionary Russia 158

BOOKS

World War I as Russia's Gamble?
Andrei Zakharov 163

Regional Book Review
Elina Pechonova 165

Counterpoint
Vladimir Ryzhkov 167

NOTA BENE

Where do Geniuses come from?
Vladimir Solonichenko 176

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:
СМИ И ОБЩЕСТВО

СЕМИНАР
(Голицыно, 5–8 декабря 2012 г.)

Наши авторы:

Александр Архангельский
Андрей Захаров
Сергей Караганов
Алексей Кара-Мурза
Сильви Кауфман
Джон Ллойд
Джампаоло Панса
Владимир Рыжков
Андрей Рябов
Александр Согомонов
Юлия Счастливцева
Максим Трудолюбов
Михаил Фишман

Подписано в печать 7.12.2012.
Формат 70×108/16.
Усл.-печ. л. 11,75.
Тираж 999 экз.
Заказ №

Московская школа
политических исследований
127006 Москва,
Старопименовский пер., д. 11/6, строение 1
e-mail: msps@msps.su
http://www.msps.su

ISBN 978-5-91734-033-3